3 1761 06142850 4

Х. Н. БЯЛИКЪ

РАЗСКАЗЫ

PJ
5053
B5A55
1922
c.1
ROBARTS

Presented to the

LIBRARY *of the*

UNIVERSITY OF TORONTO

from

the estate of

MISHA ALLEN

АРЬЕ „БААЛЪ-ГУФЪ“

LIBRARY
JUN 19 2003
UNIVERSITY OF TORONTO

Арье „баалъ-гуфъ“

Каждое утро, какъ только солнце глянетъ въ окно, Арье Цапъ-«баалъ-гуфъ»*) вскакиваетъ въ рубахѣ и бѣлыхъ подштанникахъ со своей постели и немедленно идетъ во дворъ къ конюшнѣ провѣдать свою лошадку — Гнѣдко.

Черезъ дворъ, загроможденный бревнами, досками, штабелями дровъ и прочихъ лѣсныхъ матеріаловъ — этимъ Арье торгуетъ — онъ подходитъ къ конюшнѣ, открываетъ ее и входитъ туда.

Въ конюшнѣ, справа отъ входа, въ тѣни, на подстилкѣ изъ травы и соломы, перемѣшанной навозомъ, стоитъ неподвижно, какъ мертвое застывшее тѣло, красная лошадь, цвѣтъ которой расплывается въ сумеречной тѣни. Лошадь привязана веревкой къ корыту, ея маленькія уши повисли, и, кажется, она дремлетъ или погружена въ размышленіе. Надъ ея головой на веревочкѣ, привязанной къ потолку, виситъ задушенная черная ворона — талисманъ противъ чертей, которые мучаютъ лошадей по ночамъ и плетутъ косички изъ ихъ гривы.

Арье подходитъ къ лошади, кладетъ ей на затылокъ свою крѣпкую, мускулистую руку и приговариваетъ: «Стой, Гнѣдко». Лошадь вздрагиваетъ, поддается на-

---

*) Баалъ-гуфъ—человѣкъ грузный и здоровенный, въ юго-западномъ краѣ евреи употребляютъ это слово для обозначенія богатѣя, выскочки.

задъ, настораживаетъ уши и поводитъ глазами. Арье ласково журитъ ее: «Стой, негодяй, не бойся, это я!» Затѣмъ онъ снова проводитъ рукой по гривѣ лошади, щупаетъ ея полный животъ, заглядываетъ въ корыто, съѣла ли лошадь свой кормъ, и, къ большой радости, замѣчаетъ, что за ночь брюхо лошади стало полнѣе и круглѣе. Пройдясь рукой по всѣмъ членамъ лошади, по хребту, по бокамъ, даже по хвосту, онъ отвязываетъ веревку отъ корыта, снимаетъ ведро съ гвоздя, вбитаго въ стѣну, и ведетъ лошадь во дворъ, къ колодцу на водопой.

Пока лошадь пьетъ изъ ведра, изъ простертыхъ рукъ Арье, послѣдній стоитъ и осторожно насвистываетъ, чтобы лошадь охотнѣе пила. Той водой, что остается отъ лошади, Арье обливаетъ лицо и руки, ибо онъ вѣритъ, что эти остатки полезны для тѣла. Когда онъ подставляетъ свою лохматую голову подъ струю холодной воды, на его жирномъ затылкѣ вырисовываются два красныхъ кружка — слѣды отъ банокъ: Арье имѣетъ обыкновеніе въ канунъ каждаго новомѣсячья пускать себѣ кровь; это, по его словамъ, очищаетъ кровь и предохраняетъ отъ головной боли.

Затѣмъ это крѣпкое и здоровое тѣло, со стальными мышцами, съ мѣдными членами и съ полнымъ и краснымъ лицомъ, тѣло, которое, несмотря на свои пятьдесятъ лѣтъ, сохраняетъ силу тридцатилѣтняго, — влажное и остывшее, увѣренными шагами возвращается вмѣстѣ съ лошадью въ конюшню, и при каждомъ шагѣ Арье его полныя жирныя щеки вздрагиваютъ и трясутся.

Водворивъ лошадь на мѣсто, Арье отправляется въ хлѣвъ посмотрѣть, угнали ли уже корову на пастбище, заглядываетъ въ дровяной сарай провѣрить, цѣлы ли дрова, такъ какъ всѣхъ своихъ многочисленныхъ сосѣдей онъ подозрѣваетъ въ кражѣ дровъ. Мимоходомъ онъ окидываетъ взоромъ лежащія у забора бревна, смо-

тритъ въ порядкѣ ли примѣты, которыя онъ оставилъ на нихъ вечеромъ передъ сномъ, тоже опасаясь кражи. И только успокоенный всѣмъ этимъ осмотромъ, онъ возвращается въ домъ разбудить Хану, свою жену, и трехъ сыновей и одѣться, какъ слѣдуетъ.

Черезъ нѣсколько минутъ, надѣвъ верхнія одежды изъ грубой и крѣпкой матеріи, которую онъ любитъ, Арье снова выходитъ изъ дому, открываетъ ворота, ведущія на тихую, погруженную еще въ сонъ улицу, и одновременно шепчетъ какое-то всегда употребляемое имъ, обычное въ округѣ, заклинаніе приблизительно означающее:

— Кто торгуетъ, кто покупаетъ, кто продаетъ — пусть сюда придетъ. — Говоря это, онъ указываетъ рукой на «плацъ» (такъ лѣсоторговцы называютъ дворъ и мѣсто, огороженные для храненія лѣсныхъ матеріаловъ) и мысленно зоветъ къ себѣ. «Сюда, сюда, ко мнѣ, къ Арье Цапъ придутъ покупатели со всего свѣта, Отецъ Небесный»...

Затѣмъ Арье оглядывается по сторонамъ и испытываетъ удовольствіе: всѣ остальные дворы и склады еще закрыты, онъ опередилъ всѣхъ. Скрипъ его воротъ первый нарушилъ тишину улицы. Потому что они всѣ «тяжелые евреи», изнѣженные, такъ сказать, или просто лѣнтяи и лодыри, а онъ, слава Богу, не лѣнится, а тотъ, кто рано выходитъ, злато находитъ, говорятъ люди. Но почему это дѣти не выходятъ во дворъ?

Арье идетъ назадъ, подходитъ къ окну, за которымъ спятъ сыновья, громко стучитъ и кричитъ: «Шеплъ! Зелигъ! Мойше! вы еще не одѣлись? Погодите, я васъ, псы! Живо». И только послѣ этого, если день не базарный, Арье возвращается въ домъ пить чай.

Къ этому дѣлу, къ чаепитію, Арье приступаетъ, предварительно снявъ съ себя кафтанъ и засучивъ рукава своей рубахи. Онъ усаживается за столъ и кричитъ:

— Хана, подай самоваръ.

Толстопузый самоваръ, горячій и испускающій паръ, ставится на столъ возлѣ самого Арье, и послѣдній весь, съ необычайной серьезностью, погружается въ чаепитіе. Каждый его глотокъ оставляетъ замѣтный слѣдъ въ стаканѣ. Такъ онъ опоражниваетъ одинъ стаканъ за другимъ, до тѣхъ поръ, пока хорошенько не вспотѣетъ. Добившись этого, онъ снова надѣваетъ кафтанъ и становится на молитву. И такъ какъ Арье «простой человѣкъ», онъ не пускается въ длинныя разсужденія съ Творцомъ, и молитва его коротка: Быстрое наматываніе филактерій, поцѣлуй «цицисъ»*), плевокъ— «Хана, подай хлѣба!».

Завтракъ состоитъ изъ разной зелени, изъ рѣдьки, лука, съ которыми Арье справляется при помощи всѣхъ мускуловъ лица, какъ мельница, работающая на всѣхъ колесахъ. Покончивъ съ этимъ, онъ окончательно приходитъ въ себя и чувствуетъ потребность выйти за ворота, чтобы выдышать свою рѣдьку и, зѣвая, покалякать въ обществѣ балагулъ, которые обычно располагаются возлѣ его двора и которые уже начали собираться.

Когда это здоровое и крѣпкое тѣло показывается у воротъ, оно по своей осанкѣ и грузности кажется высѣченнымъ изъ цѣльнаго камня, кажется дубомъ, который не шелохнулся бы, если-бы противъ него ополчились вѣтры всего міра.

Болѣзней и недуговъ это тѣло не знало: отроду Арье не чувствовалъ никакой боли и ничѣмъ не болѣлъ. Даже холера, которая дважды посѣщала его улицу и косила

---

*) Кисти видѣнія—шерстяныя нити, ниспадающія съ четырехъ концовъ „арбаканфота“—одѣяніе, которое евреи носятъ подъ платьемъ согласно религіозному предписанію.

обильную жатву, не осилила этого дуба. Какъ будто и ангелъ смерти попятился назадъ передъ такимъ человѣкомъ и прошелъ мимо, подобно многимъ изъ его сосѣдей, которые робко пятятся при встрѣчѣ съ нимъ, хотя онъ никогда не пользовался своей силой во зло, развѣ только шутки ради при подходящемъ случаѣ.

Арье зналъ это и вмѣнялъ это себѣ въ заслугу. Онъ всегда черпалъ увѣренность въ мощи своихъ рукъ, видя, какъ окружающіе боятся его, съ какимъ почтеніемъ они говорятъ о его силѣ; самъ же онъ зналъ, что запасы его силъ они преувеличиваютъ и въ своихъ похвалахъ хватаютъ черезъ край, передавая слухи, которые онъ самъ про себя распускалъ на удивленіе всѣмъ о чудесахъ, которые онъ никогда не совершалъ.

То же самое было и съ его богатствомъ, которое всѣ также преувеличивали, благодаря похвальбѣ Арье. Но если даже оставить безъ вниманія общественное мнѣніе, надо все же признать, что Арье дѣйствительно «баалъ-гуфъ», не только въ прямомъ, но и въ переносномъ смыслѣ слова: человѣкъ, который крѣпко стоитъ на землѣ, у котораго есть не только недвижимость, но и изрядная сумма наличныхъ денегъ, спрятанныхъ въ ящикѣ.

Главныя статьи дохода Арье слѣдующія: торговля лѣсными матеріалами и большіе проценты съ маленькихъ старыхъ ссудъ, которыя онъ когда-то далъ бѣднымъ кацапамъ, пришедшимъ издалека, чтобы поселиться въ окрестностяхъ города. Правда, имъ удалось осѣсть на землѣ только по милости Арье, но зато они попали въ трудовую и денежную зависимость отъ него, стали его вѣчными данниками, а онъ ихъ компаньономъ во всѣхъ ихъ предпріятіяхъ. Разъ въ недѣлю Арье выѣзжаетъ въ своей телѣжкѣ, въ которую впряженъ Гнѣдой, на кацапскую слободу, объѣзжаетъ поля и огороды и собираетъ дань со своихъ подчиненныхъ: отъ

плодовъ земли — бобъ, огурцы, капусту и прочую зе-лень, изъ живыхъ тварей — пѣтуховъ, утокъ, молочнаго теленка; не брезгаетъ онъ и такими продуктами, какъ яйца, молоко. Порою перепадаетъ ему и зачисляется въ счетъ и наличный рубль. И все — въ счетъ процентовъ за старые долги, которые числятся за ними. Выѣхалъ Арье въ пустой телѣжкѣ, а когда онъ подъ вечеръ возвращается домой, телѣжка полна до краевъ всякимъ добромъ, которымъ изобилуетъ кацапская слобода.

Это — его главное дѣло, но основное богатство его не это, а недвижимая собственность и наличная «монета». «Монета»—любимое словечко Арье, которое онъ употребляетъ постоянно. «Нѣтъ здѣсь монеты, — говоритъ Арье и, чтобъ подчеркнуть значеніе этого слова, онъ при этомъ ударяетъ по полному оттопыренному карману брюкъ, — нѣтъ здѣсь монеты — ничего нѣтъ. Есть монета — все есть. Безъ монеты ни шагу не сдѣлаешь».

И грѣетъ монета только тогда, когда она поближе къ тѣлу. Поэтому Арье никогда не рискнулъ положить свои деньги въ банкъ или замѣнить ихъ процентными бумагами. Онъ не вѣритъ въ нихъ, какъ не вѣритъ и въ другія изобрѣтенія и выдумки послѣдняго времени, какъ напримѣръ, въ телеграфъ. Впрочемъ, когда это нужно, и когда можно извлечь изъ этого выгоду, онъ не прочь воспользоваться ими.

— Всѣ эти акціи, банки, то да се, — говоритъ Арье, — всѣ эти штуки — мошенничество и подвохъ со стороны тѣхъ бездѣльниковъ и голоштанниковъ, у которыхъ все состояніе — фи-фу-фа (при этомъ Арье проводитъ рукой по воздуху, чтобъ объяснить, что значитъ фи-фу-фа). Сегодня они тутъ, завтра они поютъ «короткую Пѣснь Пѣсней» въ Иркутскѣ на ярмаркѣ. Ломанаго гроша не стоятъ всѣ эти бумаги. На оберточ-

ную бумагу онѣ годятся — тьфу. Вотъ звонкая монета — это совсѣмъ другое дѣло.

По той-же причинѣ, изъ боязни обмана и подвоха, Арье избѣгаетъ всякаго сколько-нибудь сложнаго дѣла, основаннаго на вычисленіяхъ и разсчетахъ, которые не подъ силу ему. Арье любитъ настоящее дѣло, гдѣ все на ладони. А если ему предложатъ «ярмарку на небѣ», «синицу въ облакахъ» или что-либо въ этомъ родѣ — нѣтъ, его не проведешь!

Изъ недвижимости, кромѣ большого участка, предназначеннаго для собственнаго жилья и торговли, гдѣ находится домъ, обращенный окнами къ улицѣ, амбары, конюшни, хлѣва, теряющіеся среди бревенъ и досокъ, которыя массами и въ безпорядкѣ нагромождены другъ на друга, — у Арье есть на одной изъ площадей города большой каменный домъ. Послѣдній достался ему съ аукціона, въ которомъ среди остальныхъ кредиторовъ участвовалъ и Арье. Ему принадлежитъ также большой садъ на окраинѣ города, который также достался ему въ уплату долга отъ одного кацапа, отъявленнаго пьяницы, которому Арье помогалъ въ трудныя минуты и одолжилъ значительную сумму за солидные проценты. Кромѣ того Арье имѣетъ порожнія земли, пустыри, которые перешли къ нему также въ уплату долговъ отъ сосѣднихъ крестьянъ, и уже подъ его властью получили свободу и отдыхали, поростая бурьяномъ и травой и служа выгономъ для скота. Если къ этому прибавить огуречныя и арбузныя бахчи на слободѣ, въ которыхъ Арье имѣлъ часть, какъ вѣчный кредиторъ, то мы увидимъ, что не напрасно его называли «баалъ-гуфъ»: такъ въ нашемъ округѣ называютъ выскочку, человѣка грубаго, разбогатѣвшаго, но не разставшагося со своей грубостью.

«Цапъ» называли его не потому, чтобы такова была его фамилія, а потому, что въ городѣ N. нельзя было оставаться безъ прозвища. Какъ только кто-нибудь

туда пріѣзжалъ, ему немедленно придумывали кличку, отмѣчавшую какую-нибудь слабую сторону его или его семьи. Эта кличка прилипала къ нему и переходила изъ поколѣнія въ поколѣніе. И если въ другихъ городахъ въ именахъ не разбираются и берутъ прозвища откуда попало, то въ N. большинство именъ берется изъ животнаго царства: Алтеръ — Змѣй, Рувимъ-Гиршъ — Козелъ, Акиба — Дѣвка, Шоломъ — Индюкъ. Само собой разумѣется, что всякое прозвище имѣетъ свой смыслъ, основанный на какомъ-нибудь событіи или происшествіи въ семьѣ нарекаемаго. Такъ и Арье звался Цапъ, потому что его отецъ — миръ праху его — грубый человѣкъ изъ откупщиковъ прошлаго поколѣнія, всю свою жизнь держалъ въ арендѣ «общественнаго козла», и всѣ, кто имѣлъ козъ, обращались къ нему и платили ему за это извѣстную плату. Эту кличку отецъ оставилъ въ наслѣдство всѣмъ своимъ потомкамъ, и семейство «козловъ» здравствуетъ и понынѣ; одинъ изъ славныхъ отпрысковъ его — Арье Цапъ.

Изъ всѣхъ своихъ владѣній Арье питаетъ наибольшую любовь къ упомянутому уже каменному дому съ садомъ на окраинѣ города. Когда кто-нибудь встрѣчаетъ его на улицѣ въ телѣжкѣ, запряженной Гнѣдымъ, и спрашиваетъ по еврейской привычкѣ: «Откуда, куда, ребъ-Арье?» — онъ отвѣчаетъ: «Ѣду въ имѣніе» или «Ѣду провѣдать помѣстье». По словамъ Арье, этотъ садъ — единственный въ своемъ родѣ по величинѣ — нуженъ цѣлый день, чтобъ обойти его, по количеству деревьевъ, по количеству фруктовъ, которые и запахомъ и вкусомъ превосходятъ всѣ фрукты въ мірѣ. И онъ, этотъ садъ, приноситъ ему ежегодно пять тысячъ рублей.

— Ты видалъ мои осеннія яблоки? — хвастаетъ Арье своими фруктами. — Эхъ, дуракъ, ты не видалъ? Такъ ты никогда не видалъ осеннихъ яблокъ? Ты думаешь, что это яблоки, какъ яблоки. Эхъ, дуракъ, дуракъ ты,

такихъ яблокъ, какъ у меня, нѣтъ даже въ губернаторскомъ саду. Дыню ты видалъ? Вотъ такой величины мои яблоки. Каждое яблоко — дыня. Они за версту видны, глупый ты человѣкъ, этакія дыни висятъ на деревѣ между листьевъ. Пойдемъ, дуракъ, я тебѣ покажу, и не говори, что Арье лгунъ. — Говоря это, онъ тащитъ сомнѣвающагося къ себѣ въ домъ, показываетъ ему два огромныхъ яблока, дѣйствительно замѣчательныхъ, и снова начинаетъ расписывать ихъ выдающійся вкусъ, ароматъ, цвѣтъ.

Правда, со временемъ обнаружилось, что эти два яблока выросли не у Арье, а подарены ему изъ сада нѣкоего Ланпидрицкаго, который задолжалъ ему; однако, это открытіе нисколько не смутило Арье. Онъ продолжалъ время отъ времени приводить маловѣрныхъ къ этимъ двумъ яблокамъ, чтобы придать вѣру своимъ словамъ и наглядно показать, каковы яблоки Арье, «дабы ты не смѣлъ сказать, что Арье лжетъ».

Эти два яблока валялись въ шкафу, пока они не сгнили и не стали такъ пахнуть, что нельзя было подойти къ нимъ близко. Однажды, это было въ пятницу, на нихъ обратила вниманіе Хана, жена Арье, дородная и откормленная женщина, съ постоянно краснымъ носомъ и красными глазами: изъ любви къ «горькой каплѣ». Чтобы не разсердить мужа покушеніемъ на честь его яблокъ, она обратилась къ нему очень осторожно, какъ бы за совѣтомъ:

— Какъ ты думаешь, Арье? Кажется, яблоки немного испортились и начинаютъ попахивать... Какъ жаль ихъ.... Отчего ты молчишь, Арье?

— Они воняютъ? Такъ сдѣлай изъ нихъ «цимесъ», — отвѣтилъ Арье безъ лишнихъ словъ. Хана обратила ихъ въ «цимесъ», и яблокъ какъ не бывало.

То же было и съ его богатствомъ и силой — два основныхъ качества, которыми Арье хвасталъ. Онъ старался

расписывать ихъ всякими выдумками и росказнями въ такомъ приблизительно родѣ. Однажды ночью къ нему въ конюшню забрались три вора, которые намѣтили своей жертвой Гнѣдого. Онъ, Арье, какъ разъ въ это время случайно-ли, по своей-ли надобности вышелъ во дворъ. На немъ была только рубаха и подштанники. Онъ услыхалъ шумъ, заподозрилъ неладное, осторожно подкрался, схватилъ двоихъ за шиворотъ и стукнулъ ихъ лбами, третьяго онъ свалилъ пинкомъ ноги. Затѣмъ онъ связалъ ихъ, взвалилъ на телѣгу и повезъ въ полицію. Или въ такомъ родѣ: какъ то разъ пять пьяныхъ кацаповъ хотѣли его избить, онъ схватилъ одного изъ нихъ за ногу, размахнулся имъ, какъ дубиной, и сбилъ съ ногъ остальныхъ. Разсказы о своемъ богатствѣ Арье начиналъ исторіей о графѣ или генералѣ, одолжившемъ у него пять или десять тысячъ рублей. Иногда Арье сваливалъ свое богатство и силу въ одну кучу: начиналъ съ графа, который одолжилъ и не хотѣлъ платить, и заканчивалъ такимъ случаемъ: однажды онъ пришелъ къ графу требовать свою монету. Кромѣ графа, въ домѣ никого не было. Арье схватилъ графа за горло и сказалъ:

— Отдашь деньги — ладно, а нѣтъ — тутъ тебѣ и крышка.

Подобныя исторіи Арье разсказывалъ въ кругу служащихъ изъ лѣсныхъ складовъ и балагулъ, которые въ ожиданіи чьего-либо порученія свезти куда-нибудь лѣсъ собирались со своими сломанными телѣгами и дохлыми клячами возлѣ лѣсныхъ складовъ. Они окружали Арье и слушали его занимательные разсказы. Если послѣ всѣхъ его разсказовъ и доказательствъ находился еще какой-нибудь сомнѣвающійся, Арье разбивалъ его сомнѣнія особымъ способомъ: онъ раздвигалъ два пальца, толстый и указательный, какъ щипцы. хваталъ ими за

затылокъ того, кто сомнѣвался, и начиналъ трясти его, какъ тоненькій стволъ, приговаривая:

— Отвѣчай, отвѣчай же, клопъ, кто сильнѣе всѣхъ? я или ты?

— Ребъ-Арье, ребъ-Арье — поневолѣ соглашается тотъ, пытаясь высвободиться изъ тисковъ.

— Кто сильнѣе всѣхъ? кто самый сильный? — повторяетъ Арье, продолжая сжимать его шею, хотя тотъ уже наполовину согласенъ. Онъ бьется въ тискахъ, какъ рыба, лицо его наливается кровью.

— Ребъ-Арье, ребъ-Арье! — стонетъ сомнѣвавшійся, задыхаясь отъ боли.

— Ну ладно, ступай, песъ, въ свою конуру и держи языкъ за зубами, когда взрослые разговариваютъ, — заканчиваетъ Арье нравоученіе и отпускаетъ провинившагося.

— А ты чего пятишься назадъ, — обращается Арье къ другому балагулѣ, который, дѣйствительно, отступаетъ назадъ — подойди-ка, я пощупаю тебя, сынокъ. Не бойся, дурачекъ, я ничего не сдѣлаю. Я только положу тебя на одинъ ноготь и раздавлю другимъ, вотъ такъ, и ты подохнешь. — При этомъ Арье показываетъ двумя ногтями, какъ убиваютъ приговоренную къ смерти блоху, что возбуждаетъ смѣхъ всѣхъ присутствующихъ.

Само собой разумѣется, что все это дѣлается отъ добраго сердца, только для развлеченія. И балагула и Арье имѣютъ въ виду только доставить удовольствіе собравшимся.

Сомнѣвающимся въ его богатствѣ Арье отвѣчаетъ кратко. Онъ встаетъ, показываетъ оттопыренный карманъ брюкъ, хлопаетъ по нему и говоритъ:

— Вотъ гдѣ монета! — Это заставляетъ умолкнуть всякаго.

Вывернуть кишки, переломать кости, размозжить голову, свернуть шею, выпустить потроха — вотъ при-

правы, которыми Арье обильно пересыпаетъ свою рѣчь; кажется, что онъ читаетъ лекцію по анатоміи. Когда ему приходится разбирать ссору между балагулами, а это случается десять разъ на день, онъ совѣтуетъ одному выпустить кишки второму и послѣднему размозжить паршивую голову перваго, или свернуть ему мерзкую шею — и все будетъ въ порядкѣ. За это балагулы уважаютъ его и постоянно избираютъ посредникомъ и миротворцемъ въ своихъ многочисленныхъ дрязгахъ.

Однако, надо сказать правду: все это говоритъ Арье для красоты стиля. Въ дѣйствительности онъ вовсе не злоупотребляетъ своей силой. Или въ немъ уже остыла молодая кровь, или онъ считалъ, что это не подобаетъ его возрасту — во всякомъ случаѣ немногіе удостаивались видѣть, какъ Арье дерется, выворачиваетъ кишки, пускаетъ потроха. Эту работу обычно исполняютъ его сыновья.

Правда, въ молодости Арье обучался этому дѣлу и совершенствовался на кацапской слободѣ. Съ дѣтства въ немъ же распускались почки и цвѣты, не украшающіе еврейскихъ дѣтей. Ребенкомъ онъ удиралъ изъ хедера; грубый и непонятливый мальчикъ — онъ неохотно слушалъ Пятикнижіе; задорный и дерзкій отрокъ — онъ не повиновался учителямъ, распутнымъ юношей онъ отправлялся на кацапскую слободу, дружилъ съ тамошними хлопцами, водилъ съ ними компанію. Сызмала привлекали его кацапы своимъ ростомъ, своей осанкой, грубыми лицами и крѣпкими шеями, плѣняла его ихъ одежда, ихъ походка и, разумѣется, огромная шевелюра и нахлобученный немного на бекрень картузъ — это-ли не удальцы. Арье старательно подражалъ имъ во всемъ: отростилъ волосы, надѣлъ шапку на бекрень, стоялъ, какъ они, внушительно и въ то же время непринужденно, лущилъ сѣмячки разсѣянно и вяло, свисталъ, какъ они,

размахивая при этомъ ногой. Даже какая-то гордость появилась въ немъ, говорившая каждому: «А ну-ка, тронь». Успокоился Арье только тогда, когда онъ сшилъ себѣ черную рубаху, узкую сверху и широкую снизу, такую, какъ носили кацапы. Съ этихъ поръ онъ былъ принятъ ими, какъ свой, и всѣмъ своимъ существомъ ушелъ въ ихъ забавы и похожденія. Ночи онъ проводилъ съ ними, карауля лошадей, днемъ упражнялся въ ѣздѣ верхомъ и совершенствовался въ «выворачиваніи кишекъ». Арье выросъ, женился на своей Ханѣ, но все не разставался съ кацапами, которые тоже стали уже взрослыми парнями. Онъ видѣлъ ихъ насквозь, понималъ каждый шагъ ихъ и обдѣлывалъ вмѣстѣ съ ними всякія темныя дѣлишки. Начались ночныя похожденія — приводъ и уводъ лошадей — пѣгіе сюда, гнѣдые туда.

Но все это было очень давно. Съ тѣхъ поръ, какъ Арье скопилъ монету и народилъ дѣтей, онъ утихомирился и отошелъ отъ всего этого. Отъ всѣхъ забавъ юности остались только воспоминанія, которыя онъ разукрашивалъ выдумками и фантазіей, да еще глубокая чисто платоническая любовь къ лошадямъ и ко всему, что ихъ касается: къ торговцамъ лошадьми, къ коноводамъ, къ цыганамъ, къ балагуламъ, къ разговорамъ о лошадяхъ. Десять разъ на недѣлю Арье мѣнялъ свою лошадь на другую. Сегодня пѣгую на гнѣдую, завтра гнѣдую на сѣрую и т. д. И все это не для заработка, не изъ корысти, а исключительно изъ любви къ лошадямъ, изъ страсти къ этому любимому дѣлу. Но, однако, все это только малые обломки юности, а все остальное онъ передалъ сыновьямъ, которые тоже уже выросли и возмужали.

Вы думаете, вѣроятно, что Арье скопилъ монету путемъ этихъ темныхъ дѣлишекъ, увода лошадей и ночныхъ похожденій? Ничуть не бывало! Арье разбогатѣлъ, благодаря рукопожатію цадика изъ К. Случилось

это, благодаря женѣ. Вышло такъ, что послѣ пятнадцати лѣтъ мирной совмѣстной жизни она вдругъ опротивѣла ему, и онъ хотѣлъ развестись съ ней. Она, однако, не пожелала развода и пошла жаловаться цадику. Тотъ въ цѣляхъ примиренія обѣщалъ Арье, что счастье войдетъ къ нему въ домъ, благодаря женѣ. Но Арье, простой человѣкъ, не удовлетворился этимъ и весьма нетактично спросилъ:

— Ребе, чѣмъ вы докажете, что ваше обѣщаніе исполнится? дадите вы руку въ этомъ? — И ребе — слушайте и дивитесь — не протестовалъ и далъ ему руку. Такъ разсказываютъ наивные сосѣди Арье. Самъ же онъ дрожалъ за свое счастье, боялся, чтобъ его не сглазили, и открыто не говорилъ объ этомъ — какъ бы отъ лишнихъ словъ не пропала сила рукопожатія цадика. Но въ душѣ онъ былъ очень радъ, что легенда эта распространяется среди окружающихъ, большинство которыхъ завидовало ему: пусть «эти паршивцы» знаютъ, что у Арье есть на кого надѣяться, и пусть полопаются отъ зависти. И чтобы укрѣпить эту увѣренность, онъ иногда умудрялся намекнуть на это: говоря, что онъ скопилъ свое богатство только своими десятью пальцами, онъ спохватывался и добавлялъ «и по милости ребе». Совсѣмъ иначе поступила Хана, виновница рукопожатія, вернувшаго ей благорасположеніе мужа — она говорила объ этомъ десять разъ на день, при чемъ каждый разъ закатывала вверхъ свои круглые красные глаза, потирала руки о стѣну и прибавляла.

— Прежде всего я благодарю Всевышняго, а потомъ ребе...

Скопивъ монету, Арье не возгордился и не сталъ гнаться ни за важностью «гвировъ»*), ни за популяр-

*) Богатый и знатный человѣкъ.

ностью «почтенныхъ евреевъ», а остался такимъ же Арье, какъ былъ. Та же компанія, тѣ же бесѣды и грубыя шутки, тѣ же порядки въ домѣ и внѣ дома; все это приняло только болѣе солидный характеръ, приличествующій его возрасту. Онъ тотъ же Арье-удалецъ, воспитанникъ слободы, но удалецъ немолодой. Устройство дома, трапезы, костюмъ — все это не потерпѣло существенныхъ измѣненій. Не какъ у тѣхъ важничающихъ, у которыхъ вмѣстѣ съ деньгами появляются въ большомъ числѣ и другія достоинства, которые, разбогатѣвъ, сразу становятся аристократами, образованными, учеными, музыкантами, у которыхъ даже нога, съ большимъ трудомъ и усиліями влѣзавшая раньше въ большой грубый сапогъ, становится меньше и свободно входитъ въ маленькій изящный ботинокъ. Арье не нашелъ въ себѣ ни желанія, ни способности освободиться отъ своей простоты и перейти въ лагерь «почтенныхъ евреевъ». Онъ укрѣпился на своей позиціи и довольствовался именемъ «баалъ-гуфъ». Это имя вполнѣ удовлетворяло его честолюбіе, и онъ съ легкимъ сердцемъ отказался отъ значительнаго и почетнаго титула «гвиръ». Если бъ его самого спросили, онъ бы избралъ себѣ имя «монетчикъ» — вотъ что въ точности передаетъ его устремленія. Арье-монетчикъ — вотъ какое имя ему подобаетъ! Съ него довольно, чтобъ «всѣ эти пархи» знали, что у него есть много монеты, остальное плевое дѣло. Поэтому Арье не считалъ себя обязаннымъ важничать и кичиться, заниматься «всякими пустяками» и обязанностями, которыя ревностно соблюдаютъ «почтенные евреи». Все это онъ предоставляетъ имъ, «почтеннымъ евреямъ», пусть они хвастаютъ этимъ въ синагогѣ, онъ рѣшительно ничего противъ нихъ не имѣетъ. Прежде всего, все это стоитъ денегъ: популярность и уваженіе, связанныя съ именемъ «гвира», не даются даромъ. А затѣмъ всѣ эти исторіи вообще не въ его натурѣ и от-

равили бы ему жизнь. Онъ вовсе не хочетъ подставлять свою жирную шею подъ такое тяжелое ярмо.

Коль скоро Арье отчаялся выйти изъ своихъ границъ и подняться на болѣе высокую ступень, онъ жестоко возненавидѣлъ все, что носитъ на себѣ печать тонкости, вкуса, благородства, духовности. Не только высохшее лицо тщедушнаго и невзрачнаго раввина, «бутылки» (такъ Арье называлъ «*пейсы*», завитые на подобіе полой трубки) толстаго рѣзника, впалые глаза плаксиваго кантора возбуждали его крайнее негодованіе — всѣхъ сколько-нибудь почтенныхъ людей и хорошихъ евреевъ Арье ненавидѣлъ и считалъ своими исконными врагами за то, что они не похожи на него. Самъ же онъ нисколько не огорчается и не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на презрѣніе высшихъ и на насмѣшки гвировъ — все это только изъ зависти къ его богатству. Вѣдь его богатство настоящее, устойчивое, богатство непреходящее — имѣнія и земли, а ихъ богатство призрачное, солнце въ облакахъ, фи-фу-фа. какъ пришло, такъ и уйдетъ.

Въ своихъ бесѣдахъ съ балагулами Арье не щадилъ ни одного сколько-нибудь приличнаго или неприличнаго домохозяина; каждый попадался ему на языкъ, въ каждомъ онъ находилъ пороки, надъ которыми можно посмѣяться, у каждаго отмѣчалъ слабости и недостатки. Особенно умѣло обнаруживалъ онъ свое искусство, когда дѣло касалось человѣка, съ которымъ онъ время отъ времени имѣлъ денежныя дѣла.

Ребъ-Ааронъ Буйволъ — свинья, простите за выраженіе, Хаимъ-Гиршъ Левіафанъ способенъ рѣшительно на все, Яковъ-Нисонъ Кишко — піявка, къ тому же онъ надѣваетъ четыре пары филактерій, Бэришъ Пѣтухъ — того... насчетъ женскаго пола, Ици Пупокъ — воръ и хитеръ, какъ чертъ. — Такъ перечислялъ Арье достоинства всѣхъ сосѣдей, «почтенныхъ евреевъ». Къ чести

его нужно сказать, что онъ обладалъ особымъ даромъ наблюдательности и проницательности, такъ что замѣчалъ малѣйшее пятнышко на своихъ врагахъ; онъ пріукрашалъ это ругательствами и шуточками къ великой радости служащихъ и балагулъ, которые жадно глотали его слова и старались своими вопросами развязать ему языкъ.

— А что вы думаете, ребъ-Арье, относительно ребъ-Боруха Барделеса? — спрашиваетъ одинъ юркій и остроумный балагула.

Ребъ-Борухъ Бар-бар-исъ? — коверкаетъ Арье фамилію тономъ удивленія. — Ребъ-Борухъ Бар-бар-исъ? — И тотчасъ же онъ спокойно продолжаетъ: — Ребъ-Боруха Барделеса не трогайте, господа. Онъ, дѣйствительно, хорошій еврей. Онъ не простой воръ, а воръ съ бухгалтеріей. Вы не понимаете? Я могу вамъ разсказать. Вы помните лѣсъ, который у меня былъ въ компаніи съ нимъ. Монету на покупку и на рубку его я далъ, а когда дѣло дошло до дѣлежа барышей — вижу въ четвергъ подъ вечеръ къ моему дому подъѣзжаетъ коляска, и ребъ-Борухъ слѣзаетъ съ нея. Я полагалъ, что онъ привезъ монету и думаю себѣ: «Добро пожаловать». Но ребъ-Борухъ снимаетъ, вижу я, съ телѣги не деньги, а — книги! Одну книгу, другую, третью — штукъ пятнадцать. Всѣ толстыя и тяжелыя, какъ свиньи. «Ребъ-Борухъ, — спрашиваю я, — куда вы несете это? зачѣмъ это вамъ?» «Я несу бухгалтерію». Отлично, неси себѣ бухгалтерію. Бухгалтерія лежитъ на столѣ, а я все не вижу главнаго. «А гдѣ монета?» — спрашиваю. «Вотъ», — указываетъ ребъ-Борухъ на самую толстую изъ книгъ. Я раскрываю, перелистываю ее и все не вижу. «Я не вижу, ребъ-Борухъ, не вижу». — Смотрите сюда, — отвѣчаетъ ребъ-Борухъ и переворачиваетъ страницу. Я смотрю. смотрю туда и ничего не вижу. Тамъ только угловатые значки, черточки и точки, какъ отъ мухъ. «Ничего

нѣтъ здѣсь, ребъ-Борухъ», — говорю я. «Смотрите сюда,» — отвѣчаетъ ребъ-Борухъ и переворачиваетъ еще нѣсколько страницъ. Давай-ка, думаю, посмотрю, что тамъ лежитъ между значками. «Хана, дай мнѣ очки». Я надѣваю на носъ очки и говорю ребъ-Боруху: «читайте». Ребъ-Борухъ читаетъ: «Сто семнадцать рублей и тридцать семь съ половиной копеекъ». Отлично. — А дальше что написано? — «Овесъ — тридцать семь рублей и семнадцать съ четвертью копеекъ». Отлично. — Дальше! — «Лошадь столько-то и столько то, телѣга столько-то и столько-то». И такъ далѣе: лошадь, сѣно — сѣно, лошадь» до самаго конца. Это была бухгалтерія. А монеты я такъ до сихъ поръ и не видалъ.

— А какъ вамъ нравится ребъ-Мендель? — задаетъ ему снова вопросъ балагула.

— О ребъ-Мендель я ничего плохого не скажу. Ребъ-Мендель очень долго сидитъ въ синагогѣ послѣ молитвы и жуетъ «Хокъ»*). И когда онъ произноситъ слово во время чтенія, то голосъ его раздается изъ рыжей бороды, и кажется, что это мычитъ моя рыжая корова. Ты не знаешь, что это «Хокъ», Береле? — вдругъ обращается Арье къ ближайшему изъ собесѣдниковъ. Ты не знаешь, оселъ, ты спроси, я тебѣ объясню. «Хокъ» — это книга, которую «почтенные евреи» кладутъ въ мѣшокъ съ «талесомъ»**) и читаютъ послѣ всѣхъ молитвъ, какъ бы на закуску. И ребъ-Мендель тоже почтенный еврей съ нѣкоторыхъ поръ. Это съ того дня, какъ ему досталось имущество несчастной вдовы и маленькихъ сиротъ, которыхъ онъ пустилъ по-міру, съ тѣхъ поръ, какъ онъ обанкрутился въ Лейпцигѣ... Онъ даже пришилъ серебряное украшеніе къ «талесу».

---

*) Кругъ чтенія.
**) Молитвенное облаченіе.

— Эхъ, дурачье, дурачье! — заканчиваетъ Арье свои изліянія. Не знаете вы, что всѣ мы люди изъ плоти и крови, и что всѣ люди только и думаютъ, что о копейкахъ. А что будетъ тамъ на томъ свѣтѣ одинъ Богъ знаетъ, а мы что?

Такого рода обличительныя проповѣди Арье читалъ обыкновенно послѣ обѣда, сидя на скамеечкѣ, окруженный возчиками и мелкими захудалыми лѣсоторговцами, съ которыми онъ обращался запросто, безъ церемоній по-товарищески. Они платили ему добромъ за эту скромность, внимательно слушали его и представлялись чудаками, принимавшими за истину его басни о лошадяхъ и кацапахъ, о графахъ и генералахъ, просящихъ его объ одолженіи, о разбойникахъ, съ которыми онъ расправлялся одинъ на пять; они благоговѣйно прислушивались къ его разсужденіямъ о томъ, что будетъ «тамъ», которыми онъ заканчивалъ свои бесѣды. Когда Арье доходилъ до темы о смерти, онъ оставлялъ свое легкомысліе и какъ бы каялся во всемъ томъ, что говорилъ прежде. Со свойственнымъ ему смиреніемъ онъ излагалъ свои взгляды на эти вещи и, по своему обыкновенію, сводилъ на нѣтъ всю эту жизнь, которая и выѣденнаго яйца не стоитъ.

— Смерть — это послѣдній конецъ, это заключительная игра. — дуракъ ты этакій, — придавленно заканчивалъ онъ: вчера — онъ, сегодня — ты, завтра — я. Все идетъ въ одно мѣсто. Всѣмъ намъ закатаютъ рубашенки до шеи... лежи, милый человѣкъ, и не поворачивайся. — Возчики вздыхаютъ и долго молчатъ.

Простота вообще была присуща Арье. Онъ всегда первый здоровался даже съ нищими на базарѣ, онъ, не стѣсняясь, засовывалъ руку въ грязный карманъ балагулы или мужика, чтобы извлечь щепотку табаку для папиросы. Онъ не стыдился при случаѣ помѣряться силами съ какимъ-нибудь крестьяниномъ на базарѣ, побороться съ

нимъ передъ всей честной компаніей, и потомъ зайти въ ближайшій кабакъ выпить «побѣдную» чарку за счетъ крестьянина. Однимъ словомъ, Арье отличался особенной простотой.

Однако, кромѣ этой обычной простоты, была у Арье еще какая-то особая смиренность, свойственная людямъ его типа и проистекавшая исключительно изъ робости, изъ постояннаго страха и тревоги за свои деньги. Поэтому-то, несмотря на его вѣру въ свои силы и богатство, онъ неоднократно поминалъ имя Божіе и ставилъ милость Господню рядомъ съ трудами рукъ своихъ, коль скоро дѣло касалось денегъ. Поэтому-же онъ былъ очень суевѣренъ: вѣрилъ ворожеямъ и цадикамъ, шептунамъ и талисманамъ. Зарѣзать летучую мышь золотой монетой и похоронить подъ порогомъ — къ добру; беречь, какъ зѣницу ока, кошку, живущую у него въ домѣ — значитъ беречь свое счастье; троекратно прошептать на зарѣ, открывая ворота, извѣстное заклинаніе хорошо начинать день. Это заставляло его раскрывать свою мошну, которая ему была дороже самого себя, передъ К-скимъ цадикомъ и скрываться на минуту при приближеніи похоронной процессіи и при звонѣ благотворительныхъ кружекъ. Суевѣрный страхъ и дикій трепетъ охватывалъ его при всемъ напоминающемъ нечистую силу и близость Страшнаго Суда. Онъ становился тогда неузнаваемъ. Арье Цапъ, какъ всѣ простые люди, которыхъ счастливый случай внезапно извлекъ изъ грязи и вознесъ на высоту, по временамъ боялся какой-то тайной силы, могущественной и жестокой, которая можетъ разсердиться и сбросить его снова въ ту грязь, гдѣ онъ валялся прежде. И, какъ оселъ, взбирающійся по лѣстницѣ, онъ останавливался отъ страха: а вдругъ сломается ступенька подъ ногами — тогда и костей не подберешь. У Арье, правда, есть на что полагаться — на пресловутое рукопожатіе, и все-же надо опасаться...

потому что повредить можетъ даже муха, а съ Богомъ, говорятъ, не поспоришь. Прежде всего необходимо стараться быть подальше отъ этой тайной силы, не попадаться ей на глаза, чтобъ она проходила мимо, не обращая на тебя вниманія, и не вмѣшивалась въ твои дѣла. Но что если она совсѣмъ забудетъ о тебѣ? И это не такъ страшно, пока у тебя есть монета, и ты крѣпко стоишь на ногахъ. Это средство — быть подальше — не стоитъ ни копейки и особенно улыбается Арье. Любопытно бывало видѣть, какъ это большое тѣло сжималось и съеживалось, когда по сосѣдству оказывался опасный больной, умирающій или покойникъ. Куда дѣвался этотъ грузный здоровякъ? Куда дѣвался Арье баалъ-гуфъ, силачъ, самонадѣянный, насмѣшливый и задорный? Какъ безобидны и скромны, какъ кротки и смиренны становились тогда разговоры Арье съ возчиками о происшедшемъ событіи. Арье говорилъ сосредоточенно, пониженнымъ голосомъ о суетѣ всей этой жизни, не стоющей и выѣденнаго яйца, о томъ, что нѣтъ разницы между животнымъ и человѣкомъ, о неразумін людей, которые думаютъ, что они «не какъ всѣ», что для нихъ законы не писаны, о томъ, что богатство — суета суетъ и даже меньше, чѣмъ суета суетъ... Между прочимъ онъ бросаетъ и крупицу утѣшенія сокрушеннымъ и вздыхающимъ балагуламъ: «Онъ, Всемогущій, не желаетъ зла своимъ созданіямъ. Онъ, Отецъ небесный, милосердъ и жалостливъ». И откуда беретъ этотъ человѣкъ подобныя слова и подобныя мысли? Такъ и кажется, что онъ читаетъ «Жезлъ наставленія»*). Во время такой бесѣды приближается похоронная процессія. Покойника несутъ на похоронныхъ носилкахъ, сколоченныхъ изъ досокъ, согласно обычаю, сзади идутъ люди съ печальными лицами и опущенными головами, побря-

*) Душеспасительная книга на еврейскомъ языкѣ.

киваютъ благотворительныя кружки — брякъ-брякъ — *благотворительность спасетъ отъ смерти!* А Арье, который вотъ только что сравнивалъ злато и серебро съ прахомъ земнымъ, начинаетъ «уменьшаться», съеживаться, все больше и больше, пока вовсе не исчезаетъ. Въ ту минуту, когда «шамесъ» *) съ благотворительной кружкой поравнялся съ группой извчиковъ, которые наперерывъ стараются бросить копейку въ отверстіе кружки, Арье давно лежитъ въ погребѣ или сидитъ въ комнатѣ и слушаетъ позвякиванье кружекъ, все удаляющееся и, наконецъ, умолкающее. И все это только для того, чтобъ отвлечь отъ себя вниманіе близкаго къ нему Правосудія. Что я значу въ твоихъ глазахъ, Отецъ Милосердый, что ты обращаешь на меня вниманіе? Я ничего не стою, Владыка міра, и я удаляюсь отсюда.

Но такъ какъ однихъ только предохранительныхъ средствъ недостаточно, чтобы защитить себя — дьяволъ можетъ найти и въ погребъ, и не помогутъ тутъ никакія пятки — необходимо какое-нибудь болѣе активное средство, какое-нибудь противодѣйствіе, какой-нибудь даръ, молитва или другое средство борьбы противъ этой тайной и злой силы. Арье Цапъ видѣлъ необходимость, помимо талисмановъ и нашептываній, о которыхъ рѣчь была раньше, въ какомъ-нибудь постоянно находящемся при немъ (дай Богъ, чтобы онъ оказался лишнимъ!) ходатаѣ, посредникѣ между нимъ и тайной силой, чтобъ умилостивить ее въ минуту гнѣва, подлизаться къ ней въ подходящій моментъ, — вообще въ вѣрномъ человѣкѣ, который взялъ бы на себя всѣ сношенія между нимъ и небомъ, который снялъ бы съ его шеи это ярмо. Для этой цѣли Арье не нашелъ никого болѣе подходящаго, чѣмъ ребе изъ К.. сына цадика, который въ свое время пожалъ ему руку. И какъ только Арье чуялъ

*) Служка.

какую-нибудь опасность, онъ тотчасъ запрягалъ свою телѣжку и скакалъ къ ребе, чтобъ предотвратить несчастье. Въ силу цадиковъ вѣрилъ Арье безусловно и безъ колебаній, не дѣлая различій между однимъ цадикомъ и другимъ, и не изъ какихъ-либо духовныхъ или религіозныхъ соображеній, онъ просто считалъ ихъ ремесленниками, которые иногда нужны бываютъ людямъ, какъ ворожеи, напримѣръ. А когда нуженъ воръ, говорятъ, — его снимаютъ съ висѣлицы. Но какъ ремесленники бываютъ портачи и бываютъ знающіе свое дѣло, точно также существуютъ и цадики — портачи и умѣлые. Послѣдніе свою работу дѣлаютъ добросовѣстно, и ихъ обѣщанія сбываются. Во всемъ же, что не касается ихъ профессіи, цадики могутъ быть самыми обыкновенными людьми и такъ же думать о копейкѣ, какъ и всѣ.

К-скаго цадика Арье избралъ только потому, что онъ вѣрилъ въ рукопожатіе его отца и былъ ему благодаренъ. Помимо того онъ считалъ его приличнымъ ремесленникомъ, менѣе умѣлымъ, чѣмъ его отецъ, конечно, но на безрыбьи и ракъ — рыба; можно было удовлетвориться и имъ. Да къ тому же чего стоила одна борода К-скаго цадика! Ни у одного цадика въ округѣ нѣтъ такой солидной бороды. Одной его бороды достаточно, чтобъ считать его цадикомъ... Надо сказать правду: Арье платилъ, какъ слѣдуетъ, за посредничество цадика съ небомъ. Зналъ и ребе, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, и назначалъ за каждое «дѣло» приличное вознагражденіе по своему усмотрѣнію. Въ трудныя минуты цадикъ посылалъ къ Арье своихъ посланцевъ, ѣздившихъ по мѣстечкамъ, за полученіемъ аванса въ счетъ будущаго. Арье дѣлалъ видъ, что онъ гордится посѣщеніемъ этихъ посланцевъ, жаловавшихъ къ нему слишкомъ часто, но втайнѣ онъ досадовалъ и злился. «Піявки!» сердито шипѣлъ Арье сквозь зубы, завидѣвъ такого посланца, направляющагося къ нему за авансомъ. Одно-

временно онъ старался разгласить это событіе: пусть, молъ, знаютъ евреи, что цадикъ посылаетъ ко мнѣ, нуждается во мнѣ. Посланца вводили въ домъ съ шумомъ и трескомъ, такъ что вся улица знала о томъ, что ребе послалъ къ Арье. Арье вздыхалъ и давалъ, а цадикъ посредничалъ и бралъ. Да и что было подѣлать Арье? Вѣдь надо заплатить ребе за работу, потому что «грошовому врачу цѣна грошъ». Хорошо и то, что ребе избавляетъ его отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ небу, въ число которыхъ входили и пожертвованія «піявкамъ» — такъ Арье называлъ всѣхъ вообще обращавшихся за пожертвованіемъ. Хватитъ съ него того, что онъ даетъ ребе — достаточно это ему стоитъ! «Да, и наконецъ, и ребе человѣкъ, и чѣмъ онъ будетъ жить, если мы не будемъ поддерживать его?»

Послѣднюю причину щедрости къ ребе Арье только другимъ выставлялъ, хотя всѣ знали, что Арье — хамъ, что въ немъ нѣтъ ничего еврейскаго, что онъ готовъ рискнуть жизнью за копейку, что онъ думаетъ только о своемъ кошелькѣ, нимало не интересуясь, чѣмъ и какъ живутъ другіе. Нищіе, обходящіе дома въ кануны новомѣсячій, сборщики пожертвованій, канторъ и «шамесъ» изъ синагоги уходили отъ него съ проклятіями на устахъ. А если какой-нибудь «отпрыскъ» святого мужа по ошибкѣ переступалъ его порогъ, онъ потомъ благодарилъ Господа за то, что ему по-добру, по-здорову удалось унести ноги. Послѣ этого онъ весь день чувствовалъ звонъ въ ушахъ и мѣнялся въ лицѣ, вспоминая нѣжныя рѣчи, которыми Арье выпроводилъ его:

— Ага, ребъ-Цодекъ — встрѣчалъ Арье «отпрыска» на порогѣ — маршъ, маршъ! нѣтъ у меня денегъ... нѣтъ! не туда попалъ. Проваливай, голубчикъ.

Въ исключительныхъ случаяхъ, когда невозможно было совсѣмъ отдѣлаться, Арье посылалъ «піявокъ» къ женѣ, отъ которой канторъ и шамесъ кое-что получали

въ обѣ годовщины смерти ея родителей, строго соблюдаемыя ею. Шамесъ долженъ былъ помнить объ этихъ годовщинахъ, зажигать поминальныя свѣчи, канторъ читать «мишнаіотъ», говорить «кадишъ» и совершать заупокойную молитву. За это они получали по пятаку каждый.

Нечего говорить о томъ, что Арье никому не одалживалъ денегъ безъ процентовъ. И не удивительно, что нѣкоторые роптали на Бога и жаловались: «Не знаетъ видно Богъ, куда дѣвать свои деньги. Не нашелъ лучшаго мѣста — какъ коровѣ сѣдло».

Особенно ненавидѣли Арье мелкіе захудалые лѣсоторговцы, которые льстили ему въ глаза и посылали всяческія проклятія за глаза. «Видали вы этого Исава, чтобы онъ пропалъ, какъ онъ и его ублюдки вырываютъ кусокъ хлѣба у насъ изо рта», жаловались они постоянно. Его три сына, помогавшіе отцу въ дѣлѣ, были страшнѣе хищныхъ звѣрей, когда они стояли у воротъ склада, зазывая покупателей, или ходили по базару, скупая лѣсъ у крестьянъ. Не сдобровать тому, кто ихъ тронетъ, не лучше и тому, кого они тронутъ. Когда они перехватывали у кого-нибудь покупку, подскакивая и набавляя два злота за возъ дровъ, который съ большимъ трудомъ выторговалъ какой-нибудь захудалый еврей, это сходило съ рукъ. Но стоило другимъ сдѣлать попытку коснуться чего-нибудь, что хоть въ малѣйшей степени затрагивало ихъ интересы, или даже постоять за свои собственные, они жестоко расплачивались за это. Другихъ угрозъ, кромѣ смертоубійственныхъ, Арье и его сыновья не знали. Если ты не уйдешь отсюда, паршивецъ, то подохнешь тутъ на мѣстѣ! Если ты не уберешься, гадина, я выпотрошу тебя! — таковы были угрозы Арье и его сыновей. И если самъ Арье ограничивался словами, то сыновья его были людьми дѣла. Такимъ способомъ они завладѣвали всѣмъ базаромъ, всѣми лучшими товарами

на зависть остальнымъ торговцамъ, которые должны были довольствоваться тѣмъ, что забраковывалось Арье и его сыновьями. И какъ везло Арье! Всѣ крестьяне плясали подъ его дудку. Почти всѣ крестьяне, которые привозили лѣсъ, были его друзьями. Мало того, что они уважали его за силу и крѣпкую руку, мало того, что они любили его за общительность, за умѣніе говорить доступнымъ имъ языкомъ, за его интересныя бесѣды и разсказы, которые приходились имъ по вкусу, — неизвѣстно почему у нихъ составилось мнѣніе объ Арье, какъ о человѣкѣ исключительной честности, который никогда не проведетъ и не обманетъ, хотя всѣ вышеперечисленныя качества были у него, по словамъ враговъ, лишь средствомъ для того, чтобы возможно ловче выманивать и выжимать.

Вотъ взошло солнце базарнаго дня. Всѣ торговцы встали до зари и спѣшатъ на дневную работу. Еще въ темнотѣ они снарядились и выѣхали за городъ, версты за четыре, къ старой корчмѣ, навстрѣчу запоздавшимъ крестьянамъ, которые не успѣли ночью прибыть на базаръ: авось смилостивится надъ ними Господь и пошлетъ имъ хорошій заработокъ къ субботѣ. Но увы, теперь и мужикъ — за грѣхи наши, видно — сталъ умнѣе и даже слышать не хочетъ о томъ, чтобъ совершить сдѣлку по дорогѣ, онъ непремѣнно хочетъ въ городъ. «Тамъ есть пане Арье» — вспоминаетъ онъ и спѣшитъ ѣхать дальше, не обращая вниманія на то, что какой-нибудь Мендель или Янкель пристаетъ къ нему.

— Подожди, подожди минуту, Иванъ, — кричитъ Янкель вслѣдъ отъѣзжающей телѣгѣ, забѣгаетъ впередъ, бѣжитъ за ней, какъ собака, звенитъ передъ Иваномъ деньгами, суетъ ихъ ему за пазуху въ тотъ моментъ, ког-

да Иванъ, поровнявшись съ корчмой, чуетъ запахъ водки и готовъ поддаться соблазну. — Ума не приложу, Иванъ! Ты-жъ не дуракъ, Иванъ! Да ты не узнаешь меня, что ли? Сдѣлай, Иванъ, по старой дружбѣ . . . Побойся Бога, Иванъ. — Все напрасно. Иванъ оборачивается наполовину къ Янкелю, недолго соображаетъ, какъ бы желая что-то сказать, тотчасъ раздумываетъ, сердито ударяетъ кулакомъ по усталымъ лошадямъ и кричитъ: «Но-о»!

Въ это самое время Арье Цанъ расхаживаетъ по большому лѣсному рынку, протискивается и пробирается между подводъ и телѣгъ, нагруженныхъ всякими лѣсными матеріалами, справляется, какъ добрый знакомый, о здоровьи старыхъ крестьянъ, которые стоятъ у телѣгъ, добродушно шутитъ съ ихъ молодежью, одного потянетъ за ухо, другого щелкнетъ въ носъ, потомъ занимаетъ ихъ грубыми шутками, какъ бы невзначай, пощупаетъ мѣшокъ на одной телѣгѣ, пощупаетъ тюкъ на другой, потреплетъ одну лошадь по животу, другой посмотритъ въ зубы — кажется, будто у него и въ мысляхъ нѣтъ ни дровъ, ни чего-либо подобнаго, будто онъ затѣмъ и пришелъ только, чтобъ спросить ихъ о здоровьи и покалякать съ ними. Между тѣмъ вокругъ него собирается группа крестьянъ. Снова привѣтствія, вопросы и справки о томъ, отелилась-ли уже корова Петра, принесла-ли лошадь Митрія жеребенка (Арье хорошо освѣдомленъ о состояніи хозяйства у многихъ крестьянъ), разговоры о прошлогоднемъ снѣгѣ, о предстоящей ярмаркѣ; между словъ Арье залѣзаетъ въ грязный карманъ какого-либо мужика, беретъ оттуда немного табаку, листокъ бумаги, третъ и закуриваетъ не потому, чтобы Арье доставлялъ удовольствіе табакъ, а для того, чтобъ еще больше расположить къ себѣ крестьянъ своей простотой и привлечь ихъ той особой симпатіей, которую онъ выказываетъ по отношенію къ нимъ.

Мало-по-малу потокъ краснорѣчія Арье усиливается, языкъ его развязывается все больше и больше, онъ самъ тонетъ въ разливѣ своихъ словъ, начинаетъ разсуждать о еврейскихъ обычаяхъ, которые онъ любитъ описывать и высмѣивать къ удовольствію крестьянъ. Онъ разсказываетъ, по своему обыкновенію, иронически о пасхальномъ «сейдерѣ», объ обычаяхъ Суднаго дня, о другихъ праздникахъ, выбирая то, что можетъ разсмѣшить или удивить крестьянъ. Съ особеннымъ удовольствіемъ онъ останавливается на тѣхъ обычаяхъ, которые стоятъ евреямъ денегъ, расписываетъ приготовленія къ Пасхѣ, раздачу пожертвованій въ канунъ Суднаго Дня и т. д. Этимъ онъ хочетъ показать, какъ тяжела жизнь евреевъ, съ какими чрезмѣрными расходами и безчисленными потребностями она сопряжена. «Такъ-то, добрые люди — кончаетъ Арье подобную бесѣду — у насъ не такъ, какъ у васъ. У насъ на каждомъ шагу законы. Наши потребности, — куда больше вашихъ». Такими и подобными разговорами Арье располагаетъ къ себѣ крестьянъ, притягиваетъ, притягиваетъ, пока не притянетъ вмѣстѣ съ телѣгами и товарами на свой дворъ. Сдѣлка у него заключается сразу, онъ улучаетъ подходящій моментъ среди разговора, перескакивающаго съ одного предмета на другой — и десять телѣгъ всякаго добра съ шумомъ и скрипомъ отправляются съ базара къ складамъ Арье въ сопровожденіи одного изъ сыновей его.

Нѣтъ, однако, правила безъ исключеній. Не всегда удается Арье мирно уйти съ базара. Бываетъ, что базаръ причиняетъ ему большія непріятности и хлопоты, о которыхъ онъ помнитъ не одинъ день. Особенно печальные случаи бываютъ, когда Арье приходится сталкиваться съ Алтеромъ Курицей . . . Но здѣсь я долженъ прервать свое повѣствованіе и разсказать вкратцѣ, кто такой этотъ Алтеръ Курица.

По своему положенію Алтеръ средній домохозяинъ и средній лѣсопромышленникъ. На видъ онъ низенькій человѣчекъ, худой и невзрачный — поэтому его и назвали Курицей; его сердитое лицо, острый носъ и мутные глаза перерѣзаны множествомъ синихъ жилокъ. По натурѣ онъ вспыльчивъ, горячъ и раздражителенъ, одинъ изъ тѣхъ характеровъ, въ которыхъ желчность переплетается съ меланхоліей. Онъ всѣхъ ненавидитъ, и всѣ платятъ ему тѣмъ же. Даже, когда онъ молчитъ, все его маленькое тѣло кажется бочкой смолы, которая кипитъ, кипитъ, кипитъ... Раскрываетъ ротъ онъ только, чтобъ ругать и проклинать весь міръ, одновременно онъ яростно потрясаетъ маленькимъ кулачкомъ и брызжетъ слюной — тоже на весь міръ. Это маленькое существо приходится мужемъ большой женщинѣ, рослой и сильной, которая славится жестокимъ кулакомъ, нерѣдко падающимъ на голову мужа, и замѣчательными огурцами. Сія прекрасная пара произвела на свѣтъ пятерыхъ сыновей, статныхъ юношей, унаслѣдовавшихъ отъ маленькаго отца желчность и горячность, а отъ большой матери — ростъ, осанку и силу. Надѣясь на свое потомство и на свою половину — Бобу (такъ зовутъ ее), это маленькое насѣкомое, Алтеръ Курица, ни за что не хочетъ преклониться передъ могучимъ львомъ, Арье Цапъ, и встрѣча двухъ такихъ противниковъ всегда чревата послѣдствіями. Вотъ маленькій образецъ подобныхъ столкновеній.

Арье замѣчаетъ, что Алтеръ торгуетъ на базарѣ возъ досокъ у одного крестьянина изъ его добрыхъ пріятелей. Эта дерзость не нравится Арье. «Какъ это? Это его крестьянинъ, — и доски принадлежатъ ему. А вдругъ влѣзаетъ какая-то курица и становится между ними. Надо прогнать ее».

— Кши-кши-кши! — начинаетъ Арье гнать Алтера, желая уколоть его намекомъ на прозвище.

Синія жилки на лицѣ и на носу Алтера вздуваются, ядъ, который течетъ по нимъ, начинаетъ кипѣть, клокотать, подходить къ мутнымъ глазамъ и дѣлаетъ ихъ красными. И все же Алтеръ на мгновеніе застываетъ на точкѣ кипѣнія, поворачиваетъ свою маленькую голову къ Арье, кривляясь, покачиваетъ ею, смотритъ на него злымъ и пронзительнымъ взглядомъ снизу вверхъ.

— День добрый, Митрій — обращается Арье къ крестьянину, какъ бы совершенно не замѣчая присутствія Алтера.

— Что это съ тобой, Митрій? Ты привезъ на базаръ просо, а мнѣ и не сказалъ? Вотъ тебѣ и на! Ты вѣдь знаешь, что я держу во дворѣ куръ, а имъ нужно просо, курамъ этимъ . . . Да что такое? Я не разглядѣлъ, ты никакъ доски привезъ, а не просо. Такъ зачѣмъ курамъ доски? Кши-кши-кши . . .

Чаша переполнилась. Кончикъ носа Алтера все болѣе и болѣе заостряется, брови его сдвигаются, какъ будто онъ хочетъ выжать весь свой гнѣвъ, сосредоточить всю силу и злость своего взгляда на одной точкѣ, вбрызнуть ядъ въ Арье, сжечь его въ одно мгновенье. «Цапъ, чтобъ тебя чертъ побралъ со всей твоей родней!» хочетъ закричать Курица, но при воспоминаніи объ опасности, сопряженной съ этимъ, ввиду отсутствія кого-нибудь изъ цыплятъ, способныхъ защищать въ нужную минуту отъ этого козла, сердце его наполняется трепетомъ. Это печальное обстоятельство заливаетъ холодной водой пламень гнѣва. Однако, чтобы не стоять сложа руки передъ врагомъ, Алтеръ вдругъ отчаянно кричитъ.

— Арье! Арье! Арье!

Въ это троекратное восклицаніе, со скрежетомъ зубовнымъ вырвавшееся изъ кипящаго и встревоженнаго сердца, Алтеръ влилъ тысячи проклятій и ругательствъ, дрожавшихъ на кончикѣ языка, рвавшихся наружу и —

раздавленныхъ межъ скрежещущими зубами. На Арье, однако, это не дѣйствуетъ, и онъ продолжаетъ въ прежнемъ стилѣ.

— И вправду, Митрій, ты ошибся, что привезъ доски, а не просо курицѣ. Но ужъ коли такъ, возьми-ка да свези эти доски къ Арье во дворъ, онъ ужъ заплатитъ тебѣ, сколько слѣдуетъ. Ты вѣдь знаешь Арье уже не первый день. А, Митрій? О чемъ ты думаешь? Ну, вези! а съ курицей я самъ полажу.

Алтеръ ищетъ взоромъ помощи, но видитъ сыновей далеко отъ себя: тамъ на другомъ концѣ базара они торгуются съ другими крестьянами за другія телѣги. Плохо дѣло! Подмога далеко, а бѣда близко.

Что касается крестьянина, то онъ не торопитъ событій и не спѣшитъ везти телѣгу. Онъ знаетъ такія штуки, знаетъ напередъ, что за телѣгу, за которую дерутся два покупателя, въ концѣ концовъ платятъ вдвое, и торопиться тутъ нечего. Онъ медленно запускаетъ руку въ карманъ, вытаскиваетъ табакъ и трубку и собирается закурить. Алтеръ видитъ въ его медлительности благопріятный для себя признакъ и думаетъ, что крестьянинъ не посмѣетъ запросить послѣ того, какъ они сторговались. Онъ вынимаетъ изъ кошелька ту сумму, на которой они остановились, до вмѣшательства «козла», суетъ деньги за пазуху крестьянину, занявшемуся разжиганіемъ трубки, и говоритъ.

— Вотъ тебѣ, Митрій, сколько ты хочешь, хоть товаръ и не стоитъ того, — чтобъ такъ враги мои подохли. Я только не хочу, чтобъ мои труды даромъ пропали.

— Сколько ты тамъ даешь, пане Алтеръ? — спрашиваетъ крестьянинъ, зажигая огонь. — Сколько? двѣнадцать рублей и три злота? сказалъ вѣдь я — пятнадцать съ полтиной.

— Да это раньше, Митрій, это спервоначалу... Ты жъ уступилъ за двѣнадцать и три злота, — пытается Алтеръ

разбудить въ Митріи память, которая вдругъ помрачилась и подняла цѣну на три рубля.

— Иш . . . пане Алтеръ, не такъ было дѣло, а вотъ какъ. . . — Крестьянинъ идетъ вспять и готовъ повторить все сначала, но Арье, которому уже надоѣла эта комедія, беретъ у Митрія кнутъ въ лѣвую руку, вожжи въ правую и кричитъ:

— Да что, я цѣлый день буду слушать вашу болтовню? Но-о! — Онъ свиститъ, натягиваетъ вожжи, и лошади упираются копытами въ землю, силясь сдвинуть возъ.

— Нѣтъ, — кричитъ Алтеръ, хватая лошадь подъ уздцы и удерживая ее, — ты съ мѣста не сдвинешь, козелъ!

—Сдвину, курочка, сдвину. Но . . .

— Тпрру. . .

— Кши-кши-кши, курица.

— Чтобъ уже кружки зазвякали за твоимъ гробомъ! Чтобъ куры твою могилу поклевали, чтобъ . . .

— Прочь отсюда, не то ты у меня здѣсь на мѣстѣ останешься! Вотъ мой Шеплъ идетъ . . . Но! . .

— Цапъ! Цапъ! Цапъ! — кричитъ Алтеръ изо всѣхъ силъ и держитъ лошадей! — Исавъ! Хамъ! ублюдокъ! Дай и мнѣ заработать кусокъ хлѣба.

Въ это мгновеніе Алтеръ получаетъ оглушительный ударъ по головѣ. Ударъ этотъ принадлежитъ кулаку Шепла, который поспѣшилъ на крики «Цапъ», протискался между телѣгъ и подобрался къ Алтеру сзади. Вслѣдъ за этимъ онъ подскакиваетъ къ телѣгѣ, вырываетъ вожжи изъ рукъ отца, натягиваетъ ихъ. «Но . . . Ноо . . .».

Однако, Алтеръ, едва не лишившійся сознанія отъ удара, продолжаетъ держать лошадей подъ уздцы. Онъ рванулся вмѣстѣ съ ними и кричитъ изо всѣхъ силъ: «Цапъ, Цапъ, спасите! ратуйте!» Въ одно мгновеніе его окружаютъ пятеро сыновей, которые слышали его крики.

и телѣга снова останавливается. Въ слѣдующее мгновеніе приходятъ на помощь Арье его остальные два сына. Всѣ становятся другъ противъ друга, какъ два стада барановъ, одни по одну сторону лошадей — тянутъ ихъ, другіе по другую — удерживаютъ.

Еще черезъ мгновеніе начинается война, еще черезъ нѣсколько — она въ самомъ разгарѣ. Колья, воткнутые по четыремъ угламъ телѣги, чтобы сдерживать доски, попадаютъ въ руки дерущихся и становятся оружіемъ, а доски падаютъ и разсыпаются по землѣ.

Тактика войны не сложна. Сражающіеся дѣлятся на три отряда. Одинъ отрядъ — сыновья — занимается раскалываніемъ череповъ при помощи выхваченныхъ кольевъ, второй — отцы — состязаются въ пощечинахъ и въ тасканіи за бороды, третій — обѣ матери, Хана и Боба, которыя послѣдними прибѣжали на мѣсто дѣйствія вмѣстѣ съ дѣтьми, занимаются по женскому обычаю пустяками: рвутъ кораллы другъ у друга, волосы, царапаютъ физіономіи.

Вокругъ этой свалки стоятъ дѣти обѣихъ сторонъ, мальчики и дѣвочки, ревутъ и кричатъ въ отчаяніи.

Между тѣмъ Митрій неторопливо отпрягаетъ лошадей, даетъ имъ кормъ, висѣвшій въ мѣшкѣ на оглоблѣ, и со спокойной совѣстью хочетъ продолжать курить свою трубку, посматривая на дерущихся евреевъ. Трубка, однако, тѣмъ временемъ погасла, и отверстіе засорилось пепломъ. Онъ вынимаетъ ее изо рта, постукиваетъ ею по рукѣ, чтобы высыпать пепелъ, и готовъ снова наполнить ее и ждать сколько бы ни пришлось.

Но въ эту минуту подбѣгаетъ городовой . . . При видѣ новаго человѣка сражающимися овладѣваетъ новая ярость, и бой принимаетъ новый оборотъ. Всѣ смѣшиваются вдругъ въ одну кучу, напоминающую клубокъ переплетающихся червей. Никто не произноситъ ни звука, но царитъ какой-то безпорядочный и тревожный

хаосъ: пылающія и искровяненныя лица, растрепанные и слипшіеся волосы, клочья волосъ въ рукахъ, поднимающіеся и опускающіеся кулаки, большая и растрепанная женщина, мечущаяся во всѣ стороны, — и все это движется, извивается, переплетается въ одну массу. Видъ этой дикой и запутанной пляски приводитъ городового въ замѣшательство. Онъ вытаскиваетъ свистокъ и свиститъ изо всѣхъ силъ.

На этотъ разъ война оказалась жестокой. Пришелъ приставъ и два врача, перевязали раненыхъ, составили протоколъ, записали свидѣтелей. и война окончилась, какъ полагается въ такихъ случаяхъ. Однако по домамъ не разошлись. Всѣ остались торжественно праздновать побѣду. Побѣдителемъ оказался Арье. Доски, послужившія причиной войны и снова водруженныя на телѣгу, достались въ концѣ концовъ Арье по удвоенной цѣнѣ. Въ сопровожденіи толпы возчиковъ и радостнаго гула телѣга подъѣхала къ его двору на зависть Алтера Курицы и его сыновей. Вотъ, когда истинный почетъ окружалъ Арье. Подобные моменты — самые цѣнные въ его жизни.

Побѣда прославила и покупку, сдѣланную съ рискомъ для жизни. Почти всѣ возчики приняли ревностное участіе въ разгрузкѣ и складываніи досокъ. Арье удѣлилъ имъ почетное открытое мѣсто въ сторонѣ отъ нагроможденныхъ во дворѣ бревенъ и балокъ.

— — —

Дѣломъ Арье, которому онъ былъ преданъ всей душой, завѣдывали трое сыновей его. Шеплъ, Зелигъ и Мойше. Шеплъ, рослый юноша, весь въ отца, былъ его правой рукой въ завоеваніи рынка и въ нужный моментъ первый вступалъ въ драку. Зелигъ, въ которомъ было что-то отъ животной покорности матери и простоты отца, по натурѣ тихій и нерѣшительный, завѣдывалъ внутрен-

нимъ распорядкомъ двора, разгрузкой и погрузкой матеріаловъ. Послѣдній сынъ, любимчикъ родителей, Мойше, подражавшій во всемъ младшему сыну Лампидрицкаго, которому Арье давалъ ссуды, велъ переговоры съ «панами», имѣвшими обыкновеніе покупать у Арье въ кредитъ. Такихъ покупателей Арье особенно любилъ: они никогда не стояли за копейку и подолгу не торговались. Къ чему это имъ? вѣдь они берутъ въ кредитъ. И еще — потому что покупка являлась своего рода займомъ — панъ давалъ вексель и, слѣдовательно, какъ бы бралъ взаймы, а панъ должникъ гораздо лучше десяти кацановъ. Судьба этихъ пановъ была цѣликомъ въ рукахъ младшаго отпрыска Арье, Мойши. Недаромъ, вѣдь, онъ говоритъ по-польски, играетъ на флейтѣ, носитъ синіе очки и закручиваетъ усы такъ, что они похожи на двухъ піявокъ, поднявшихъ хвосты другъ къ другу — точь въ точь, какъ у молодого Лампидрицкаго. Человѣку, обладающему всѣмъ этимъ, предстоитъ, по мнѣнію Арье, блестящая будущность, поэтому онъ называетъ его «кандидатомъ». «Мой кандидатъ, — говоритъ Арье о Мойше, — вчера видался съ губернаторомъ и сказалъ ему»... Или: «Мой кандидатъ вчера въ театрѣ ругалъ полицеймейстера за то, что онъ не смотритъ за...» Или: «Сегодня вечеромъ мой кандидатъ приглашенъ на балъ къ генералу Тимофѣеву». Ханѣ же не нравится это имя, и у нея есть другое, которое лучше опредѣляетъ аристократизмъ Мойше. «Мой Мойше, — говоритъ Хана, — сдѣланъ совсѣмъ изъ другого тѣста и нисколько не похожъ на насъ. Мой Мойше совсѣмъ «паничъ», и всѣ барышни влюблены въ него. Мой Мойше — «агентъ». Агентъ, по ея мнѣнію — это наивысшая ступень аристократизма. «Развѣ и такой-то тоже агентъ?» — говоритъ она презрительно, увидѣвъ, что кто-либо нарядился въ несоотвѣтствующій, на ея взглядъ, костюмъ, или носитъ синіе очки на неподобающемъ для этого носу. Объ

остальныхъ двухъ сыновьяхъ она не распространялась въ похвалахъ, а опредѣляла ихъ кратко: «Шеплъ — это Арье со всѣми его повадками, а Зелигъ — чистая душа. весь въ мать».

Вотъ эти трое и дѣлили между собой всѣ заботы о лѣсномъ складѣ.

Кромѣ переговоровъ съ панами, которые всецѣло были возложены на *кандидата* или *агента*, Арье предоставилъ ему еще одну область — письменную. Въ этой области Мойше былъ единственнымъ свѣдущимъ человѣкомъ въ семьѣ, и когда Арье представлялась необходимость подписать какую-нибудь бумагу или документъ, это поручалось Мойше, и онъ добросовѣстно исполнялъ это за отца, подъ его непосредственнымъ наблюденіемъ и контролемъ.

— Иди-ка сюда, иди-ка, кандидатъ — зоветъ Арье, надѣвая очки и раскладывая на столѣ бумагу, которую надо подписать. — Иди-ка, покажи свое умѣніе. Садись и «подпиши-ка меня», какъ слѣдуетъ.

Мойше садится за столъ, беретъ перо, начинаетъ быстро размахивать имъ, какъ привычный писецъ, и ждетъ распоряженій отца.

— Пиши осторожно, какъ я буду говорить. Подожди, я буду диктовать.

И Арье диктуетъ.

— Раньше всего поставь большой «алефъ». — И «алефъ» благополучно водружается на мѣсто.

— Теперь всади туда «рейшъ». Слышишь: «рррейшъ», а не «рейшъ» . . .

Арье всегда произноситъ рѣзко и отчетливо звукъ «р» и любитъ, чтобъ такъ же и писалось. Посаженъ на мѣсто и «рррейшъ».

— Теперь обмакни перо и брось туда маленькій «іудъ». — Бросается и «іудъ».

— Теперь поставь тамъ «гей» и прочти, что ты написалъ, — заканчиваетъ Арье. «Гей» ставится на мѣсто, и Мойше читаетъ написанное по буквамъ: *А-рь-е*.

Помимо этого не было надобности въ искусствѣ кандидата, какъ будто грамота только и создана для подписи. Пользу послѣдней признаетъ и Арье. Подпись это нѣчто такое, что въ мірѣ необходимо, потому что безъ подписи нѣтъ векселей, нѣтъ должниковъ, нѣтъ процентовъ, нѣтъ кацаповъ, нѣтъ пановъ — все идетъ вверхъ дномъ, и куда дѣнется Арье? И, дѣйствительно, какое это великолѣпное изобрѣтеніе — подпись. «Вотъ, напримѣръ, господинъ Лампидрицкій, человѣкъ основательный, высокій и полный, съ солиднымъ брюшкомъ и съ красивыми усами. Да и кромѣ того, человѣкъ благороднаго происхожденія, потомокъ стариннаго графскаго рода, вообще человѣкъ съ большимъ *гоноромъ*. И вотъ, когда такой господинъ является ко мнѣ одолжить что-либо, я беру клочекъ бумаги, на которомъ написано сверху «вексельная бумага на тысячу рублей», такъ «1000 рублей», и говорю ему: «Ясновельможный панъ, утруди-ка, пожалуйста, свою почтенную особу и растянись-ка во всю длину на этомъ листкѣ бумаги». И этотъ важный и почтенный господинъ растягивается. И съ этого момента онъ цѣликомъ въ моихъ рукахъ. Я беру листокъ бумаги, на которомъ лежитъ господинъ Лампидрицкій, складываю и раскладываю, мну и комкаю его, какъ воскъ. Эти страшные и суровые господа становятся мягкими и гибкими, какъ воскъ, какъ только они вытягиваются на листкѣ бумаги. Весь *гоноръ* проходитъ. Мни, сколько твоей душѣ угодно. Послѣ этого я опускаю почтеннаго господина Лампидрицкаго въ карманъ, въ одну кучу съ остальными подобными господами — и тутъ ему и крышка. Какъ только господинъ Лампидрицкій лежитъ въ сундучкѣ, скорчившись, какъ въ утробѣ матери, съ этого момента верхняя строка векселя

начинаетъ становиться больше и больше, а господинъ Лампидрицкій въ нижней строкѣ — меньше и меньше? А кто дѣлаетъ все это? Подпись! Такъ разсуждалъ Арье самъ съ собой, испытывая при этомъ громадное наслажденіе и мечтая, какъ онъ поймаетъ этого важнаго Лампидрицкаго, словно птичку, и будетъ забавляться имъ.

Что касается дѣла Арье, то здѣсь надобности въ письмѣ не встрѣчалось. Арье не вѣритъ въ кассовыя книги. Чего нѣтъ на лицо, того не дадутъ никакія книги. Лучшая бухгалтерія — кошелекъ. И непонятно, зачѣмъ это люди напрасно тратятъ время на счетныя книги, когда дѣло Арье идетъ наилучшимъ образомъ безъ всякихъ книгъ. и, слава Богу, въ немъ все въ порядкѣ.

Если еще можно сомнѣваться въ томъ, дѣйствительно-ли велось дѣло Арье такъ хорошо, нельзя однако отрицать, что его склады изобиловали самыми разнообразными матеріалами. На складахъ Арье можно было встрѣтить то, чего больше нигдѣ не было. Арье, который имѣлъ легкій и вполнѣ достаточный доходъ отъ своего имущества и ссудъ, не торговалъ вовсе ради копейки, а больше для собственнаго удовольствія. Наряду съ лошадьми Арье больше всего увлекался торговлей лѣсомъ, въ которой зналъ толкъ и находилъ особенный интересъ. Какъ антикваръ, знающій цѣну старой картинѣ или другому произведенію искусства, выходящему изъ ряда обычныхъ, Арье любилъ такіе сорта лѣса, которые не находили употребленія и нужны были только любителямъ. Арье такъ старательно собиралъ въ своемъ складѣ подобные сорта, что его дворъ обратился въ своего рода музей лѣсныхъ матеріаловъ. Даже внѣшній видъ двора и безпорядокъ въ немъ напоминали антикварную лавку на еврейской улицѣ. Толстыя бревна болѣе двадцати аршинъ въ длину, когда-то бывшіе гордостью лѣса, свалены и нагромождены въ безпорядкѣ другъ на

друга. Подъ ними — дряхлые дубы, почернѣвшіе отъ засухи и дождя, отъ многократныхъ смѣнъ зимы и лѣта. Эти старики-дубы навалились въ свою очередь на страннаго вида толстые брусья, старые-престарые, едва ли годные на что-нибудь, кромѣ корабельныхъ мачтъ... Подъ ними... впрочемъ, врядъ ли кто-нибудь могъ бы сказать, что находится подъ ними, потому что все это давно ушло въ землю, подъ навалившейся сверху тяжестью. Да и самъ Арье забылъ, что за сортъ тамъ лежалъ и ушелъ въ землю. Возлѣ этихъ гигантовъ и великановъ лежали «французы» — такъ Арье называлъ длинные, тонкіе, заостренные на концѣ брусья, которыхъ онъ не любилъ. Черезъ нихъ были перекинуты доски шириной въ два съ половиною фута, на которыхъ на самомъ верху были насыпаны и набросаны старомодныя черепицы, давно уже оставившія всякую надежду попасть на крышу. Возлѣ нихъ лежали груды мелкихъ вещей: балки, мелкія доски, части телѣгъ и колесъ. Все это перемѣшано въ невообразимой путаницѣ, старые и новые, бѣлые и черные, толстые и тонкіе, длинные и короткіе — все въ одной кучѣ, занимающей весь дворъ, такъ что негдѣ повернуться. Всѣ эти матеріалы давно уже потеряли какую-либо цѣнность и ни на что не идутъ, тѣмъ не менѣе и безъ покупателей ихъ кучи становятся все ниже и ниже... Треть уходитъ въ землю, вторую треть раскрадываютъ сосѣди на топку печей, третью — растаскиваютъ крестьяне, которые привозятъ лѣсъ на складъ, чтобы восполнять продающіеся матеріалы. Берутъ они это подъ предлогомъ починки телѣгъ, которыя растряслись въ дорогѣ. Арье не препятствуетъ имъ въ этомъ — такими мелочами онъ не считается. Одинъ «хорошій панъ» всемеро заплатитъ ему за это, онъ съ лихвой возмѣститъ и то, что уходитъ въ землю, и то, что воруютъ и таскаютъ. Въ большинствѣ случаевъ Арье не ошибался въ своихъ расчетахъ. Тотъ, кому

нуженъ былъ какой-нибудь рѣдкій матеріалъ, напрасно обойдя всѣ склады, неминуемо попадалъ къ Арье, который, тотчасъ сообразивъ, чѣмъ это пахнетъ, что за птичку послалъ ему Отецъ Небесный, общипывалъ свою добычу безъ сожалѣнія.

Говорятъ, что всѣ сапожники ходятъ босикомъ. Такъ и Арье въ первые годы своего благосостоянія не видѣлъ надобности измѣнять своему старому жилью, покрившейся и начинавшей разваливаться хаткѣ, которая когда-то за безцѣнокъ была куплена вмѣстѣ съ землей, и построить новый домикъ. хорошо обставить его, чтобы жить, какъ всѣ люди. Старая лачуга состояла изъ двухъ темныхъ и маленькихъ комнатъ съ огромной кухней. Ханѣ, въ которой Арье уже давно замѣчалъ какое-то честолюбивое стремленіе стать *гвирой**), эта лачуга съ ея крышей, изогнувшейся посерединѣ, какъ лошадиный хребетъ, очень не нравилась, и она уже неоднократно намекала на то, что надо построить домъ, какъ у всѣхъ людей, и разрушить эту негодную хатку, которая опротивѣла ей. Арье, однако, не обращалъ вниманія на ея странное желаніе, и не изъ скупости или изъ злости, а потому только, что ему трудно было разлучиться со своимъ обычнымъ состояніемъ, и очень ужъ бережно относился онъ къ своей судьбѣ. Откуда-то у него явилось представленіе. что онъ долженъ оставаться такимъ же Арье, какимъ его застало счастье. Этому Арье везетъ, а другому не повезетъ. Малѣйшая перемѣна можетъ повлечь несчастье, повернуть колесо судьбы. Напрасно доказывала ему Хана, что она не будетъ причиной бѣды, послѣ того, какъ благодаря ей, привалило счастье, и что, если она уговариваетъ его въ этомъ, то это навѣрное хорошій совѣтъ, и Богъ поможетъ ей — Арье былъ неумолимъ, какъ скала. И Хана уже отказалась было отъ

---

*) Богачка, аристократка

надежды когда-либо достичь положенія *гвиры*, она начала уже плакаться и жаловаться на свою судьбу. Зачѣмъ ей все состояніе и богатство, если ее до сихъ поръ и на улицѣ и въ синагогѣ считаютъ чуть-ли не прислугой? И какъ невыносимо ея низкое положеніе среди дамъ! Какой позоръ она испытываетъ, когда въ ея «могилу» (т. е. въ квартиру) заглядываютъ двѣ дамы — благотворительницы. Лучше сквозь землю провалиться, чѣмъ принимать ихъ здѣсь! Тѣсный и темный гробъ, поломанная и попорченная мебель — какъ у нищихъ. А Арье — побей его Богъ — сидитъ себѣ со своими возчиками и ни о чемъ не думаетъ. Такъ разсуждала Хана въ тоскѣ и не могла найти утѣшенія. Эти жалобы еще усилились съ тѣхъ поръ, какъ ее стали тайно посѣщать какія-то женщины, съ которыми она таинственно шушукалась въ уголкахъ. Это были тѣ торговки, которыя приносятъ подъ передникомъ разныя украшенія и остатки матерій — счастливую дешевку женщинамъ, живущимъ не въ ладу съ мужьями и имѣющимъ узелки съ тайнымъ капиталомъ. Хана тоже имѣла дѣла съ ними и втайнѣ, въ глубинѣ бѣльевого шкафа, въ парѣ чулокъ хранила уже разныя драгоцѣнности. Еслибъ теперь у Ханы былъ новый домъ и новая мебель, она была бы самой настоящей *гвирой*. Однако, то, чего не сдѣлалъ разумъ, сдѣлало время, и то, чего не добилась Хана своимъ краснорѣчіемъ, подарилъ ей случай. Дѣло было такъ.

Однажды къ Арье пришелъ какой-то фокусникъ — акробатъ, который плясалъ на канатѣ и лазилъ на шестъ высотой въ пятьдесятъ футовъ, однимъ словомъ, одинъ изъ тѣхъ фруктовъ, которыхъ Арье ждалъ... Этому фокуснику нужно было высокое особаго рода бревно, а таковое нашлось только у Арье. Тотъ продалъ его за солидную цѣну.

Дерево это мирно лежало въ нижнихъ рядахъ, наполовину уйдя въ землю подъ тяжестью цѣлой массы бре-

венъ и балокъ. Арье пришлось нанять рабочихъ, чтобы снять верхніе ряды, добраться до низу и вытащить отъ туда бревно. Когда добрались до него, въ землѣ оказались громадные клады лѣсныхъ матеріаловъ, цѣлый дворъ, схороненный подъ землей. Эта Помпея, которую Арье совершенно непроизвольно и неожиданно нашелъ, поставила передъ нимъ вопросъ — куда дѣвать все это? Куда это помѣстить? Тутъ-то и зародилась у Арье мысль: можетъ быть, послушать таки жену, она давно уже уговариваетъ построить новый домъ, вмѣсто этого, совсѣмъ развалившагося, показать «всѣмъ этимъ пархамъ», что и у Арье, слава Богу, новый и большой домъ. Вѣдь не изъ скупости же онъ не строилъ дома до сихъ поръ, а изъ опасенія измѣнить свое положеніе, чтобъ не повернуло счастье. Но эта внезапная находка, которую самъ Богъ послалъ ему — вѣрный признакъ, что онъ можетъ рѣшиться на это безъ риска повредить своему счастью.

Арье приказалъ раскрыть всѣ закопанныя могилы, потревожить древнихъ мертвецовъ и почтительно попросить ихъ старость выйти на свѣтъ Божій. Тотъ, кто не видалъ этихъ гигантскихъ бревенъ и чудовищныхъ балокъ, тотъ никогда не видѣлъ сокрушеннаго величія, уничтоженнаго великолѣпія, опозоренной старости. Громадныя тѣла лежатъ на землѣ, тяжелыя и неподвижныя. Они почернѣли и отсырѣли, въ нихъ появились трещины, въ которыхъ завелись черви и муравьи, ихъ сердцевину подтачиваетъ гниль, пахнетъ пылью... А вѣдь въ свое время они были красой и гордостью лѣса.

Эти гиганты, предварительно лишенные своего благороднаго убора, были подрѣзаны, распилены на части, и съ миромъ успокоились въ стѣнахъ дома, который Арье строилъ. При видѣ того, какъ распиливаютъ и обнажаютъ этихъ великановъ, Арье вспомнилъ доброе старое время и забытыя удовольствія тѣхъ лѣтъ, когда еще не

копошились эти маленькія существа, «у которыхъ есть только фи-фу-фа». Онъ любовно вспоминалъ и разсказывалъ молодымъ возчикамъ о людяхъ прошлаго поколѣнія, какъ они, только они, дѣйствительно знали толкъ въ ѣдѣ — когда ѣдятъ, сколько ѣдятъ и какъ ѣдятъ; только они понимали, «какъ набираются силы изъ тарелки». Арье вспоминалъ огромныя сырныя лепешки, которыя подавались отцамъ въ глубокихъ глиняныхъ мискахъ. Эти гигантскія лепешки — каждая величиной съ булку хлѣба — были сдѣланы на манеръ кошельковъ изъ тѣста, наполнены сыромъ, полфунта сыру на штуку. Подавались онѣ, облитыя растопленнымъ и шипящимъ масломъ, такъ что онѣ квакали, какъ лягушки. А кугель, такъ называемый «трембеле», слоенный и наполненный кусками сала и лукомъ? А жареные гуси? а пупки? а крѣпкая водка въ причудливыхъ графинахъ, которая разливалась по всѣмъ членамъ? а соленые огурцы? — Охъ-охъ-охъ, хорошо тогда было! Наше поколѣніе никогда не знало вкуса настоящей ѣды и питья. А онъ, Арье, до сихъ поръ еще живетъ тѣмъ, что онъ тогда ѣлъ....

Прошло нѣкоторое время, и «всѣ эти пархи» отъ мала до велика съ завистью смотрѣли на то, что Арье хотѣлъ показать: гордо и красиво выходившій на улицу уголъ дома, стоящаго въ очень красивомъ дворѣ, и маленькое крыльцо у входа.

Само собой разумѣется, что постройка дома не обошлась безъ помощи ребе. Передъ тѣмъ, какъ закончить постройку, Арье отправился къ нему за благословеніемъ и за талисманами. Ребе былъ очень милостивъ къ нему и одарилъ его, какъ могъ: далъ ему четыре истертыхъ копейки, чтобъ закопать ихъ въ четырехъ углахъ дома, сто тридцать восемь металлическихъ иголокъ, чтобъ помѣстить ихъ подъ порогами, и другіе талисманы и камень для косяковъ дверей и для угловъ дома. Нагружен-

ный этимъ добромъ Арье возвращался домой въ очень хорошемъ расположеніи духа и рѣшилъ отпраздновать «освященіе дома» и угостить всю улицу, даже гвировъ и «почтенныхъ евреевъ» — на послѣднемъ настояла Хана.

Въ ту же субботу, въ день «освященія дома», Арье и его жена удостоились видѣть въ своемъ домѣ всю знать улицы; никто не преминулъ воспользоваться приглашеніемъ, пришли съ женами и дѣтьми, съ малютками, ползавшими у ногъ, пришли спеціально, чтобъ ввести Арье въ расходы.

Большого почета удостоился Арье въ эту субботу. Всѣ, всѣ видѣли его богатство, силу и могущество его мошны. Сперва онъ объяснилъ гостямъ, что его домъ построенъ не изъ «французовъ» — плиточныхъ кольевъ, какъ, къ слову сказать, тѣ дома почтенныхъ особъ, которые стоятъ какимъ-то чудомъ на курьихъ ножкахъ, а изъ солидныхъ и крѣпкихъ дубовыхъ бревенъ, которые будутъ существовать вѣчно. Арье — вѣдь, вы знаете Арье не любитъ игрушекъ. Затѣмъ Арье провелъ гостей по всѣмъ комнатамъ и показалъ имъ новую мебель, попутно расхваливая ее.

— Вы видали эти диванчики? Здѣсь одного не хватаетъ до дюжины. Они стояли въ залѣ у графа Фитинкевича. Однажды къ нему пришелъ какой-то очень важный и очень толстый генералъ, сѣлъ на такой диванчикъ и сломалъ его. И такъ какъ нельзя было достать мастера, чтобъ выполнить этотъ недочетъ, графъ продалъ ихъ мнѣ за безцѣнокъ— за двѣсти тридцать рублей.

Такъ онъ расхваливалъ и всю остальную мебель. Съ особенной похвалой онъ отозвался о двухъ большихъ допотопныхъ зеркалахъ въ позолоченныхъ рамахъ, которые, по его словамъ, лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ висѣли въ кабинетѣ одного министра, или кого-то вродѣ министра, и только какимъ-то чудомъ попали въ N. Гости попытались взглянуть въ зеркала, чтобы убѣдить-

ся въ ихъ достоинствахъ, но ихъ лица оказались обезображенными и судорожно исковерканными. Подобныя похвалы выпали на долю кресла и софы, въ которыхъ не было ни одного цѣлаго мѣста, но которыя были поставлены на виду изъ-за знатнаго происхожденія. Закончивъ восхваленіе своего добра, Арье съ легкимъ сердцемъ, какъ человѣкъ, исполнившій свой долгъ, вернулся въ залу и предложилъ гостямъ отвѣдать угощенія, стоявшаго на столѣ.

Добрые гости и на этотъ разъ не отказались, набросились на угощеніе, хватали, кусали, жевали, накладывали полный ротъ, давали дѣтямъ, игравшимъ у ногъ. И все опять-таки, исключительно, чтобы нанести ущербъ Арье. Арье дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ничего этого, но у него чуть не помутилось сознаніе при видѣ всѣхъ этихъ жующихъ ртовъ, ворочающихся языковъ, кусающихъ и мелющихъ зубовъ. А когда его обступили со всѣхъ сторонъ съ рюмками и криками «на здоровье», онъ настолько потерялся, что, вмѣсто того, чтобы пожать протянутую ему руку ребъ Аарона, самаго стараго и почтеннаго изъ гостей, онъ схватилъ его вдругъ за бороду и хотѣлъ поцѣловаться, какъ это дѣлалъ обыкновенно съ возчиками. Тотъ однако, хотя и съ трудомъ, но ускользнулъ отъ этого.

А Хана — тотъ кто не видалъ въ эту субботу Ханы во всѣхъ ея украшеніяхъ, никогда не видалъ настоящей *гвиры*. Всѣ драгоцѣнности и ожерелья, что въ теченіе долгихъ дней и мѣсяцевъ печально лежали гдѣ-то въ темнотѣ, въ глубинахъ комода, запрятанныя въ чулокъ, теперь вышли на свѣтъ Божій, чтобы къ общей радости блистать на Ханѣ, которая безъ толку сновала между гостей, стараясь, чтобъ всѣмъ были видны ея украшенія. Она какъ бы говорила: «Посмотрите-ка, важныя барынки, вотъ мои уши, а въ нихъ висятъ, качаются и блестятъ двѣ сережки величиной съ горошину. . . Вы думаете все?

а взгляните-ка сюда и лопайтесь отъ зависти! вотъ толстая и длинная золотая цѣпочка виситъ на шеѣ и спускается на грудь. А вотъ браслеты на рукахъ и кольца на пальцахъ — вотъ онѣ обѣ руки, подойдите и пощупайте»! Такъ говорила она всѣмъ своимъ существомъ, все это, правда, было нѣсколько странно и необычно, она и сама казалась себѣ какой-то особенной, какъ будто неопытной *гвирой;* но это неважно, вѣдь вся она выложена блестящимъ и сіяющимъ золотомъ. И даже на лицѣ ея появились какіе-то отблески золота и серебра, и на время подъ гвирскимъ налетомъ скрылось обычное выраженіе животности. Ея двойной подбородокъ надулся и закруглился, какъ яблоко, щеки, красныя какъ очищенный буракъ, пылали какъ будто она только-что получила двѣ пощечины отъ Арье. Даже ея парикъ поднятый и заплетенный какъ «хала» придавалъ ей прелесть... Отнынѣ она тоже *гвира.* Ей почти удалось привлечь на себя взгляды нѣсколькихъ дамъ, взгляды, полные затаенной злости, зависти и ироніи — онѣ немедленно начали шепотомъ обмѣниваться замѣчаніями и наблюденіями, какъ только Хана по хозяйственнымъ надобностямъ уходила въ кухню или бѣгала изъ комнаты въ комнату.

Насталъ чередъ «кугелей» явиться на столъ. Хана приложила всѣ свои кулинарныя способности (она была дочерью мясника) къ тому, чтобъ угощеніе сдѣлать возможно болѣе достойнымъ торжества. Поэтому она приготовила три кугеля — лучшій изъ нихъ былъ кугель изъ «желудка», который не всякая еврейка умѣетъ приготовить, какъ слѣдуетъ, такъ чтобъ онъ не пахнулъ. Самъ Арье поощрялъ ее къ этому въ пятницу: пусть, молъ, ѣдятъ и лопаются со злости. Однако, ангелъ завѣдующій субботними блюдами, измѣнилъ на этотъ разъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ: главный кугель, царь кугелей, не поджарился, какъ слѣдуетъ, потому что остыла

печь, и его появленіе на столѣ принесло не райское благоуханіе. Тѣ изъ гостей, которые пришли только изъ мести, нашли въ этомъ удобный случай для мести, начали кривлять и морщить носы съ уничтожающими намеками... Наиболѣе-же вѣжливые изъ гостей уставились въ стараго *гвира,* который сидѣлъ на почетномъ мѣстѣ, и выжидали, какъ поступитъ въ данномъ случаѣ его почтенный носъ.

Старый *гвиръ* дотронулся кончикомъ носа до самаго кугеля, повернулъ носъ въ одну сторону и понюхалъ правой ноздрей, потомъ — въ другую и понюхалъ лѣвой ноздрей, и не говоря ни слова, отодвинулъ свой кусокъ вмѣстѣ съ воткнутой въ него вилкой, закрылъ глаза и началъ читать затрапезную молитву. Онъ поднялся со стола, намѣревался попрощаться съ хозяевами и отправиться домой съ подобающей ему солидностью. Увидавъ однако, что Хана собирается просить его отвѣдать кугель, которой она «спеціально для него готовила», онъ поспѣшилъ всунуть руку въ руку Арье и, пробормотавъ подходящее пожеланіе, подъ шумокъ ускользнулъ изъ дому. Его примѣру послѣдовали и другіе почтенные гости. Они торопливо вышли, какъ бы спасаясь отъ несчастья, опозоривъ этимъ кугель изъ желудка, царь кугелей, который горькимъ сиротой остался стоять на столѣ, къ великому огорченію Ханы и къ тайной радости Арье.

Для возчиковъ Хана устроила особый столъ въ особой комнатѣ, и угощеніе тоже приготовила имъ особое: бутыль водки, разбавленную водой, маленькіе пряники, три селедки съ уксусомъ и прованскимъ масломъ. Тѣхъ же блюдъ и лакомствъ, которыя были поданы за почетнымъ столомъ, она имъ вовсе не дала, чѣмъ вызвала ихъ горячій гнѣвъ и сдержанныя ругательства. Рѣшивъ отомстить за такое оскорбленіе, — возчики очень склонны обижаться на празднествахъ — они выместили свой гнѣвъ на водкѣ, опорожнивъ бутыль до дна. Вышли изъ дому

они недовольные и возмущенные, не попрощавшись съ хозяевами и унося тайную недоброжелательность къ нимъ.

— Слава Богу, — сказалъ Арье, садясь за столъ послѣ бѣгства важныхъ гостей. — Ты видала Хана, какъ эти пьяницы и обжоры набросились, точно саранча, на угощеніе и уничтожили все безъ остатка? И въ карманы еще насовали! Этотъ кугель уцѣлѣлъ какимъ-то чудомъ. — И Арье вложилъ въ ротъ нѣсколько кусковъ рѣдьки и лука.

— А меня это огорчаетъ, — отвѣтила Хана. — Замѣтилъ ты Арье, что гвира Шпринца говорила со мной очень любезно, и даже . . .

— Э, бабьи дѣла! — прервалъ Арье. — А что тебя огорчаетъ, ты говоришь? Есть о чемъ печалиться . . . Подай-ка мнѣ печенку съ лукомъ.

Хана подаетъ рубленую печенку съ лукомъ.

— А я, — продолжаетъ Арье, наполняя ротъ печенкой, — больше люблю возчиковъ, чѣмъ этихъ важныхъ особъ: тѣ, по крайней мѣрѣ, благодарятъ за честь, которую оказываешь имъ, а эти сплетники приходятъ только, чтобъ осмотрѣть все въ домѣ и потомъ разсказывать на всѣхъ перекресткахъ. Сегодня они наполняютъ брюхо твоимъ добромъ, а завтра поднимутъ тебя на смѣхъ. Дай Богъ, чтобъ я ошибся . . . Подай мнѣ яйца съ лукомъ.

Такъ бесѣдовалъ Арье съ женой за субботнимъ обѣдомъ. Видно было, что оба они въ хорошемъ настроеніи и все это болтаютъ для времяпрепровожденія. Все это пустыя слова за субботнимъ обѣдомъ, за полной рюмкой и за хорошо поджаренными и прѣлыми блюдами, съѣдаемыми съ аппетитомъ, когда человѣкъ навеселѣ.

Наступило воскресенье. Все было по-прежнему. Надежды Ханы на то, что благодаря торжеству «освященія дома» и кугелямъ ей удастся подняться въ глазахъ окружающихъ на болѣе высокую ступень, не оправдались. Не осуществилось и желаніе Арье, чтобъ враги его лопнули

изъ зависти. Никто изъ нихъ не лопнулъ, и за исключеніемъ того, что два-три желудка почувствовали надобность въ касторкѣ, никакихъ несчастій — сохрани Богъ — торжество Арье не принесло. Сбылось зато то, что предсказывалъ Арье за субботнимъ обѣдомъ относительно сплетниковъ. Уже въ воскресенье они использовали, какъ матеріалъ, угощеніе Арье и его кугели. Когда почтенные люди собрались въ синагогу къ утренней молитвѣ, тотчасъ было поставлено на обсужденіе вчерашнее торжество. и каждый изъ сплетниковъ (а кто изъ *гвировъ* М-ой улицы не претендуетъ на это званіе?) старался выпустить всѣ стрѣлы своихъ насмѣшекъ и иронiи, нагромоздить цѣлыя горы остротъ на каждый кусокъ съѣденнаго угощенія. И само собой разумѣется, что злосчастный кугель «изъ желудка» послужилъ особенно благодарной темой, на его долю пришлись самыя остроумныя и самыя злыя замѣчанія. Старый *гвиръ* солидно и со всѣми подробностями разсказалъ, какъ «свинья» Арье осмѣлился высунуть свою морду, чтобъ поцѣловаться съ нимъ, и какъ ему удалось избѣжать этого. Средніе *гвиры,* которые терлись возлѣ самаго почтеннаго, прибавляли каждый своего перца, основываясь на своихъ наблюденіяхъ. Раздѣлали все такъ остроумно и такъ удачно, что важный *гвиръ* былъ очень доволенъ, а средніе громко смѣялись.

Если такъ, — Арье не нуждается во многихъ комнатахъ, совершенно безполезныхъ. Поэтому въ воскресенье же послѣ обѣда, назавтра послѣ торжества онъ заперъ на замокъ всѣ комнаты, оставивъ для жилья только четыре. Остальныя открывались въ исключительныхъ случаяхъ: когда пріѣзжалъ К-скій цадикъ или какой-нибудь родитель выбирать для своей дочери жениха изъ сыновей Арье.

И если такъ, то, конечно, Ханѣ незачѣмъ употреблять серебро, которое она купила только для сервировки стола

и украшенія дома, ибо, собственно говоря, эти вещи нужны только какъ украшеніе, а сами по себѣ они ни къ чему. Поэтому въ воскресенье же послѣ обѣда Хана спрятала въ сундукъ всѣ серебряные ножи, вилки и ложки, которыми она наканунѣ при гостяхъ такъ оглушительно побрякивала. Эти драгоцѣнности могутъ себѣ лежать до свадьбы кого-либо изъ сыновей, когда вновь придетъ имъ время оглушительно звенѣть.

Все это воскресенье Арье былъ въ плохомъ настроеніи. Недовольный и сердитый сидѣлъ онъ на ступенькахъ новаго крыльца и не смотрѣлъ на старую скамейку у воротъ, гдѣ онъ сиживалъ постоянно въ продолженіе пятнадцати лѣтъ. Хана наканунѣ умоляла и упрашивала его пожалѣть ее и не сидѣть больше на этой скамейкѣ и не бесѣдовать съ возчиками. Это не подобаетъ ему теперь. За это будутъ презирать его сами-же возчики. Она къ тому же грозила, что, если онъ не послушаетъ ее, она сброситъ скамейку, изрубитъ ее въ куски, такъ что слѣда отъ нея не останется, а возчиковъ обольетъ кипяткомъ, ошпаритъ этихъ паршивыхъ собакъ, чтобъ они не собирались у нея подъ воротами и не позорили ее. Откуда моя дура набралась такой гордости? — удивлялся Арье. Онъ бы и не обратилъ вниманія на ея слова — онъ не подчиняется женѣ, и она не можетъ имъ командовать — еслибъ онъ не замѣтилъ, что и возчики держатся въ сторонѣ отъ него и что-то замышляютъ. Они не забыли вчерашней обиды, избѣгаютъ его, опускаютъ глаза при встрѣчѣ и сердятся. Да и самъ Арье чувствуетъ, что еслибъ и собрались вокругъ него возчики, не было бы прежней бесѣды, какъ будто его покинуло вдохновеніе, и какая-то перегородка стала между нимъ и его прежнимъ міромъ.

Вдругъ до него донесся громкій смѣхъ со стороны группы возчиковъ, которые собрались на пустой телѣгѣ посреди улицы. Арье смотритъ искоса на эту группу, ви-

дитъ Янкеля, стараго возчика, который сидитъ на мѣшкѣ сѣна на своей низкой телегѣ, куритъ, плюетъ и говоритъ одновременно — этимъ искусствомъ обладаютъ старые возчики. Возлѣ него собралась молодежь; они висятъ и сидятъ какимъ-то чудомъ на телѣгѣ, всюду гдѣ только можно сѣсть или уцѣпиться за что-нибудь, они поминутно обнажаютъ зубы, заливаясь громкимъ смѣхомъ, и тоже искоса поглядываютъ на Арье. Видно, что они говорятъ о немъ, смѣются надъ его вчерашнимъ угощеніемъ, и, кажется, послышалось даже слово «кугель».

— Они издѣваются надо мной, — все болѣе и болѣе убѣждается Арье. — Такъ надо мнѣ старому дурню. Развѣ я не зналъ, что это все такъ закончится. Пятнадцать лѣтъ спокойно жилъ и не занимался всякими церемоніями и глупостями почтенныхъ особъ, а тутъ вдругъ вздумалъ устраивать «освященіе дома» для всѣхъ этихъ паршивцевъ, чортъ бы ихъ побралъ. Какъ будто мнѣ лестно ихъ вниманіе и нуженъ ихъ почетъ. И все почему? Все потому, что моя дура еще хочетъ быть важной барыней.

Арье вспомнилъ все вчерашнее торжество — и содрогнулся. Онъ вспомнилъ всѣхъ этихъ почтенныхъ гостей, ихъ важныя лица, сіяющія великодушіемъ, чопорностью, благообразіемъ и важностью, важностью, важностью безъ конца. Вспоминаетъ ихъ торжественное появленіе, великолѣпную походку, степенное сидѣніе — какъ будто они оказываютъ большой почетъ стулу, садясь на него. Вспоминаетъ насмѣшливые взгляды и презрительныя улыбочки, съ которыми они не разставались все время, всѣ фразы на *языкѣ трубки,* (такъ Арье называлъ древне-еврейскій языкъ, котораго онъ не понималъ) сказанныя за столомъ; въ нихъ, навѣрное, есть обидные намеки на Арье и его домъ. Вспоминаетъ, какъ исчезла въ одно мгновеніе вся ихъ чопорность, какъ только подали угощеніе

къ столу, какъ эти грубые обжоры и лакомки набрасывались на всякій вкусный кусокъ, ѣли, грызли, жевали, произвели полное опустошеніе. Развѣ онъ, Арье, не понимаетъ всего презрѣнія и издѣвательства, которое они высказали этимъ? Такъ развѣ ведутъ себя гости за столомъ у важнаго *гвира?* Тамъ имъ даютъ «большую хворобу на малой тарелкѣ», и они ѣдятъ осторожно и солидно, едва касаясь, и оставляютъ больше, чѣмъ имъ подано. А тутъ? Нѣтъ, они пришли не порадоваться моему благополучію, а съѣсть меня! Оказать мнѣ не честь, а презрѣніе, осрамить меня, закопать въ землю. И за что? потому что я не знаю, какъ сдѣлаться важнымъ *гвиромъ?* Потому что я не умѣю болтать на *языкѣ трубки* и ничего не понимаю въ маленькихъ буквахъ, какъ они! Потому что я не надѣваю четырехъ паръ филактерій и не трусь возлѣ шелковаго капота стараго *гвира!* Алтеръ-змѣй тоже вѣдь не знаетъ *языка трубки* и тоже не разбирается «въ маленькихъ буквахъ», однако онъ знаетъ, какъ нужно важничать, и удостоился имени *гвира,* хотя, въ отношеніи монеты, онъ подметки моей не стоитъ. Всѣ его недостатки прикрываетъ умѣнье тереться возлѣ стараго гвира.

Вспоминаетъ Арье и то, какъ онъ растерявшись коснулся было цѣловаться со старымъ *гвиромъ,* какъ тотъ при помощи Алтера-змѣя ускользнулъ отъ этого. Вспоминаетъ Арье и появленіе кугеля «изъ желудка», какъ сіяло лицо Ханы въ этотъ моментъ, какъ потомъ поморщились носы, какъ гвиръ поднялся, какъ сбѣжали гости. И въ этой суматохѣ грубая Хана толкается, какъ неученная телка, бѣгаетъ, бросается туда и назадъ, трясетъ большими серьгами, проситъ, хлопочетъ, извиняется. А затѣмъ этотъ оставленный и сиротливый кугель. И вдругъ Арье осѣняетъ блестящая мысль: кугель былъ оставленъ умышленно, нарочно, чтобы сдѣлать его притчей во языцѣхъ, чтобъ потомъ скалить зубы. Съ этой мыслью

Арье вскочилъ съ мѣста, побѣжалъ къ Ханѣ, которая была въ кухнѣ, и отчаянно закричалъ.

— Телка! корова! мясничиха! ты виновата во всемъ! Изъ-за тебя я такъ оскандалился. Все оттого, что ты хочешь быть важной барыней, а мнѣ плевать на всѣ эти важныя физіономіи! Слышишь, дура! мнѣ плевать на всю ихъ важность и на то, что они смѣются надо мной! Твой мужъ не хочетъ быть важной персоной. Арье не хочетъ быть важнымъ *гвиромъ*. Арье не для того созданъ и останется такимъ, какимъ былъ. Важность не дается за монету! Важность это особенное свойство, какое-то искусство само по себе . . . Нѣчто такое, чего Арье не умѣетъ и къ чему Арье не стремится. Арье почтенный еврей, Арье — габай въ синагогѣ, Арье распредѣляетъ чтеніе Торы, Арье говоритъ на «языкѣ трубки» — ха-ха-ха, дура! Почтенный еврей долженъ говорить на «языкѣ трубки», долженъ разбираться въ маленькихъ буквахъ, долженъ надѣвать четыре пары филактерій — Арье не способенъ на это. У Арье есть монета — и баста!

Въ тотъ же вечеръ, въ одинъ изъ лѣтнихъ вечеровъ, въ часъ, когда свѣтитъ луна, горятъ звѣзды, гдѣ-то квакаютъ лягушки . . . въ часъ, когда на М-ой улицѣ открываются окна, и звуки скрипокъ вырываются на улицу къ удовольствію домохозяевъ, отцовъ играющихъ сыновей, которые сидятъ себѣ на ступенькахъ крыльца или же въ легкомъ пальто, легкой шляпѣ и легкихъ туфляхъ прогуливаются по тротуару въ тѣни своего дома . . . въ часъ, когда и окна новаго дома Арье открылись и выбросили на улицу какъ бы на зло высокіе звуки флейты (сыновья Арье играютъ на флейте) — въ этотъ прекрасный часъ Арье снова сидитъ на скамейкѣ у воротъ, на любимой скамейкѣ, которая вѣрой и правдой служила ему, держала его на своей спинѣ въ продолженіе пятнадцати лѣтъ. Вглядываясь при лунномъ свѣтѣ въ гуляющихъ возлѣ сво-

ихъ домовъ важныхъ *гвировъ*, вслушиваясь въ стоны скрипокъ и въ радостные звуки флейтъ, состязающихся съ ними, Арье думаетъ:

— Эти важныя особы, которыя такъ медленно прогуливаются съ такимъ самодовольствомъ — нечего скрывать — они важны отъ рожденія. И Богъ съ ними, пусть это остается имъ. Къ чему лгать, я и они — двѣ противоположности. Но мой простой разсудокъ говоритъ, что эта важность, которая имѣла цѣну много лѣтъ тому назадъ, теперь не стоитъ ни копейки. Правда, я невѣжа, мужикъ, какой-то ублюдокъ въ еврейскомъ обществѣ, даже моя монета не очистила меня, она позволила мнѣ взобраться до ступени *баалъ гуфа,* но не выше, всю свою жизнь я провелъ отщепенцемъ, отверженнымъ изъ общества — но будущее, будущее принадлежитъ моему кандидату, который играетъ теперь на флейтѣ, а не сынкамъ этихъ важныхъ особъ, играющихъ теперь на скрипкѣ. Теперь входитъ въ цѣну нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ ихъ пустая важность. Кто гуляетъ съ дочерью пристава? — мой кандидатъ. Кто играетъ въ карты съ полицеймейстеромъ? — мой кандидатъ. Кто бесѣдуетъ съ губернаторомъ? — мой кандидатъ. Кого зовутъ на балъ къ генералу Тимофееву? — все моего кандидата. И будетъ еще день, когда мой кандидатъ станетъ правой рукой губернатора, тогда держитесь, почтенные господа! всѣ, всѣ вы въ его рукахъ. — И Арье нащупываетъ свой карманъ, набитый монетой.

Смолкаютъ постепенно голоса скрипокъ. Вотъ уже только двѣ-три скрипки пытаются издавать звуки. А звуки флейтъ звучатъ все громче и громче, врываются въ тишину ночи... Кто побѣдитъ? Важная скрипка или грубая флейта?

Вотъ издали послышалась во всемъ своемъ очарованіи пѣсня соловья. Арье раскрываетъ ротъ и громко зѣваетъ. Вдругъ онъ зоветъ:

Шеплъ, ты напоилъ гнѣдого?

— Шеплъ прерываетъ свою игру, высовываетъ голову въ окно и отвѣчаетъ:

— Напоилъ, папа.

— Ну, такъ иди спать. Маршъ! Давно пора. Завтра надо рано встать къ базару.

Съ трудомъ разминая члены, Арье встаетъ со скамейки, направляется во дворъ сдѣлать на доскахъ и бревнахъ примѣты отъ воровъ, осматриваетъ двери конюшни и хлѣва и идетъ на покой.

САМОСѢВКА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Большой палецъ и міровыя загадки.

Настоящихъ мирныхъ отношеній между мной и моимъ отцомъ никогда не было. Кажется, онъ тяготился мной со дня моего рожденія, какъ будто въ его руки попалъ дурной товаръ, и неизвѣстно, что дѣлать съ нимъ: для собственнаго употребленія — онъ не годится, для продажи — нѣтъ покупателя. Моя судьба была такова, что я явился родителямъ какъ-то случайно, когда почти всѣ ихъ дѣти выросли, и новыхъ они не ожидали. Я былъ восьмымъ ребенкомъ, «сыномъ старости». Когда бабка поздравила отца по поводу моего рожденія, онъ немного поморщилъ носъ... Такъ мать разсказывала сосѣдкамъ. И еще она разсказывала, что черезъ мѣсяцъ послѣ рожденія меня постигло изгнаніе — меня отдали чужой кормилицѣ въ сосѣднее мѣстечко. У кормилицы были, съ позволенія сказать, тощія груди и, когда я плакалъ отъ голода, она вставляла мнѣ въ ротъ мой толстый палецъ, вмѣсто соски. Когда меня забрали отъ нея, у меня были кривыя ноги, вздутый животъ и глаза, выпученные, точно два стеклянныхъ шара. Кромѣ того, я имѣлъ привычку ѣсть известь изъ штукатурки, грызть уголь и сосать палецъ. Отецъ, вспыльчивый по натурѣ, билъ меня за это, называя «сосуномъ» и «курильщикомъ» — палецъ у меня въ зубахъ казался ему трубкой

во рту размышляющаго старика, — но я не обращалъ вниманія ни на него, ни на побои, ни на прозвища и клички. Онъ свое, а я свое. И какъ только онъ уходилъ изъ дому, я забирался въ какой-нибудь уголокъ, одиноко сидѣлъ, мечталъ и сосалъ... Что и о чемъ я мечталъ, я не знаю. Я прятался, какъ улитка въ раковину, и грезилъ наяву. Все, что я видѣлъ и слышалъ вокругъ, мнѣ казалось сномъ, сердце мое наполнялось нѣмымъ изумленіемъ, безформенными и безыменными мечтами. Я всему удивлялся... Бою часовъ, тѣнямъ и пятнамъ на стѣнѣ, безмолвію пустой комнаты, темнотѣ подъ кроватью, туфлямъ, валяющимся тамъ, мелкимъ кружечкамъ въ тѣни отъ окна, летающей пыли — все это міровыя загадки, тайны, требующія разрѣшенія, а я блуждаю и гибну среди нихъ, какъ муравей въ травѣ. Они тайно живутъ, какъ и я, и только мое сердце замѣчаетъ ихъ. Когда кто-нибудь обращался ко мнѣ, я слушалъ и не слышалъ, и когда меня спрашивали о чемъ-нибудь, я широко раскрывалъ глаза и молчалъ. Я всегда былъ занятъ чѣмъ-либо другимъ: пятномъ на стѣнѣ или пролетающей мухой. Моя душа, какъ нѣкій духъ, вселялась во все, жила въ деревѣ и безмолвномъ камнѣ, вытягивала оттуда все и ничего не возвращала.

Никто въ домѣ не обращалъ на меня вниманія. Отецъ — желчный, слабый и озабоченный. Чѣмъ онъ озабоченъ, я не знаю. Мать *вспоминала* обо мнѣ, но всегда съ опозданіемъ. «Ой, ой, ребенокъ еще не ѣлъ... ребенка не помыли... гдѣ ребенокъ?» А ребенокъ, то-есть я, Шмуликъ, сидитъ въ это время въ укромномъ уголку подъ кроватью или подъ печкой, сидитъ и забавляется самъ съ собой. Сосѣдки, когда я попадался имъ на глаза, подозрительно озирали меня, указывали пальцемъ на високъ, у него — упаси Господи — мозги не въ порядкѣ, шептались и отплевывались. А когда показывалась мать, они сразу умолкали.

Изъ всѣхъ предметовъ въ домѣ меня больше всего занимало старое зеркало, то, которое висѣло надъ диваномъ. Оно казалось мнѣ величайшей изъ міровыхъ загадокъ. Каждый разъ, когда я влѣзалъ на диванъ передъ зеркаломъ, я видѣлъ въ немъ еще одну комнату съ мебелью, себя самого, шкафъ, стоявшій напротивъ, мѣдную посуду на немъ — все самое настоящее, точь въ точь, только въ зеркалѣ все стоитъ криво и, кажется, вотъ вотъ упадетъ. Все это странно: во-первыхъ, откуда все это попало въ зеркало? А затѣмъ, какъ это не падаетъ шкафъ со всѣмъ, что на немъ?

Я рѣшилъ при подходящемъ случаѣ изслѣдовать это явленіе обстоятельно. Случай представился очень скоро. Всѣ куда-то ушли, и я одинъ остался дома. Полдень. Въ серединѣ комнаты, на полу отраженіе окна, точно узорная струйка свѣта, мухи входятъ и окунаются въ нее. Пестрая курица осторожно гуляетъ по ней маленькими шажками и тихо кудахчетъ какъ бы въ полуснѣ. Каждый разъ, какъ она попадаетъ въ столбъ свѣта, ея перья сіяютъ, она вся дѣлается свѣтлой и сверкающей. Я взбираюсь на диванъ и становлюсь противъ зеркала — есть! Другой Шмуликъ стоитъ предо мною, и его носъ касается моего носа. Я пячусь немного назадъ — и онъ пятится. Я приближаюсь — и онъ приближается. Ты такъ! Я дѣлаю гримасу и высовываю языкъ — онъ тоже, «хи-хи-хи» я смѣюсь — онъ тоже смѣется, но голоса его не слышно. Странное дѣло! Я немного боюсь, но все же смотрю. Полъ въ зеркалѣ покатый, и струйка воздуха по серединѣ его вотъ вотъ разольется... да и все остальное держится какимъ-то чудомъ... Ой, если, сохрани Богъ, упадетъ, напримѣръ, ступа со шкафа — бацъ! — она разобьетъ голову. Сердце дрожитъ отъ тайнаго страха, но я пересиливаю себя и снова смотрю. Я долженъ во что бы то ни стало разгадать тайну. За зеркаломъ спрятался, навѣрное, какой-нибудь шутникъ

или бѣсъ, и онъ своими чарами творитъ всѣ эти чудеса. «Заглянуть туда или нѣтъ? А вдругъ невидимая рука дастъ мнѣ пощечину? Бѣсъ вѣдь все можетъ». Я рѣшаюсь, берусь за раму зеркала, заглядываю за нее и тотчасъ отскакиваю, вновь заглядываю и опять отскакиваю... Вдругъ зеркало качнулось, вмѣстѣ съ нимъ полъ, вся комната, всѣ вещи, я самъ — бацъ! Сердце захолонуло, въ глазахъ потемнѣло, я закачался и упалъ подъ обломками всего обрушившагося.

Когда я опомнился, я увидѣлъ, что комната, слава Богу, стояла на мѣстѣ, только зеркало сорвалось съ двухъ нижнихъ гвоздей и повисло только на верхнемъ крюкѣ. Между стѣной и спинкой дивана торчитъ конецъ папиной кассовой книги. Она выпала изъ-за зеркала и застряла у стѣны. Случилось только маленькое несчастье: отъ испуга курица вспрыгнула на столъ и сбросила стаканъ. Теперь кусочекъ стекла попалъ въ струйку свѣта и сіяетъ, какъ будто ему даровано чудо или привалило неожиданное счастье.

Кончилось это, какъ кончались всѣ мои продѣлки въ родительскомъ домѣ — пощечиной.

Въ тотъ-же день меня приговорили къ отправкѣ въ хедеръ.

ГЛАВА ВТОРАЯ

„Алефъ-бетъ“ и то, что между строкъ.

Въ хедерѣ мнѣ не повезло. Я страшился товарищей, они — меня. Я уходилъ въ себя, строилъ свой міръ, о которомъ никто не догадывался и не зналъ. Даже реббе и его помощникъ ничего не знаютъ. Эти умѣютъ только драться, каждый на свой ладъ: реббе бьетъ ремнемъ, кулакомъ, локтемъ, скалкой — всѣмъ, чѣмъ можно

причинить боль. У помощника своя особая гадкая манера: когда я отвѣчаю не такъ, какъ слѣдуетъ, онъ растопыриваетъ свои костлявые пальцы и начинаетъ мнѣ теребить горло. Въ эти моменты онъ кажется мнѣ вурдалакомъ или какимъ-нибудь другимъ чудовищнымъ хищникомъ, и меня охватываетъ смертельный ужасъ. Я боюсь, какъ бы онъ не выцарапалъ мнѣ глаза своими грязными ногтями; отъ страха у меня мутится разсудокъ, и я совершенно забываю вчерашній урокъ. Онъ показываетъ мнѣ пальцемъ букву, спрашиваетъ: «что это»? Я моргаю глазами, дрожу всѣмъ тѣломъ и молчу. Я лишаюсь способности говорить.

Въ сущности ихъ наука проходитъ мимо моего уха, черезъ лѣвую «пейсу». Въ правое ухо само собой входитъ другая наука, которая находится между строкъ молитвенника и пріобщается къ тому, что уже находится въ сердцѣ. Сами же строки и буквы — только незначительные намеки на нее. Уже въ первый день, когда помощникъ показалъ мнѣ «алефъ-бетъ», ряды строкъ — тотчасъ откуда-то выскочили и показались предо мной отряды солдатъ изъ тѣхъ, что иногда проходятъ мимо нашихъ оконъ съ барабанщикомъ во главѣ — *тамъ-тарарамъ!* Особенно похожи на нихъ строчки *алефовъ* и *гимеловъ* съ *кубуцами* внизу. Это настоящіе солдаты, вооруженные съ головы до ногъ. Одни, *алефы* — съ ранцами позади, они идутъ немного согнувшись подъ тяжестью, какъ отправляющіеся на маневры. Другіе, *гимелы,* стоятъ, выставивъ одну ногу впередъ, готовые къ «маршу». Мой взглядъ забѣгалъ по полямъ таблицы.

— Чего ты ищешь, — спрашиваетъ помощникъ реббе.

— Барабанщика. — отвѣчаю я, продолжая искать взоромъ.

Помощникъ отложилъ въ сторону указку, взялъ меня за подбородокъ, поднялъ мою голову кверху и уставился

на меня коровьими глазами... Вдругъ онъ опомнился и проговорилъ:

— Прочь.

Одинъ слогъ, не больше. Немедленно мое мѣсто на скамейкѣ занялъ другой мальчикъ, а я разочарованно сошелъ и уткнулся въ уголъ, не понимая, чего онъ хочетъ. Весь день я грезилъ арміей, солдатами. На завтра, когда я снова сѣлъ, онъ показалъ мнѣ *алефъ* и сказалъ:

— Ты видишь коромысло съ двумя ведрами?...

«Правда, чтобъ я такъ жилъ — коромысло съ двумя ведрами».

— Это *алефъ,* — объяснилъ онъ.

— Это *алефъ,* — повторилъ я за нимъ.

— Что это? спрашиваетъ онъ снова.

— Коромысло и два ведра, — отвѣчалъ я, радъ радешенекъ тому, что Господь помѣстилъ здѣсь такія чудныя вещи.

— Нѣтъ, отвѣчай: *алефъ,* — снова повторяетъ учитель, а я за нимъ. — Помни, *алефъ, алефъ...*

— *Алефъ, алефъ...*

Какъ только я отошелъ отъ него, *алефъ* вылетѣлъ у меня изъ головы, и на его мѣсто явилась Маруся, крестьянская дѣвочка, которая носитъ воду. Весь день она стояла передъ моими взорами. Совсѣмъ какъ настоящая: съ босыми ногами, съ толстыми косами, съ коромысломъ и ведрами черезъ плечо. А вотъ и колодецъ, корыто сбоку, утята въ сосѣдней лужѣ, садъ ребъ Алтера Кукушки.

— Что это? — спрашиваетъ помощникъ на завтра и показываетъ *алефъ.*

— Ой, Маруся, — радуюсь я открытію.

Помощникъ положилъ указку и растопырилъ пальцы, но тотчасъ снова взялъ ее, взялъ меня за подбородокъ и сказалъ:

— «Гой», *алефъ, алефъ...*

— *Алефъ, алефъ, алефъ...*

Фигуры остальныхъ буквъ тоже представлялись мнѣ животными, звѣрями, птицами, рыбами, неодушевленными предметами и совсѣмъ странными веществами, которымъ я не тотчасъ могъ найти соотвѣтствующій образъ въ реальномъ мірѣ. *Шинъ* — какой-то трехголовый змѣй, *ламедъ* — аистъ, вытянувшій шею и стоящій на одной ногѣ, какъ тотъ, что живетъ на верхушкѣ дерева за нашимъ домомъ. *Гимелъ* — сапогъ, такой, какъ нарисованъ на коробкѣ съ ваксой, который такъ проворно чиститъ маленькій чертенокъ съ хвостомъ... *Далетъ,* подобіе топора, и такъ далѣе. Бывало и такъ, что сегодня какая-нибудь буква представлялась мнѣ въ одномъ образѣ, а завтра въ другомъ. Это дѣлалось само собой, безъ всякаго усилія съ моей стороны. Старый образъ исчезалъ, и его мѣсто занималъ новый.

Когда я дошелъ до складыванія буквъ, передо мной стали являться цѣлыя толпы престранныхъ существъ.... Они группами шли туда и назадъ во всѣ стороны, то лицомъ другъ къ другу, то спиной. Вытянутый *нунъ* и неуклюжій *пей* всегда скакали впереди на одной ногѣ. *Ламедъ* шелъ прямо съ открытой шеей и высоко поднятой головой, какъ бы говоря: смотрите, я на цѣлую голову выше ихъ всѣхъ. Между нихъ всовывался и шелъ *іудъ,* это маленькое существо, совершенно безформенное для меня и не воплощающееся въ образъ, но все-таки изъ всѣхъ наиболѣе любимое. Казалось, что онъ плыветъ по воздуху или идетъ въ сторонкѣ, и душой я всегда былъ съ нимъ. Я боялся, какъ бы этотъ малышъ не затерялся среди другихъ, какъ бы его, сохрани Богъ, не затерли и не растоптали...

Эта толпа мѣшала мнѣ слушать премудрость помощника реббе, и мое горло часто попадало къ нему въ пальцы. Языкомъ я какъ будто повторялъ за нимъ каждый слогъ, но умъ былъ занятъ своей работой: строилъ

образы, разрушалъ ихъ, комбинировалъ, грезилъ наяву. Порою въ мои грезы вплетались и звуки слоговъ, придавая имъ новые оттѣнки и новые образы, осмысленные или безсмысленные. Когда среди чтенія мнѣ встрѣчалось особенно смѣшное сочетаніе, я вдругъ начиналъ смѣяться. Мой смѣхъ сильно возмущалъ и возбуждалъ противъ меня всю его ярость. Не понимаю — что ему, если я смѣюсь?

Товарищи по хедеру не обращали на меня вниманія. я тоже не интересовался ими. Когда они играли въ сосѣдней комнатѣ, я сидѣлъ въ сторонѣ и смотрѣлъ или забирался въ уголъ, сосалъ палецъ и мечталъ. Я до помраченія разсудка мечталъ о страшныхъ существахъ въ молитвенникѣ, объ ихъ сочетаніяхъ и группахъ. Я бралъ изъ нихъ все, что могъ, сердцевину я переваривалъ, а шелуху выбрасывалъ. Когда же дѣти уходили играть во дворъ, я находилъ себѣ укромное мѣстечко, сидѣлъ тамъ одинъ и забавлялся самъ съ собой. Каждый разъ, когда приходила моя очередь читать, меня долго искали, пока находили гдѣ-нибудь за заборомъ или въ углу темнаго корридора съ пальцемъ во рту.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Я перестаю сосать палецъ.

Прошло два года довольно безуспѣшнаго изученія грамоты, и реббе перевелъ меня на пятикнижіе и съ большимъ успѣхомъ. Молитвенникъ пріѣлся мнѣ, и буквы его стали для меня мертвыми. Было похоже на то, какъ будто я перебиралъ и жевалъ пустыя скорлупки. Библія же совсѣмъ не то; она открыла мнѣ новые горизонты въ области мечтаній. Во-первыхъ, маленькій *алефъ*. Этого карлика я нашелъ тотчасъ, онъ сидѣлъ и

ждалъ меня у двери скиніи въ началѣ книги Левитъ. Его товарищей, такихъ же карликовъ, я зналъ давно изъ молитвы о «росѣ и дождѣ», и я могъ передать ему привѣтъ отъ нихъ. Во-вторыхъ, скотъ и птицы: волъ, агнецъ, коза, горлица, голубь... Всѣхъ ихъ я хорошо знаю и обращаюсь съ ними запросто. Можно даже сказать, что я имѣю касательство къ нимъ. Коза и теленокъ вѣдь пасутся на лужайкѣ за нашимъ домомъ на окраинѣ города, и свободные часы я провожу съ ними. Голуби прилетаютъ отъ нашего сосѣда Трохима и нерѣдко гуляютъ по нашему двору. Утромъ, когда я иду въ хедеръ, они шествуютъ навстрѣчу важной походкой, надуваютъ зобъ и дѣлаютъ: туръ-туръ-туръ... На одну пару я обратилъ особенное вниманіе, и на праздникъ Маккавеевъ, когда я, Богъ дастъ, разбогатѣю, я куплю эту пару, сколько бы она ни стоила.

Когда я дохожу до тѣхъ главъ Библіи, гдѣ сказано: *голову, тукъ, внутренности и голени, вымытыя водою, и разложатъ на дровахъ, которыя на огнѣ,* сворачиваніе головы и надламываніе крыльевъ у птицъ, *зобъ въ его перьяхъ,* выцѣживаніе крови, *мучное приношеніе изъ горшка, со сковороды* и т. д., и т. д. — въ моемъ воображеніи встаетъ наша кухня въ предпраздничный день. Мама и прислуга — въ передникахъ, рукава засучены до локтей. Онѣ стоятъ, вооруженныя скалками и катаютъ тѣсто на столѣ, растираютъ яйца на тарелкѣ, льютъ масло въ ямочки, сдѣланныя въ кучкахъ муки. Кошка тоже здѣсь: она ходитъ кругомъ доски, на которой солится мясо, и точитъ зубы на *сальникъ, который на печени,* на ляшки и почки, на пупки и полотки, которые лежатъ тамъ и сочатся красноватой жидкостью... Прислуга бросаетъ ей потроха, или бѣлый рыбій пузырь, или *зобъ ея съ его перьями* или что-нибудь въ этомъ родѣ, чтобъ успокоить ее на минуту и отвлечь ея вниманіе отъ мяса. Пятки и ступа выстукиваютъ: «бейте

мельче, мельче бейте». Я ясно ощущаю пріятный и живительный ароматъ печенія *и приношенія изъ лучшей муки, смѣшанной* съ *елеемъ* и съ яичными бѣлками. До моего слуха долетаютъ звуки шипѣнія и потрескиванія оладій, которыя жарятся на жиру въ горшкѣ или на сковородѣ, звуки жаренія *мучного приношенія перемѣшаннаго* и другихъ печеній, которыя разрѣзаются на кусочки, вродѣ макаронъ, и обращаются затѣмъ въ пирожныя и булочки съ изюмомъ, съ имбиромъ и съ корицей. Слово «перемѣшанная» возбуждаетъ во мнѣ особенный аппетитъ, до боли въ челюстяхъ и до подергиванія щекъ. Перемѣшанная! Меня охватываетъ страсть. Ротъ наполняется слюной, толстый палецъ помимо моей воли появляется въ зубахъ.

— Гдѣ ты читаешь? — вдругъ спрашиваетъ меня реббе, держа ремень въ рукахъ.

Всѣ ученики смолкаютъ и смотрятъ на меня. Мой мизинецъ блуждаетъ между строкъ, блуждаетъ блѣдный и дрожащій... Я сквозь слезы смотрю то на книгу, то на ремень. Буквы скачутъ передо мной и расплываются. Рука реббе поднимается, и мое правое плечо въ страхѣ ежится. Отъ испуга я забываю вынуть палецъ изо рта.

— Береле, — обращается вдругъ реббе къ одному расторопному мальчику — сбѣгай къ Нахуму сапожнику и принеси оттуда немного смолы. Живо! Скажи — реббе просилъ.

Береле вскакиваетъ и убѣгаетъ. Мальчики вокругъ стола начинаютъ перешептываться, поглядываютъ украдкой на меня и смѣются. Взглянутъ и засмѣются. Что они видятъ во мнѣ? и чего они смѣются?

Береле приноситъ немного смолы на кончикѣ щепки и кладетъ на столъ передъ реббе.

— Сойди, — приказываетъ реббе.

Я схожу.

— Подойди ко мнѣ...

Я дѣлаю маленькій шажекъ по направленію къ нему.

— Еще...

Еще одинъ шажекъ.

— Еще.

Я зажатъ между колѣнями реббе. Господи, что онъ хочетъ сдѣлать со мной?

Реббе такъ отвернулъ свой толстый палецъ назадъ, что внизу у основанія его образовалась маленькая ямочка. Ямочку онъ наполняетъ нюхательнымъ табакомъ и, хорошо затянувъ его въ носъ, вдругъ чихаетъ мнѣ прямо въ лицо: атхи!...

Отъ этого у него въ головѣ прояснилось, и онъ приступаетъ къ самому дѣлу. Онъ вынимаетъ мой толстый палецъ изо рта, демонстрируетъ его передъ дѣтьми и спрашиваетъ тономъ учителя, преподающаго по наглядному методу.

— Дѣти, что это?

— Большой палецъ, большой палецъ...

— А это что? — спрашиваетъ онъ, указывая на смолу.

— Смола, смола...

— А это?

— Табакъ, табакъ.

— А что дѣлаютъ съ мальчикомъ, который сосетъ палецъ?

Это ставитъ дѣтей втупикъ, и они молчатъ. Реббе глазами требуетъ отвѣта. Вдругъ вскакиваетъ одинъ мальчикъ, заика. Глазки его сверкаютъ, будто святой духъ снизошелъ на него, и онъ лепечетъ съ большимъ усиліемъ.

— Я з-з-знаю...

— Скажи, скажи, — подбодряетъ его реббе.

— От-т-т...

— Отрѣзаютъ палецъ, — подхватываетъ другой.

Болѣе сообразительные изъ мальчиковъ смѣются. Улыбается и реббе. Заика смущается. Снова молчаніе.

— Ну? — спрашиваетъ реббе рѣсницами.

— Завязываютъ палецъ тряпочкой, — выпаливаетъ одинъ.

— Сѣкутъ мальчика, — перебиваетъ другой.

— Ну? — реббе качаетъ головой. — Неужели вы не знаете? Мальчикъ, который сосетъ палецъ — такъ поступаютъ съ нимъ.

И реббе начинаетъ неторопливо и спокойно показывать, сопровождая свои дѣйствія объясненіями, что дѣлаютъ въ такомъ случаѣ.

— Берутъ смолу...

Реббе беретъ смолу.

— Мажутъ его палецъ...

И реббе мажетъ.

— Затѣмъ берутъ табакъ . . .

Реббе беретъ и это.

— Присыпаютъ имъ смолу ....

Реббе присыпаетъ.

— А теперь, — заканчиваетъ реббе страдальческимъ голосомъ, — пусть онъ идетъ и сосетъ себѣ...

Въ этотъ день я отучился отъ сосанія пальца. Когда все же натура брала верхъ, я начиналъ грызть ногти.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Доброе намѣреніе и награда за него.

— Ей Богу, Песя, онъ разговариваетъ со стѣнкой.

Такъ сказалъ отецъ въ одинъ зимній вечеръ, внезапно поднявъ глаза отъ записной книжки и увидѣвъ, какъ я стою у стѣны, гримасничаю и выдѣлываю странныя движенія головой, языкомъ, руками, всѣми десятью пальцами. За словами непосредственно слѣдовала пощечина — какъ всегда.

Правду говоря, я не разговаривалъ со стѣнкой, а забавлялся собственной тѣнью на стѣнѣ. Что другое дѣлать мальчику длинными зимними вечерами, когда онъ одинъ и запертъ въ комнатѣ? Но отецъ вспыльчивъ, онъ не выноситъ ни меня, ни моихъ забавъ. Все, что бы я ни дѣлалъ, ему не нравится, все заставляетъ его злиться, давать пощечины, бросаться и поднимать дикіе крики: «Песя, — кричитъ онъ и кидается, — убери его съ глазъ моихъ — я убью его!» Въ такую минуту можно подумать, что, дѣйствительно, я, Шмуликъ, причинилъ когда-то ему, папѣ, какое-то громадное горе, горе, котораго нельзя перенести, нельзя простить. Какъ будто бы я, прости Господи, покушался на его жизнь, хотѣлъ убить его. Господи, когда я согрѣшилъ противъ него? и чѣмъ согрѣшилъ?

Я начинаю прятаться отъ отца, стараюсь не попадаться ему на глаза. Когда онъ въ столовой — я въ спальной, когда онъ въ спальной — я въ кухнѣ, нахожу себѣ тамъ мѣсто въ уголку, сижу одинъ и занимаюсь чѣмъ угодно.

Въ это время у меня появляется маленькое желаніе. Я хочу «подоить» стѣнку. Отъ товарищей въ хедерѣ я слыхалъ, что на свѣтѣ есть чудотворцы, которые дѣлаютъ это, которымъ это удается. Я немедленно остановилъ свой выборъ на одной стѣнѣ у насъ въ домѣ. Нижняя половина этой стѣны была покрыта сыростью, плѣсенью, какимъ то обильнымъ зеленымъ потомъ, и давно привлекала меня. Въ ненастные дни я цѣлыми часами сидѣлъ передъ ней и разглядывалъ странныя пятна сырости на ней. Я видѣлъ въ зеленыхъ пятнахъ все, что мнѣ хотѣлось: горы и долины, поля и лѣса, дворцы и храмы. «Эта стѣна, — рѣшилъ я, — такъ таки и создана для доенія» — и не отходилъ отъ нея въ свободное время. Я изслѣдовалъ ее со всѣхъ сторонъ въ поискахъ подходящаго мѣста. Искалъ и нашелъ: внизу

стѣны, возлѣ угла я нашелъ какое-то вздутіе, похожее на сосокъ — вотъ оно, подходящее мѣсто. Остается мнѣ только просверлить въ ней маленькое отверстіе, вставить трубочку — и молоко потечетъ, забьетъ бурнымъ ключемъ. Чтобы использовать источникъ цѣликомъ, чтобы не пропала даромъ ни одна капля, я заранѣе приготовилъ всевозможные сосуды: флаконъ съ отбитой шейкой, донышко разбитой бутылки, потрескавшійся горшокъ, въ которомъ мѣсили глину, кусокъ отъ благотворительной кружки ребъ Меира — чудотворца. жестяной кувшинъ, дырявый и заржавѣвшій, погнутую и сплюснутую снизу лейку, засаленную ермолку, истасканный башмакъ, которому не было пары, и тому подобные сосуды, которые валялись въ грязи, на чердакѣ или подъ кроватью. Не забылъ я при этомъ раздобыть и пробку. Зачѣмъ пробку? Чтобы затыкать ею отверстіе въ стѣнѣ между однимъ доеніемъ и другимъ. Собравъ все это и вооружившись гвоздемъ и пестикомъ, я усѣлся на полъ и началъ сверлить. Ударъ пестикомъ — гвоздь входитъ. Сердце трепещетъ; еще немного, одно мгновеніе — и изъ отверстія стѣны брызнетъ и польется бѣлая прохладная струя, потечетъ... И тутъ, въ самый важный моментъ, сзади на меня налетаетъ пощечина.

— Вонъ отсюда, идіотъ, не портить стѣнъ!

Пощечина отца. Я узнаю ее даже въ темнотѣ и съ закрытыми глазами. Острая, отмѣнная пощечина, которая сверкнетъ вдругъ, какъ молнія, и тотчасъ исчезаетъ, острая и гладкая, обжигающая и звонкая. Звукъ ея раздается лишь потомъ, впослѣдствіи... Отецъ былъ удивительнымъ художникомъ въ этой области, отличныя у него пощечины. Онъ зналъ это искусство до тонкостей. Казалось, само небо вдохновляетъ его. Да и шутка ли? Сорокъ лѣтъ подрядъ съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ отцомъ, онъ только то и дѣлаетъ, что даетъ пощечины...

Какъ бы то ни было, дѣло испорчено, за грѣхи мои, и стѣна не выдоена до сихъ поръ. А жаль! Я, свидѣтель Богъ, стремился къ добру. Я видѣлъ горе отца и хотѣлъ ему помочь, сколько могъ. Я не могъ, право, видѣть его страданій, когда онъ приходилъ вечеромъ, садился, хмурилъ брови надъ записной книжкой и думалъ, думалъ, думалъ... Въ сущности, что общаго между записной книжкой и гнѣвомъ? И тѣмъ не менѣе берегитесь папы, когда онъ одинъ надъ записной книжкой! Опасный это моментъ, и жизнь ваша на волоскѣ . . . Да, у меня, право, были благія намѣренія. Между прочимъ, думалъ я, можетъ быть, благодаря этому, отецъ примирится со мной, улыбнется мнѣ, перестанетъ давать пощечины. Но что подѣлаешь — попуталъ лукавый, отецъ самъ разбилъ свое счастье.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Я и печка.

Какъ бы то ни было, я оставляю въ покоѣ доеніе стѣнки и перехожу къ печкѣ.

Мрачно и неуютно у насъ въ зимніе дни, но еще хуже въ сумерки, когда я возвращаюсь изъ хедера. Сырость, затхлость, плѣсень. Отъ стѣнъ и пола тянетъ холодной сыростью, пронизывающей насквозь. Воздухъ пропитанъ запахомъ дегтя, дымомъ махорки и еще какимъ-то непріятнымъ запахомъ — слѣды мужиковъ (у отца есть дѣла съ мужиками, и они бываютъ у насъ въ домѣ). Простая и скудная деревянная мебель, которая всегда сиротливо теряется въ пустотѣ комнатъ, теперь расплывается въ сумеречномъ свѣтѣ и совсѣмъ исчезаетъ. Отъ этого пустота дѣлается еще болѣе необъятной и сиротливой. Въ одномъ углу мать тихо вздыхаетъ, изъ другого темнаго угла кошка выходитъ мнѣ навстрѣчу, смотритъ на меня и жалобно мяукаетъ. Бѣдная!

Только въ одномъ углу, въ спальной, въ стѣнкѣ недалеко отъ пола есть маленькое четыреугольное отверстіе, двѣ четверти на два — закоптѣлая печка. Весь день она закрыта, только съ наступленіемъ вечера, когда закрываются ставни, и въ домѣ становится жутко, горбъ на противоположной стѣнѣ подернутъ красноватымъ отблескомъ и начинаетъ дрожать и потрескивать — это значитъ, что печка горитъ и живетъ... Я мигомъ въ спальной возлѣ печки. Поджавъ ноги, я сижу передъ ней на лежащихъ тамъ остаткахъ отъ вязанки дровъ, обнимаю руками колѣни, наклоняю голову и смотрю. Полѣнья снаружи жесткія, сырыя, холодныя. Они почти всѣ суковатыя, покрыты затвердѣвшимъ снѣгомъ и обросли вздрагивающимъ мохомъ, похожимъ на клочья бороды.... Сухія щепки подъ полѣньями горятъ еще слабо и неувѣренно, и каждый разъ, когда ихъ огонекъ колеблется и присѣдаетъ, мое сердце дрожитъ. Я боюсь, какъ бы онъ, сохрани Богъ, не погасъ, не захвативъ дровъ. Я слѣжу взоромъ за каждымъ движеніемъ золотого языка и мысленно все-таки подбадриваю его. «Ну, ну, полѣзай, на то полѣно, — говорю я про себя, — сбоку, сбоку его, лѣзь наверхъ, наверхъ, на спину, такъ, такъ ему и надо, за бороду хватай, за бороду... И маленькій огонекъ слушаетъ меня, подбирается, извивается, проползаетъ, обнимаетъ полѣнья кругомъ, ощупываетъ, ищетъ, гдѣ бы схватить поудобнѣе. Вверху въ дымовой трубѣ завываніе вѣтра и дребезжаніе вьюшки, приводящіе въ ужасъ. Я весь дрожу отъ холода, который вырывается и проникаетъ въ меня снизу, изъ-подъ дровъ, на которыхъ я сижу; порывъ вѣтра, прорывающійся черезъ дымоходъ въ печку, бросаетъ мнѣ въ лицо горсть холодной вчерашней золы, — я не движусь съ мѣста. И взоромъ, и душою я съ огнемъ. Я сижу и смотрю, пока огонь разгорается. И когда онъ пылаетъ — я тѣло и душу свою возвожу на костеръ. Я вижу, слышу въ немъ то, чего не

скажешь словами. Я слышу какую-то мелодію, таинственную мелодію, тихо, тихо пробивающую изъ глубины, изъ самой сердцевины углей, которые снаружи трескаются звуча, точно тысячи тонкихъ, туго натянутыхъ, гдѣ-то скрытыхъ струнъ. Я вижу какую-то безпорядочную, изступленную пляску маленькихъ золотыхъ языковъ, живыхъ и порывистыхъ. Цѣлая орава огоньковъ — красныхъ, голубыхъ, багряныхъ, тусклыхъ... Множество свѣтовъ и огней, которые поднимаются, перепутываются нитями и полосами; они сталкиваются, переплетаются, клубятся, лижутъ, обжигаютъ, щупаютъ... Шопотъ множества углей и подмигиваніе живыхъ брилліантовъ. Ссс... шипитъ одна головешка, на которой вздулась и кипитъ грязная капля жидкости. И снова сдержанная и протяжная мелодія, тонкій и острый звукъ струны — ммм. И вдругъ — прррр... цѣлая гора сгорѣвшихъ головешекъ рушится и растекается, какъ расплавленное золото... Печка наполняется кучами горящихъ углей. Дыханіе ея — желѣзо, раскаленное добѣла. Тебѣ кажется, что въ этотъ моментъ выскочитъ оттуда саламандра, существо, которое, какъ разсказываютъ товарищи въ хедерѣ, рождается отъ огня; она вся склизкая и красная, какъ вареный ракъ. И еще кажется тебѣ, что какъ только она появится въ огнѣ, она выпрямится во весь ростъ на заднихъ лапахъ и скачнетъ своими восемью лапами тебѣ прямо въ глаза. Ужасъ охватываетъ меня. Я закрываю глаза, чувствую огонь на лицѣ и на колѣняхъ, со страхомъ слушаю дребезжаніе вьюшекъ — дррр... Я боюсь обернуться назадъ. Какой-то чертъ стоитъ надо мной, онъ согнулся надъ моимъ затылкомъ. «Мама! мама!» мысленно зову я, но голоса моего не слышно. Я въ смертельномъ ужасѣ. Зубы и колѣни дрожатъ, сердце замираетъ отъ страха. Завываніе вѣтра слышится мнѣ далеко, далеко. И тутъ, въ минуту такой опасности, въ моей головѣ мелькнуло средство,

которое ребе далъ мнѣ для спасенія отъ бѣса, который постоянно гонится за мной, когда я вечеромъ возвращаюсь изъ хедера. Я торопливо всовываю руки въ поясокъ отъ брюкъ и необычайно сосредоточенно кричу: *Шма Исроель* — слушай Израиль. Средство помогаетъ, страха какъ не бывало, я снова сижу себѣ и смотрю въ печку. Одна головешка, блестящая, какъ черный атласъ, и вся испещренная трещинами и щелями, лежитъ въ сторонѣ, дымитъ и выбрасываетъ изъ щелей и трещинъ голубенькіе огоньки, точно маленькіе, тоненькіе клубы дыма. Завываніе въ трубѣ усиливается, сдержанное и дрожащее, но однообразное, назойливое, непереносимое и безпокойное. Явдуха, наша старая прислуга, приходитъ закрыть печь. Мои глаза слипаются... Ууу... ууу... дррр... слышу еще сквозь сонъ далекое завываніе и близкое дребезжаніе.

Всю ночь мнѣ снятся черныя существа, закоптѣлыя, какъ у трубочиста, рожи, которыя стоятъ ночью, въ темнотѣ, разсыпанныя по пустынной и тоскливой равнинѣ, каждая согнувшись надъ кучей горящихъ углей и каждая про себя роясь тамъ кочергой. Куча углей освѣщаетъ только себя и сердитое лицо того, кто роется въ ней, а все міровое пространство сверху, снизу, впереди, позади все остается, какъ было во мракѣ. А тамъ, на вершинахъ угольныхъ кучъ, стоятъ во весь ростъ и пляшутъ многоногія саламандры, поднимая вверхъ свои мерзкія рожи и протягивая въ воздухъ влажныя, отвратительныя, слизкія лапы.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Лапша.

Тѣмъ временемъ я перешелъ въ общую группу хедера. Съ этихъ поръ я долженъ былъ хоромъ вмѣстѣ съ другими мальчиками громко и съ опредѣленнымъ напѣвомъ

произносить комментарій, который реббе произвольно прибавлялъ послѣ каждаго стиха Пятикнижія. Откуда бралъ реббе эти слова, кто доставлялъ ему ихъ, и какое отношеніе имѣли они къ тексту — этого я не зналъ и даже не старался узнать. Правду говоря, дѣло мнѣ и не казалось сложнымъ, не болѣе, чѣмъ *бе у бу*, или переводъ слова *только* «ракъ» — черезъ «нейертъ», *тростникъ* «оху» — «гемизахцъ». Въ концѣ концовъ все это совершенно произвольно и нечего тутъ задавать вопросы. Поэтому я подчиняюсь произволу, раскачиваюсь, какъ могу, присоединяю свой голосъ къ хору и кричу... Главное, — не остаться въ единственномъ числѣ, потому что, пока я напѣваю и кричу сообща съ другими, бѣда еще не такъ велика. Даже наоборотъ!... Но какъ только хоръ на мигъ умолкаетъ, и мой голосъ хоть на мгновенье выплываетъ одинъ — я самымъ настоящимъ образомъ умираю. Я подозрѣваю, что и остальные товарищи чувствуютъ также. Знаете, на кого мы всѣ похожи въ такой моментъ? На компанію слѣпыхъ, которые идутъ вмѣстѣ, держась и цѣпляясь другъ за друга, и скользятъ по качающимся на рѣкѣ льдинамъ. Каждый полагается и не полагается на другого, и всѣ они колеблются надъ бездной... Повидимому, такова неизмѣнная и исконная природа солидарности. И если въ четвергъ — судный день въ хедерѣ — въ хедерѣ все-таки находились мальчики, которые толкомъ и самостоятельно могли связать фразу, это было чудо. Я, Шмуликъ, почти ничего не понималъ въ толкованіи этихъ строкъ. Въ моемъ мозгу, какъ на зло, застревали «гемизахцъ», «найертъ», «байштедлъ» и другія спеціально учебныя слова, которыхъ я никогда не слышалъ, не понималъ, и которыхъ не потрудился объяснить реббе. Они, думалъ я, именно они составляютъ сущность Торы, въ нихъ вся суть толкованія, остальное несущественно. Эти безсмысленныя слова прятались въ моемъ сознаніи, и въ сво-

бодное время, когда я сидѣлъ одинъ за бочкой въ сѣняхъ, изъ этихъ словъ, точно бабочки изъ куколокъ, развертывались красивые образы, которыя занимали меня въ моемъ одиночествѣ... Я бесѣдовалъ съ ними, шутилъ, игралъ съ ними, утѣшался ими. Одни изъ нихъ появлялись на мигъ, выплывали, расцвѣтали, и не успѣвалъ я еще наглядѣться на нихъ — хлопъ! — улетѣли и нѣтъ ихъ. Другіе были постоянными гостями и даже обычными товарищами. Стоило мнѣ только закрыть глаза — и они со мной. Съ нѣкоторыми изъ нихъ у меня были оживленныя сношенія и между нами было много удивительныхъ дѣлъ, которыхъ я не могъ открыть никому въ мірѣ, никому, даже товарищамъ по хедеру. Не могъ, хотя и хотѣлъ бы. Во-первыхъ, мальчики недостойны этого, они смѣются и издѣваются надо мной, называютъ меня сосуномъ и другими прозвищами, а, во-вторыхъ, кто знаетъ, повѣрятъ ли они мнѣ. Навѣрное, не повѣрятъ. Пожалуй, прибавятъ какую-нибудь новую обидную кличку.

Прозвищъ и кличекъ, слава Богу, у меня достаточно. Каждая кличка — по поводу какого-нибудь событія, каждое прозвище имѣетъ свой смыслъ. Кромѣ «сосуна», «курильщика», о которыхъ я говорилъ раньше, я къ этому времени удостоился прозвищъ вродѣ «олуха», «сновидца», «неудачника», «дикаря» и т. д. И самое милое послѣднее — «лапша», или по новой версіи «лапшинка» — ласкательно.

Почему «лапша»? Изъ-за одной исторіи. Сидѣлъ я какъ-то разъ въ пятницу днемъ въ хедерѣ и одинъ передъ реббе читалъ въ растрепанномъ и распавшемся Пятикнижіи недѣльную главу. Реббе, какъ обычно по пятницамъ, сидѣлъ надъ большой глиняной тарелкой и большой деревянной ложкой старался зачерпнуть какой-то мутной похлебки, что-то вродѣ растертыхъ дрожжей съ лапшой (эту похлебку реббе страстно любилъ, готовъ

былъ убить или быть убитымъ за нее). Онъ хлебаетъ, а я читаю. Я читаю — онъ хлебаетъ. Вдругъ — тпр... Какое-то «Waithmahma», словно бревно на дорогѣ, встало предо мной и остановило меня. Что означаетъ это длинное и странное слово? Отъ меня не только улетучился переводъ его, но и все оно, весь его внѣшній обликъ; оно показалось мнѣ теперь существомъ новымъ и чуждымъ. Только теперь оно выбило изъ Пятикнижія, и я не понимаю, къ чему оно? Отчасти способствовалъ этому странный значекъ мелодіи надъ нимъ, но на него я пока не обратилъ вниманія. Клянусь я, это не значекъ, а бумажный змѣй, который вчера запускалъ на крышу нашего дома Митька, сынъ сосѣда Трохима. Между тѣмъ мнѣ мелькнуло что-то вродѣ бѣлаго шнурка въ бородѣ реббе, мелькнуло и исчезло. Взоромъ я ушелъ въ Пятикнижіе, а сознаніе двоится. Вдругъ, не отдавая себѣ отчета, я указалъ тоненькимъ пальцемъ на бороду реббе и со странной радостью объявилъ объ открытіи: «Ой, вотъ лапша». Честное слово, это восклицаніе вырвалось у меня само собой, невзначай, безъ всякаго, сохрани Боже, злого умысла. Поднося ложку ко рту, реббе уронилъ на бороду лапшу, и она застряла тамъ, бѣлая и вьющаяся, какъ значекъ на томъ словѣ, и это она мелькнула мнѣ шнуркомъ во время чтенія, и когда я замѣтилъ, что она запуталась въ чащѣ, я просіялъ и искренно обрадовался. Но реббе и ученики его отнеслись къ этому иначе. Мальчики вдругъ подняли меня на смѣхъ: «Ха-ха-ха, лапша». А реббе вскочилъ съ мѣста, какъ ужаленный, и, какъ разбойникъ, набросился на меня съ ложкой, которая была у него въ рукахъ. Онъ билъ меня безпощадно, билъ и приговаривалъ: «Вотъ тебѣ лапша, вотъ тебѣ лапша». Спасибо женѣ реббе: еслибъ она не выскочила изъ кухни съ ухватомъ въ рукахъ на помощь, меня бы пришлось вынести отъ реббе «на простынѣ».

Послѣ этого я проболѣлъ недѣли двѣ и бредилъ лапшой, табакомъ, *ваитмагма,* саламандрой. Когда я поднялся, чувствуя себя немного привилегированнымъ, ни за что не захотѣлъ вернуться въ хедеръ ребъ Гершона (такъ звали моего реббе). Куда же я хочу? Въ хедеръ ребъ Меира, находящійся въ маленькой ложбинѣ за мѣстечкомъ. Почему именно туда? Я не знаю. Однажды я проходилъ по той ложбинѣ, и она врѣзалась мнѣ въ память. Я видѣлъ тамъ песчаные холмы, зацвѣтшій прудъ и много земли, море зелени. Изъ зелени мелькала старая развалина, поросшая кустами и травой. Товарищи много говорили объ этой ложбинѣ и разсказывали чудеса о ней и о находящейся въ ней развалинѣ. Ночью, говорили они, очень опасно сходить въ эту ложбину изъ-за мертвецовъ и нечисти. Тамъ случилась исторія съ тряпичникомъ Іехіэлемъ. Онъ хотѣлъ пробраться въ развалину со своимъ мѣшкомъ поискать тамъ тряпья, но тамъ онъ встрѣтилъ старика реббе-Кгоса, который убилъ свою жену и умеръ въ прошломъ году. Онъ сидѣлъ тамъ въ уголку на опрокинутой бочкѣ и осматривалъ свой «талесъ-котенъ». Все это вмѣстѣ съ опасностью влекло меня къ этой ложбинѣ, и когда теперь мнѣ представился случай, я рѣшилъ не упустить его; будь что будетъ, я пойду только въ хедеръ реббе Меира.

Мама уступила мнѣ тотчасъ, папа тоже не настаивалъ на своемъ. При мнѣ онъ, правда, оправдывалъ судъ и расправу реббе Гершона. «Такъ ему и надо» — говорилъ онъ, т. е. такъ мнѣ. Шмулику, и надо, чтобъ меня убили. Но за глаза онъ отчасти признавалъ, что «реббе Гершонъ хватилъ черезъ край — чертъ бы его побралъ»! Я ясно слышалъ это, стоя за дверью. Короче говоря, помогли мнѣ молитвы отцовъ, и я попалъ въ число учениковъ ребъ-Меира.

Эта уступка, сдѣланная на этотъ разъ отцомъ, казалась мнѣ благопріятнымъ признакомъ того, что теперь

моя участь перемѣнится къ лучшему. Въ кварталѣ, въ которомъ мы жили, въ кварталѣ дегтегоновъ, хедеръ ребъ Меира, вы должны знать, это высшая школа. Выше него нѣтъ! И самъ ребъ-Меиръ не похожъ на прочихъ учителей. Всѣ учителя — чертъ бы побралъ ихъ, какъ говоритъ отецъ. Но ребъ-Меиръ — ребъ-Меиръ другое дѣло. Человѣкъ пріятный, благообразный, съ красивой бородой и красивымъ лбомъ. Говоритъ онъ спокойно, ходитъ солидно. Даже его черный халатъ весь внушаетъ уваженіе. Женщины не нахвалятся имъ, и дѣти идутъ къ нему въ хедеръ съ большой охотой. Учениковъ у него немного, и они сами считаютъ себя привилегированными, высшими существами. Есть среди нихъ и группа старшихъ, которые, кромѣ Пятикнижія съ толкованіемъ Раши, изучаютъ Библію, пророковъ и немного Талмуда. Если такъ, я тоже буду въ числѣ старшихъ.

Подъ вечеръ этого счастливаго дня, когда радость меня такъ охватила, что я не могъ держать ее, я выбѣжалъ на улицу, чтобъ объявить объ этомъ всѣмъ. Я нашелъ кучку мальчиковъ, прежнихъ товарищей, сидѣвшихъ въ пескѣ. Они играли камушками и бросали песокъ вверхъ: дѣлали дождь. Я остановился сзади, на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, заложилъ руки назадъ, какъ взрослый, высунулъ имъ языкъ и крикнулъ:

— Ага, а я учусь у ребъ-Меира.

— Лапша! — заорала на меня вся компанія, и столбъ пыли поднялся между ними. — Лапша, Лапша!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Въ ложбинѣ.

Въ воскресенье утромъ мать примазала слюной мои «пейсы», обтерла мнѣ носъ, вложила хвостъ моей рубашки въ разрѣзъ штанишекъ, дала мнѣ завтракъ — и я иду въ хедеръ ребъ-Меира.

Сердце не обмануло меня. Новый хедеръ — новый міръ. Каждый день послѣ утренняго обтиранія носа я запасаюсь пищей и иду въ хедеръ ребъ Меира — сердце мое не можетъ насытиться. За кварталомъ, какъ только спуститься со склона въ ложбину, недалеко отъ края, находится немного покосившееся маленькое одинокое жилище ребъ-Меира. Сбоку находится и сукка, возлѣ нея дерево, передъ ней огородъ. Самое жилье спряталось въ тѣни деревьевъ, но верхушка крыши и труба ея, которая сверкаетъ своей бѣлизной въ зелени деревьевъ, даетъ знать о немъ проходящимъ наверху. Кажется, что труба нарочно взлѣзла на верхушку крыши, чтобы взглянуть оттуда черезъ сѣтку вѣтвей, что дѣлается съ другой стороны, на перепутьи сверху. Само жилище снаружи веселое и свѣтлое: все оно бѣлое, какъ снѣгъ, и снизу, начиная съ оконъ, его опаясываетъ сплошная синяя полоса. Окна тоже окружены каймой нарисованныхъ растеній, синихъ цвѣтовъ, порхающихъ ласточекъ. Завалинка у основанія дома вся зеленая и кажется всегда новой. Справа къ стѣнѣ дома приставлена лѣстница, по которой черезъ темное и немного страшное отверстіе проникаютъ на чердакъ. Надъ этимъ отверстіемъ, въ самой верхушкѣ крыши, безпрестанно вращается на оси маленькое колесико, похожее на вѣтряную мельницу, вращается и уменьшаетъ нѣсколько жуткость отверстія. Колесо это сдѣлалъ и установилъ самъ ребъ-Меиръ. Онъ большой искусникъ — все онъ дѣлаетъ самъ. Маленькія костяныя лопатки для чистки ушей, зубочистки и другія бездѣлушки, красивыя или полезныя. Есть у него двѣ табакерки, одна изъ коры — для будней, другая изъ бараньяго рога — на субботу. Обѣ онѣ — издѣліе его рукъ. Украшенія на «восточной» стѣнѣ и картина Мордахея и Амана, которая виситъ на стѣнѣ — тоже его произведеніе. Когда онъ доходитъ съ учениками до постройки скиніи, онъ наглядно показываетъ имъ на мо-

дели весь шатеръ съ его утварью, священническія одежды, сѣтильникъ, столъ со всѣми принадлежностями его. Ребъ Меиръ трудился надъ ними и вырѣзывалъ ихъ ножикомъ въ теченіе нѣсколькихъ учебныхъ сезоновъ, и они хранятся изъ года въ годъ въ трехугольномъ шкапчикѣ въ углу. Говорятъ, что онъ «граверъ» тоже, но я не понимаю, что это значитъ. Т. е. я знаю, что «граверъ» — значитъ «крицлеръ», но я не знаю, что дѣлаетъ «крицлеръ». И товарищи тоже не знаютъ этого; спросить же самого реббе Меира мнѣ стыдно, потому что это касается его. «Сукка» ребъ-Меира, которая прислонилась къ дому, лучше и красивѣе всѣхъ другихъ въ мірѣ. Она стоитъ изъ года въ годъ, и ребъ-Меиръ пользуется ею для различныхъ нуждъ. Она служитъ ему свою службу съ перерывами, въ зависимости отъ сезона, для многихъ цѣлей: амбаромъ для дровъ, сараемъ для козы, птичникомъ для откармливанія гусей, погребомъ для картофеля и огурцовъ, а лѣтомъ даже хедеромъ для учениковъ. Легкій вѣтерокъ и нѣжный сумракъ господствуютъ тамъ всегда, и свѣтъ падаетъ на книги черезъ ельникъ золотыми каплями. Когда ребъ-Меиръ хорошо расположенъ и хочетъ доставить намъ удовольствіе, онъ подъ вечеръ выноситъ столъ, стулъ и двѣ скамейки во дворъ, и мы усаживаемся заниматься подъ деревомъ между домомъ и огородомъ. И, честное слово, у меня нѣтъ болѣе счастливыхъ часовъ. Сверху качаются надъ нами вѣтви деревьевъ, въ которыхъ слышится щебетаніе птицъ и хлопаніе скрытыхъ крыльевъ. Справа простирается и спускается внизъ ложбина съ моремъ зелени. Въ самомъ низу ея вьется и блеститъ серебряная полоса пруда. Она плескаетъ, рябится и бѣжитъ, бѣжитъ, пока не скроется подъ травянымъ покровомъ. Напротивъ — высокая, желтая песчаная гора съ зеленой лужайкой на вершинѣ. Большое и красное солнце застряло между деревьевъ и зажигаетъ ихъ. «Купина неопалимая» — про-

носится у меня въ головѣ. Огненныя нити и золотые жезлы тянутся оттуда, изъ свѣтящихся вѣтвей зажигаютъ огонь въ нашихъ глазахъ, озаряютъ блѣдный лобъ и черную бороду ребъ-Меира. Каждый волосокъ свѣтится отдѣльно. Теперь реббе кажется мнѣ однимъ изъ древнихъ «танаимъ», ребъ-Симонъ бенъ-Іохаи, что-ли, который сидитъ со своими учениками въ пустынѣ подъ рожковымъ деревомъ и изучаетъ съ ними тайны Торы вдали отъ всего міра. Часъ благости, душевнаго томленія и благоговѣнія. Солнце близится къ закату. Воздухъ наполняется ароматами, а мы читаемъ нараспѣвъ передъ реббе слова псалмовъ: *Блаженъ мужъ, который не ходилъ на совѣтъ нечестивыхъ... но къ закону Господа влеченіе его и о законахъ его помышляетъ онъ день и ночь. И будетъ онъ, какъ дерево, посаженное при потокѣ водъ...* Или: *Господь, пастырь мой, я не буду въ скудости. На злачныхъ пажитяхъ да покоитъ меня. На тихія воды водитъ Онъ меня. Душѣ моей даетъ отраду. Если даже пойду долиной тьмы, не убоюсь зла....* Переводъ становится лишнимъ, онъ только портитъ. Струятся, текутъ слова изъ сердца, и значеніе ихъ заключено уже въ нихъ. Они понятны сами собой. *Какъ дерево посаженное* — смыслъ этого ясенъ: это то дерево, подъ тѣнью котораго мы сидимъ. *При потокахъ водъ* — такъ и есть: это прудъ въ ложбинѣ. *Долина тьмы* — это развалина, въ которой живутъ черти, и куда реббе не позволяетъ ступить ногой. *Ты поставишь предо мною столъ* — тотъ самый столъ, за которымъ мы сидимъ и изучаемъ *законы Господни. Въ виду враговъ моихъ* — кто эти враги, если не русскіе мальчишки, подпаски, — чтобъ они подохли! — которые показываются иногда передъ нами на вершинѣ горы со своими палками и съ торбами, дразнятъ насъ издали «свинымъ ухомъ» и досадуютъ криками «гир-гир-гир».... Это они, тѣ *грѣшники,* о которыхъ го-

ворится въ молитвѣ, что они, дастъ Богъ, будутъ *мякиной, которую развѣетъ вѣтеръ*. Пуфъ — и нѣтъ ихъ...

Временами стая легкихъ тучекъ останавливается отдохнуть надъ маленькой ложбиной, какъ стая бѣлыхъ ангеловъ. Странники задерживаются немного, потомъ плывутъ дальше, какъ плыли. Только одинъ изъ нихъ, самый красивый и самый бѣлый, привяжется вдругъ къ верхушкѣ горы и остается тамъ въ одиночествѣ. Онъ смотритъ сверху на насъ, на маленькую кучку, которая сидитъ тутъ въ ложбинѣ и изучаетъ Тору. *Кто взойдетъ на гору Господню, и кто утвердится на святомъ мѣстѣ Его.*

Съ заходомъ солнца, когда я поднимаюсь изъ долины, я задерживаюсь на краю ея сверху. Сердце взволновано, глаза устремлены въ горизонтъ. Гора, лужайка, края неба, пламя. Рѣка огня, адъ...

ЗА ОГРАДОЙ

За оградой.

I.

Лѣсная слобода города N., Подольской губерніи, еще лѣтъ 20—30 тому назадъ была маленькимъ, но просторнымъ зажиточнымъ крестьянскимъ поселкомъ, опоясеннымъ лѣскомъ, садами, огородами и баштанами. Теперь это пригородъ, густо заселенный евреями, торгующими метлами и корытами, выдѣлываемыми изъ сведеннаго лѣса, а также фруктами и зеленью. Все здѣсь приняло еврейскій видъ: дома, дворы, покосившіеся заборы, даже воздухъ и птицы небесныя. Крестьяне съ ихъ лѣскомъ, садами и огородами оттѣснены далеко отъ слободы. Тамъ они привольно расположились на Божьемъ просторѣ: сѣютъ, сажаютъ, выращиваютъ скотъ, ребятишекъ и собакъ, гонятъ лошадей въ ночное, зажигая въ степи золотые костры. Живутъ они хорошо и сытно, и отъ ихъ достатка кое-что перепадаетъ и ихъ сосѣдямъ евреямъ изъ пригородной слободы.

Раннимъ утромъ слободской еврей отправляется въ своей телѣжкѣ на поле и къ полудню, обвѣянный ароматомъ садовъ и полей, возвращается оттуда нагруженный всякой благодатью: зеленымъ лукомъ, пучкомъ рѣдиски, головной капусты, связкой грибовъ, вязанкой свѣжескошеннаго сѣна, иногда румянымъ яблочкомъ и кувшинчикомъ земляники.

Изъ всѣхъ крестьянъ осталась въ слободѣ одна только вдова бобылка, Скурипинчиха, пріютившая дѣвочку-пріемыша въ своемъ дому и огромнаго пса — во дворѣ. Цѣпко держалась она за свою усадьбу — домъ съ плодовымъ садомъ и огородомъ — и ни за что не хотѣла уйти съ насиженнаго мѣста. Слобода все болѣе и болѣе налегала на одинокую усадьбу бобылки. Дня не проходило безъ стычки или ссоры между Скурипинчихой и новоселами; заводились безконечныя сосѣдскія тяжбы, но старуха не поддавалась. Она оборонялась, какъ могла: съ каждымъ годомъ подымала заборы, увеличивала число собакъ, стерегущихъ домъ и садъ; выходившія на еврейскую улицу ворота и калитку заложила засовами. Когда ей нужно было пойти на базаръ либо въ городъ, она выходила задней садовой калиткой, а оттуда пробиралась, перелѣзая черезъ низкіе заборы, по межѣ, огородами и полянами, гдѣ рѣдко можно было встрѣтить или увидѣть еврея. На улицѣ Скурипинчиха появлялась только для вывоза на продажу своего урожая. Со скрипомъ и визгомъ раскрывались ворота и со двора выкатывалась двуколка, нагруженная плодами и запряженная маштачкомъ «Малышомъ». На двуколкѣ возсѣдала сама Скурипинчиха, держа въ рукахъ вожжи. Подростки-ломовики, давно съ нетерпѣніемъ поджидавшіе у воротъ, располагались по обѣ стороны дороги и устраивали Скурипинчихѣ шумную встрѣчу. На радостяхъ они хватали съ телѣжки, кто — большой зеленый огурецъ, кто — сочную грушу, спѣлое яблоко, и тутъ же на глазахъ у ограбленной вонзали въ нихъ свои крѣпкіе зубы.

Къ вящему огорченію и досадѣ евреевъ, домъ Скурипинчихи одной своей стороной выходилъ на синагогальный переулокъ. И въ пятницу вечеромъ, когда евреи въ своихъ длинныхъ шелковыхъ кафтанахъ и бархатныхъ шапкахъ шли переулкомъ изъ синагоги, ихъ провожалъ, кромѣ двухъ субботнихъ ангеловъ мира, лай са-

мой большой изъ собакъ Скурипинчихи — Скурипина, прозваннаго такъ по имени своей хозяйки. Самой собаки не было видно: она была за заборомъ на цѣпи посреди двора, и только ея сердитый лай да лязгъ цѣпи доносились до проходившихъ по переулку, нагоняя на нихъ смертельный страхъ.

Со стороны улицы домъ Скурипинчихи нѣсколько выступалъ изъ линіи домовъ и былъ построенъ не по обычному плану: фасадъ и окна обращены во дворъ, а глухая стѣна — къ улицѣ. Въ этомъ расположеніи было нѣчто обидное, глумливое, какая-то злобная нарочитость: «вотъ вамъ, жиды, не хочу я къ вамъ передомъ, любуйтесь...» Это уже само по себѣ достаточно раздражало сосѣдей. «Братцы, этотъ домъ намъ всю линію портитъ!» — толковали они, безнадежно тыча руками въ глухую стѣну дома.

Но, помимо этой особенности, домъ обладалъ однимъ свойствомъ, пожалуй, даже болѣе непріятнымъ — драчливостью. Казалось бы, какой вредъ могутъ причинить крыша и стѣны? Межъ тѣмъ, изъ угла дома Скурипинчихи, на высотѣ человѣческаго роста, выступала въ переулокъ длинная жердь, походившая издали на чудовищный палецъ, какъ бы указывающій собакѣ на переулокъ: «лай, Скурипинъ, жиды идутъ! — кусай! кусай!». Столкновеніе съ этой жердью не проходило безслѣдно. Стоило еврею ночью повернуть изъ переулка направо, моментально — бацъ! — большая, съ яйцо, шишка уже красуется на его лбу. «Чтобъ этому проклятому дому обрушиться, сквозь землю провалиться, сгорѣть до-тла!» — ругается потерпѣвшій и бѣжитъ домой, чтобъ поскорѣе придавить шишку лезвіемъ ножа... Однако, сколько ни протестовали сосѣди противъ этой жерди — все понапрасну: какъ горохъ о стѣну!

Зато у этого дома была отличная крыша, хотя тоже нѣсколько своеобразная. Собственно говоря, это была

не крыша, а просто куча земли, покатая въ обѣ стороны. Лѣтомъ на ней произрастала разная зелень, травка, бурьянъ; дымовой трубы не было видно, и дымъ пробивался изъ-подъ травы. Домъ имѣлъ тогда видъ какого-то косматаго чудовища съ взлохмаченной головой.

Что дѣлалось въ самомъ дворѣ, этого никто не видалъ: калитка была постоянно на запорѣ, и евреямъ, даже ближайшимъ сосѣдямъ, не было туда доступу. Къ тому же и Скурипинъ не дремалъ. Упаси Богъ очутиться вблизи этой злющей собаки — опасность не малая! Не собака, а прямо свирѣпый барсъ. Стоило ей почуять шаги въ переулкѣ, какъ сейчасъ: р-р-р . . .говъ! — явственно — «говъ», а не «гавъ». А, вѣдь, извѣстно, что «о'кающая» собака любому волку въ злости сто очковъ впередъ дастъ. А сколько коварства въ этомъ Скурипинѣ! Когда это требовалось, онъ притаивался въ своей конурѣ, сворачивался и въ тиши злоумышлялъ, и вдругъ — хвать! — выросталъ, какъ изъ подъ земли, да — прямо за глотку. Однажды воръ залѣзъ во дворъ; на утро нашли его около Скурипина въ лужѣ крови, съ прокусаннымъ горломъ. Во всю ту ночь Скурипинъ не залаялъ!

А такъ какъ всякому своя глотка дорога, то не находилось смѣльчака, который отважился бы изъ простого любопытства сунуть свой носъ во дворъ. Только мальчишки, идя въ синагогу, либо прибѣгая подразнить сквозь дырку въ заборѣ Скурипина (они имѣли противъ него зубъ: онъ вѣрно сторожилъ фруктовый садъ), только они сквозь щели заглядывали во дворъ — и обозрѣвали его. Дворъ былъ четырехугольный, просторный, чисто выметенный, ни щепочки, ни соломенки не валялось тамъ. Передъ домомъ были маленькая лужайка и рядъ развѣсистыхъ деревьевъ. Отъ одного дерева къ другому тянулась веревка, на которой по временамъ сушилось развѣшенное бѣлье. На нижнихъ сучьяхъ деревьевъ торчало нѣсколько кувшиновъ; на заросшей завалинкѣ чер-

нѣлъ рядъ опрокинутыхъ горшковъ. Напротивъ забора стояло длинное строеніе, разгороженное на двѣ половины: стойло для «Малыша» и свиной хлѣвъ; затѣмъ шли — маленькій сарайчикъ для коровы, повѣть для дровъ, возлѣ которой находились: двуколка, навозная куча, конура Скурипина и самъ Скурипинъ на цѣпи. Позади двора начинался садъ. тотъ самый садъ, густолиственная зелень котораго виднѣлась изъ оконъ синагоги, гдѣ по субботамъ молитвенное пѣніе сливалось съ шуршаніемъ вѣтвей и ароматомъ яблокъ, доносившимися изъ сада.

Но вотъ кто-нибудь изъ мальчишекъ, непріятелей Скурипина, просовываетъ палку сквозь дыру прямо противъ глазъ животнаго, и война начинается. Отважные подъ прикрытіемъ забора, они дразнятъ оттуда: «р-р-р . . .», что должно означать: «а ну-ка, Скурипинъ, выходи!», а онъ привязанный на цѣпи, рычитъ: «р-р-р . . .», бряцаетъ цѣпью и рвется въ бой. И кто знаетъ, до чего доходило бы, если бы не появлялась Скурипинчиха и не прогоняла храбрецовъ. Не то, чтобы они ея боялись — въ концѣ концовъ, что за сила въ бабѣ!—наводилъ на нихъ страхъ ея голосъ. Нужно сказать, что голоса-то у нея почти что не было: она его потеряла въ своихъ безчисленныхъ ссорахъ съ сосѣдями. Отъ него осталось только одно глухое сипѣніе съ придушенными взвизгиваніями. Какое-то протяжное шипѣніе выходило изъ ея горла и какъ бы раскаленнымъ пескомъ обдавало присутствующихъ. Что она говорила, никому не было понятно, но чувствовалось, что она надрывается. Казалось, что тамъ у нея въ горлѣ точатъ ножи: шипѣніе, визгъ, летятъ искры, пахнетъ сѣрой, и набивается легкая оскомина. И удивительное дѣло! Именно это глухое шипѣніе способно было самого чорта обратить въ бѣгство. Оглушающій громъ, шипѣніе змѣи, завываніе мартовскихъ котовъ — все, что угодно, только не сипѣніе Скурипинчихи. Сосѣди ея увѣряютъ, что они совершенно не могутъ спать по ночамъ.

Черезъ дворъ, сквозь заборъ проникаетъ голосъ Скурипинчихи и доходитъ до ихъ спаленъ. Всю ночь слышно: це, це, це . . . И чего она сипитъ цѣлыя ночи напролетъ? Должно быть, бьетъ свою воспитанницу и цыкаетъ на нее. Нахумъ-Іоси собственными ушами слышалъ крики избиваемой дѣвочки. Подлая! — мало того, что она изводитъ дѣвочку непосильной работой, она еще бьетъ ее смертнымъ боемъ.

II.

Подъ пару дома Скурипинчихи былъ сосѣдъ его — домикъ съ двойной крышей, отдѣленный отъ него только высокимъ дощатымъ заборомъ. Сказать, что пара эта жила въ мирѣ — нельзя. Съ того самаго дня, какъ сосѣдній домъ перешелъ отъ крестьянина Серафима къ еврею Ханино-Липѣ (онъ переселился сюда изъ ближней деревни со своей толстой женой Ципой-Ліей и маленькимъ единственнымъ сынкомъ Ноемъ), пошли раздоры. Ссорились, какъ водится между сосѣдями, изъ-за всего: изъ-за клочка земли, забредшей коровы, поломки въ заборѣ, но, главнымъ образомъ, изъ-за зловонія. — Съ той поры, какъ засѣли эти жиды, — сипѣла Скурипинчиха, брюзжа слюной, — житья не стало отъ вони. Гуси, кричала она (Ципа Лія вскармливала на чердакѣ гусей), отравили ей воздухъ. — Экая безстыжая! Слыхано ли дѣло: грязная мужичка, у которой полонъ хлѣвъ свиней, жалуется на зловоніе! Доходило до пощечинъ, и Ханино-Липа былъ притянутъ къ суду, какъ зачинщикъ, и скрежеща зубами долженъ былъ уплатить штрафъ.

Послѣ этого между обѣими сторонами началась глухая сосѣдская война, въ которой принимали участіе даже дрова и камни, лежащіе посреди дворовъ. Это былъ безконечный осенній дождь незначительныхъ, изнуряющихъ, не видныхъ для глазъ выпадовъ, на которые некому было

жаловаться, но которые проникали глубоко, точно капли растопленной смолы.

Казалось, что даже стѣны обоихъ домовъ черезъ высокій раздѣляющій ихъ заборъ питаютъ другъ къ другу смертельную ненависть. Каждая изъ нихъ скрытно злоумышляетъ противъ другой и безмолвно чаетъ близкаго разрушенія и полной гибели противницы.

Время шло. и прогнившая крыша дома Ханино-Липы мѣстами совсѣмъ провалилась. Конекъ скривился и поломался, а съ боковъ образовались сквозныя дыры. И должно было это случиться зимой, какъ разъ въ сезонъ кормленія гусей, когда на чердакѣ сидѣло и гоготало около ста гусей! Ханино-Липа нашелся: онъ умудрился возвести надъ старой крышей изъ соломы крышунавѣсъ изъ драни. Долго послѣ этого старая крыша еще оставалась на мѣстѣ, ветшая и разрушаясь. Ципа-Лія таскала изъ нея пучками солому на опаливаніе гусей и мойку посуды. А новая крыша держится на своихъ четырехъ столбахъ до сихъ поръ. Такъ стоятъ въ ряду домовъ домикъ Скурипинчихи и его сосѣдъ — домъ Ханино-Липы. Стоятъ они рядышкомъ—одинъ со своей взлохмаченной головой, другой — въ новой шапкѣ и старой ермолкѣ, — изъ года въ годъ все глубже и глубже уходятъ въ землю, на что ясно указываетъ увеличивающійся промежутокъ между «шапкой» и «ермолкой». Въ нихъ обоихъ, какъ въ сердцахъ ихъ хозяевъ, залегла густая ненависть, вырывающаяся по временамъ бурлящимъ, клокочущимъ ядовитымъ потокомъ.

Изъ обитателей обоихъ дворовъ не принимали участія въ сосѣдскихъ ссорахъ только два существа: пріемышъ Скурипинчихи — Маринка, и ея ровесникъ — Ной, единственный сынокъ Ханино-Липы; во время стычекъ они молча стояли поодаль.

Еще въ первые мѣсяцы сосѣдства дѣти подружились.

Маринка тогда была такой одинокой и заброшенной. Раньше, когда въ сосѣднемъ домѣ жилъ «дядя» Серафимъ, было еще сносно. Она заходила къ нему по порученію «тетки» за горшкомъ или за ситомъ, а иногда играла въ пескѣ съ его сынишкой Макаркой. Дядя былъ съ ней ласковъ, по праздникамъ привозилъ ей съ базара бубликъ, а когда тетка ужъ очень ее донимала побоями, — приходилъ выручать ее. Но съ тѣхъ поръ, какъ дядя выселился, и сосѣдній дворъ опустѣлъ, — все вокругъ нея померкло. Не стало дяди, Макарки — все исчезло; осталась только злющая тетка, щипки, зуботычины, голодъ и сидѣніе взаперти. На дворѣ была весна, горячая пора работы на баштанѣ и въ саду. Тетка раннимъ утромъ уходила на баштанъ присматривать за поденщицами и возвращалась поздно вечеромъ. Домъ и дворъ она оставляла на маленькую Маринку, сипло, но внушительно наказывая ей не отлучаться ни на шагъ. Маринка не смѣла ослушаться и никуда не уходила. Цѣлые дни она просиживала одна-одинешенька, сторожа запертый дворъ. И не будь у нея щенка Скурипина, она умерла бы со скуки. Одно сокровище хранила она — связку маленькихъ черствыхъ бубликовъ, которую «дядя» подарилъ ей на прощанье. Долгое время она не рѣшалась ихъ съѣсть и всякій разъ, оставаясь одна, вынимала ихъ изъ-за пазухи и играла ими. Маринка не могла на нихъ наглядѣться и находила въ нихъ все новыя и новыя достоинства: желтые они, круглые, какъ колечки, стучатъ, какъ камешки; правда, они маленькіе, но зато какіе толстенькіе . . . почти совсѣмъ безъ дырки . . . По десять разъ на-день она пересчитывала ихъ по-одному пальчикомъ, и — удивительное дѣло — всегда ихъ было только девять, ни больше, ни меньше. Но однажды, сильно проголодавшись, Маринка не устояла противъ искушенія и съѣла всѣ бублики. Съ тѣхъ поръ остались у нея только Скурипинъ и память о «дядѣ». Въ особен-

ности ей памятны его послѣднія слова. Онъ вошелъ въ своихъ высокихъ сапогахъ, съ кнутомъ въ рукѣ, попрощался съ теткой и передъ уходомъ сказалъ ей: «Смотри, старая», — такъ онъ и сказалъ, слово въ слово, — «смотри, старая, не бей дѣвчонку зря. Сирая она, побойся Бога!» Эти мягкія пріятныя слова Маринка слышала собственными ушами, сидя на порогѣ и разрѣзывая тыквы на кормъ свиньямъ. Сердце ея замерло, переполнившись благодарностью, и когда дядя, уходя, переступалъ порогъ, она торопливо подползла на четверенькахъ и поцѣловала бѣглымъ и незамѣтнымъ поцѣлуемъ его сапогъ. Правда, тетка не послушалась его совѣта и не перестала бить ее, но Маринка, въ свою очередь, не переставала ежедневно повторять про себя слова дяди: «Смотри, старая . . .»

Однажды Маринка не совладала съ собой и нарушила запретъ тетки. Ее потянуло въ покинутый домикъ «дяди» Серафима; крадучись, вышла она со двора и пошла туда. Тамъ ее охватила сильная грусть. Домъ стоялъ пустой, покинутый и казался ей чуждымъ. Тетка говорила, что его продали жидамъ. «Что это за жиды поселятся въ немъ? Кто они такіе? И куда уѣхалъ дядя Серафимъ?» Молча усѣлась она на землю въ уголокъ и заплакала. Сладостныя слезы лились безъ усилій и были очень пріятны; она хотѣла бы всю жизнь провести въ этомъ уголкѣ, въ слезахъ. Внезапно въ домъ вошли два странныхъ существа; одинъ — низенькій, полный, волосатый человѣкъ въ длинномъ кафтанѣ съ кнутомъ подъ мышкой,а другой — съ аршиномъ въ рукѣ. Сквозь дрожащія на ея рѣсницахъ слезы ихъ лица показались ей странными и страшными. Маринка испугалась, сжалась въ комокъ и смолкла. Люди побыли недолго въ домѣ, осмотрѣли стѣны, потолокъ, окна и ушли. Маринка пыталась опять заплакать, но прерванный плачъ казался ей теперь прѣснымъ и не доставлялъ удовлетворенія. Ве-

черомъ тетка нашла ее тамъ уснувшей впотьмахъ и поволокла за волосы домой. Съ того дня Маринка не выходила со двора ни на шáгъ. Одинокая и тоскливая сидѣла она весь день на завалинкѣ; у ногъ ея лежалъ маленькій тогда еще не посаженный на цѣпь Скурипинъ — единственная живая душа, привязанная къ ней и понимающая ее. Лежитъ этотъ щенокъ у ногъ Маринки и не сводитъ съ нея глазъ. Издалека, съ полей и огородовъ доносятся обрывки пѣсенъ поденщицъ, звонкіе грудные весенніе голоса, и оба, Маринка и щенокъ, настораживаются. Собака вздрагиваетъ, внезапно вскакиваетъ и встряхивается, виляетъ хвостомъ и умоляюще смотритъ на Маринку, какъ бы говоря: «ай-да Маринка, бѣжимъ скорѣе!» А она беретъ его на руки и прижимаетъ къ груди, «нельзя, Скурипинъ, нельзя — тетя бить будетъ . . .»:

III.

Въ одно прекрасное утро въ сосѣднемъ дворѣ поднялась суета. «Жиды пріѣхали», сказала тетка. И съ этого дня наказы тетки стали строже, а щипки ея злѣе. Она усилила предосторожности: стала держать подъ замкомъ все, что только можно было спрятать; понавѣсила замковъ на погребъ, чердакъ, дровяной сарай, завела во дворѣ еще одну собаку. «Смотри въ оба», — строго-настрого наказала теперь Маринкѣ тетка, — «слышь ты? Евреи и цыгане — всѣ воры, слышь ты? Если еврей сунетъ носъ во дворъ, собакъ натрави на него, собакъ, слышь ты? Собакъ евреи боятся, слышь ты? Вотъ тебѣ краюха хлѣба и луковица, не смѣй никуда уходить, слышь ты? Если со двора пропадетъ что-нибудь, шкуру съ тебя спущу, слышь ты?»

О, какъ ненавистно Маринкѣ это хриплое царапающее «слышь ты?» Въ груди у нея сверху около плеча, — такъ кажется Маринкѣ, — круглая, какъ монета, ран-

ка, натертая этимъ вѣчнымъ «слышь ты?». Слова эти всякій разъ попадаютъ въ это мѣсто и бередятъ его: «слышь ты? слышь ты?...»

Маринка покорно наклоняетъ голову и слушаетъ. А какъ только садовая калитка, дважды скрипнувъ, захлопывается за ушедшей теткой, она мигомъ бѣжитъ къ забору. Съ тѣхъ поръ, какъ поселились жиды, она простаиваетъ по цѣлымъ днямъ, прильнувъ къ забору, впиваясь глазами въ щелку. Такъ стоять ей гораздо пріятнѣе, чѣмъ сидѣть, скучая, на завалинкѣ. Здѣсь она видитъ новыя лица, слышитъ, ничего не разбирая, странный говоръ: «га-га-га, гир-гир-гир . . .» На землѣ лежатъ сложенные и разбросанные ярусы и кучи бревенъ,брусьевъ, досокъ, жердей, тесу. Есть тутъ и старыя, потемнѣвшія, и свѣжія, блестящей бѣлизны, съ выступавшими каплями остро пахнущаго сока. Въѣзжаютъ и уѣзжаютъ биндюги, толкутся ломовики и разный людъ. Между ярусами ходитъ низенькій, толстый, волосатый человѣкъ въ длинномъ кафтанѣ; онъ суетится, кряхтитъ, потѣетъ. Гдѣ она видѣла этого человѣка? Кажется, она ужъ его когда-то видѣла... Да, да, это онъ. Тотъ самый, что напугалъ ее, когда она сидѣла въ сумерки въ уголкѣ и плакала. «Это и есть жидъ». догадывается со страхомъ Маринка и смотритъ дальше. У ногъ жида путается кудрявый смуглый мальчишка. Онъ карабкается то на одинъ, то на другой ярусъ, скачетъ по бревнамъ, прыгаетъ по жердямъ, забирается на самый верхъ и щелкаетъ кнутомъ, крича «гей, гей!» Волосатый въ длинномъ кафтанѣ прикрикиваетъ на него, стаскиваетъ съ яруса, даетъ пинка и прогоняетъ; мальчишка бѣжитъ съ плачемъ домой, и сейчасъ же на весь дворъ раздается изъ дому визгливый женскій крикъ: «Нино Липа! Нино Липа!» и еще какіе-то выкрики, смыслъ которыхъ непонятенъ Маринкѣ.... Маленькій Скурипинъ скачетъ и лаетъ. Маринка съ испугомъ бѣжитъ на свое постоянное

мѣсто — завалинку. «Красивый, живой мальчикъ!» — думала Маринка. — «Неужто и онъ — жидъ?»

Слѣдующіе нѣсколько дней Маринка была занята работой въ домѣ и во дворѣ. Подрѣзывали деревья, и дѣвочка весь день металась съ мѣста на мѣсто: спускалась въ погребъ, лазила на чердакъ, бѣгала по порученіямъ, кормила куръ, готовила мѣсиво для свиней — и за все получала щипки. Съ сосѣдняго двора цѣлый день доносился шумъ и грохотъ разгружаемыхъ и нагружаемыхъ телѣгъ, — и Скурипинчиха злилась и щипалась, щипалась и злилась.

Когда, наконецъ, Маринка осталась одна и вернулась къ своей щелкѣ, она ничего не увидѣла: наваленная у забора высокая куча бревенъ заслоняла ей видъ. До нея доносился лишь глухой и совершенно непонятный говоръ: «ла-ла-ла». Маринка старалась различить голосъ мальчика, но это ей не удавалось.

На другой день утромъ, какъ только тетка ушла со двора, Маринка тщательно осмотрѣла заборъ во всю его длину, и въ той части, что между домами, она нашла дыру отъ выпавшаго сучка, круглый глазокъ, недалеко отъ земли, какъ разъ противъ сосѣдской завалинки. Маринка стала на колѣни и начала смотрѣть. Полумракъ и тишина. Между домомъ и заборомъ, подъ застрѣхой чернѣетъ маленькая полоса взрыхленной земли; она разбита на грядки, — посрединѣ воткнутъ заступъ. Никого не видать. «Кто это сѣетъ здѣсь?» — удивилась Маринка. Послышались шаги. Скурипинъ встрепенулся и уже собрался залаять «Тсс!..», поспѣшила Маринка удержать его и стала прислушиваться. Нѣтъ, это не шаги, а прыжки, прыжки, словно скачетъ жеребенокъ. Прыжки доносятся со стороны, все приближаясь. Спустя минуту къ закоулку между заборомъ и сосѣдской стѣной вприпрыжку прибѣжалъ кудрявый смуглый мальчикъ. «Онъ, онъ!»—узнала его сейчасъ Маринка и затаила ды-

ханье. Мальчикъ весь сіялъ отъ радости и счастья. Подымая надъ головой зажатыя горсти, онъ прыгалъ и выкрикивалъ «Есть! есть! все есть!». Промежъ пальцевъ сыпались на землю бобы, горохъ, подсолнухи. «Дурной!», подумала Маринка, и еле сдерживаемый смѣхъ защекоталъ ея горло. Одной рукой она зажала себѣ ротъ, а другой — морду Скурпина: чувствуетъ она по вздрагиванію его тѣла, что онъ тоже не можетъ сдержаться и вотъ-вотъ залаетъ.

— Что есть? — неожиданно сорвалось у нея съ губъ, и сейчасъ же она спохватилась и пожалѣла объ этомъ. Мальчикъ вздрогнулъ, съ легкимъ замѣшательствомъ осмотрѣлся кругомъ и быстро спряталъ въ карманъ сѣмена. Потомъ, замѣтивъ дырку, тихо опустился на колѣни и испуганно заглянулъ въ нее. Изъ дырки навстрѣчу его взгляду смѣялся добрый, лукавый, сѣрый глазъ. Минута молчанія и смущенія.

— Кто ты? — спросилъ онъ глазъ . . .

— Я . . . Маринка . . .

— А я — Ной! . .

Продолжительная пауза.

Маринка немного отодвинулась отъ дырки. Ной съ минуту смотрѣлъ на нее и сказалъ какъ бы въ сердцахъ:

— Чего ты заглядываешь сюда?

— Такъ. Хочу видѣть, что ты тутъ дѣлаешь.

— Я? . . . сѣю . . .

— Хи-хи-хи, — засмѣялась Маринка, втянувъ голову въ плечики.

— Чего ты смѣешься, ты? — обидѣлся Ной и разсердился.

Въ это время собака залаяла. Ной сразу успокоился и разговорился. Онъ спрашивалъ ее о собакѣ, она отвѣчала. Подъ конецъ онъ сталъ ее подбивать перейти съ собакой къ нему.

— Я, видишь ли, — уговаривалъ ее Ной, — завожу огородъ. Будемъ сѣять вмѣстѣ. У меня все есть, ей-Богу! Вотъ горохъ, бобы, подсолнухи, — и онъ вытаскивалъ изъ кармановъ всѣ сѣмена. — Ты никому не разскажешь? — спросилъ онъ, понижая голосъ до шопота: — Я ихъ стащилъ у мамы; она ничего не будетъ знать; когда все вырастетъ, я ей отдамъ въ десять разъ больше, ей-Богу! Ну, Маринка, хочешь?

Маринка отрицательно качнула головой.

— Почему? — огорчился Ной.

— Такъ. Въ закоулокъ не доходитъ солнце.

— Что жъ изъ этого? — испуганно удивился Ной.

— Ничего не созрѣетъ, и твоя работа пойдетъ прахомъ.

— Ты врешь, — снова разсердился Ной, чуть не заплакавъ, — созрѣетъ, созрѣетъ! Передъ вечеромъ солнце доходитъ, я самъ видѣлъ! Я, я, вѣдь, знаю . . .

Маринка ничего не отвѣтила. Смѣяться ей ужъ больше не хотѣлось; она взяла Скурипина на руки, погладила его по головѣ и дунула ему за ухо. Ной хотѣлъ ей что-то сказать, но въ эту минуту раздался во дворѣ со стороны дома визгливый женскій голосъ:

— Ной, Ной!

Ной вскочилъ и исчезъ.

IV.

Съ этого утра дѣти подружились. Когда Скурипинчихи не было во дворѣ, они тайкомъ сходились у круглаго глазка въ заборѣ и дѣлились другъ съ другомъ всѣми своими секретами. Ной говорилъ много, горячо, съ увлеченіемъ, пересыпая свою рѣчь божбой. Щеки его пылали, глаза блестѣли, теплое дыханіе его рта обдавало рѣсницы прильнувшаго къ дыркѣ глаза Маринки. Онъ разсказывалъ о деревнѣ, откуда они выѣхали, объ

оставленныхъ тамъ товарищахъ. о маленькихъ хорошенькихъ щенкахъ, которые у него тамъ были.

— Ахъ, ахъ, ахъ, — онъ зажмуривалъ глаза, захлебываясь отъ восторга, — такіе малюсенькіе, такіе хорошенькіе! . .

Разсказывалъ онъ также о какомъ-то лѣсѣ. — Большой, большой лѣсъ, какъ весь міръ, ей-Богу! А деревья тамъ высокія — превысокія, взглянуть страшно! Онъ самъ ѣхалъ этимъ лѣсомъ, ей-Богу! Когда они переселялись изъ деревни, онъ проѣзжалъ его. Они ѣхали, ѣхали, ѣхали, а лѣсу все конца не было. Когда они выѣхали оттуда, онъ не знаетъ: онъ задремалъ въ телѣгѣ на подушкахъ, а когда проснулся и увидѣлъ, что лѣса нѣтъ, онъ заплакалъ, ей-Богу, онъ такъ плакалъ! Ихъ корова Минця тоже плакала; она шла на привязи за телѣгой и все время оборачивала голову и жалобно мычала: жалко ей было оставленнаго въ деревнѣ теленка. Ахъ, какой это былъ красивый теленокъ! Бурый, съ бѣлой отмѣтиной на лбу. По цѣлымъ днямъ онъ скакалъ: гопъ-гопъ-гопъ. Его продали Петру за восемь злотовъ, ей-Богу! А жеребенка купилъ Кузьма; жеребенокъ тоже хорошо скакалъ, но онъ былъ гнѣдой и брыкливый. Въ деревнѣ у нихъ было много коровъ и лошадей; теперь у нихъ только одна корова, вотъ эта самая Минця, и одна лошадка «Шмаргозъ». Вотъ она стоитъ въ конюшнѣ. А у Маринки нѣтъ Шмаргоза!

Маринка, въ свою очередь, разсказывала Ною о работѣ въ огородѣ и на полѣ, объ урожаѣ плодовъ, о своихъ ночевкахъ въ саду въ темныя ночи. — Она одна ночуетъ тамъ въ шалашѣ, и она такъ боится, такъ боится. Всю ночь по дорожкамъ сада ходитъ «невидимка» и чего-то ищетъ межъ деревьевъ; бродитъ онъ потихоньку взадъ и впередъ по всѣмъ закоулкамъ сада; Скурипинъ и тотъ пугается: онъ лежитъ на вязанкѣ соломы и дрожитъ, жмуритъ глаза и притворяется, что ничего не слышитъ . . .

Про это Маринка разсказывала, понижая голосъ, какъ бы сообщая большую тайну, и шопотъ ея былъ полонъ скрытаго трепета, который передавался и Ною и охлаждалъ на время его горячую кровь . . .

Въ одну изъ бесѣдъ Ной спросилъ Маринку, гдѣ ея мама.

— Не знаю, — отвѣтила она тихо.

— А папа?

Маринка молчала.

— Онъ умеръ? Ты — сирота?

— Нѣтъ у меня папы, — сказала Маринка, опустивъ голову.

Ной почувствовалъ къ ней сильную жалость и въ послѣдующіе дни сталъ дѣлиться съ ней всѣми сластями, получаемыми имъ отъ матери. Когда въ саду созрѣвали фрукты, дѣти обмѣнивались лакомствами: Ной перебрасывалъ Маринкѣ черезъ заборъ ломоть субботняго пшеничнаго хлѣба, крошилъ гусиную печенку и сыпалъ ей черезъ дыру, а она кидала ему спѣлое яблоко, грушу. Много разъ хотѣлось ему пробраться къ ней во дворъ, но это не удавалось: дворъ былъ наглухо запертъ. Однажды, когда Ной разговорился о лошадяхъ, Маринка тихо, по своему обыкновенію, сообщила ему, что и у тетки въ конюшнѣ стоитъ лошадка — «Малышъ». Тетка возитъ на немъ въ городъ фрукты.

Ной заволновался.

— Взаправду? Малышъ? Мариночка, я тебя прошу, покажи мнѣ Малыша, пусти меня въ конюшню!

— Нѣтъ, нѣтъ, — встревожилась Маринка, — нельзя!

— Да, да, да, — настаивалъ Ной, — можно!

И съ этими словами онъ сталъ карабкаться на заборъ.

Маринка всполошилась, вскочила съ земли и умоляюще протянула ручки:

— Слѣзай, Ной, слѣзай! — тетя убьетъ меня, ой, слѣзай! Ной слѣзъ. «Чего она такъ боится своей тетки?»

— думалъ Ной, отъ души жалѣя Маринку и злясь на старую «вѣдьму», — «и какимъ образомъ она къ ней попала?»

Чувство жалости особенно овладѣвало Ноемъ по субботамъ и въ дни еврейскихъ праздниковъ, когда онъ, нарядный, сытый, веселый и довольный, выходилъ во дворъ, а Маринка по ту сторону забора сидѣла или стояла за своей работой совсѣмъ, какъ вчера, какъ третьяго дня: лицо, платье — все оставалось будничнымъ. Никогда она не казалась ему столь несчастной и обиженной! «И почему она не еврейка?» — огорчался Ной. Улучивъ минуту, когда тетки ея не было видно, онъ поспѣшно перебрасывалъ черезъ заборъ кой-какія субботнія лакомства: кусокъ пирога, пряникъ, нарочно припрятанные для Маринки.

Однажды, когда Ной вошелъ въ закоулокъ, до его слуха донеслись глухіе вопли, прерывистый, сдавленный крикъ. Онъ посмотрѣлъ сквозь дырку въ сосѣдній дворъ — никого. Крики неслись изъ дома; то былъ голосъ Маринки. «Тетка бьетъ ее» — догадался Ной и сталъ прислушиваться. Вопли, хоть и приглушенные, леденили кровь. Ной чувствовалъ, что Маринка надрывается, кричитъ изъ послѣднихъ силъ. Отъ боли у него искривилось лицо, и онъ сталъ яростно бить своимъ кулачкомъ по забору: бьетъ и плачетъ, бьетъ и скрежещетъ зубами.

— Ой, ой, оставь ее, оставь, оставь!

Его стукъ не произвелъ никакого впечатлѣнія, такъ какъ ревъ не прекращался, но зато Ноя услыхала его мать, Ципа-Лія, и поспѣшила къ нему. Съ трудомъ оторвала она его отъ забора. Лицо его было блѣдно, и весь онъ дрожалъ отъ бѣшенства. «Ой, ой» — кричалъ онъ, топая ножками, — «она убьетъ ее!». Ципа-Лія, ругаясь, потащила его въ домъ.

— Тьфу, тьфу, — отплевывалась она, утирая передникомъ Ною носъ, — ребенокъ отъ бездѣлья съ ума схо-

дитъ. Смотрите, добрые люди, старая вѣдьма бьетъ свою дѣвчонку, а онъ колотитъ въ заборъ и реветъ. Слыхали ли вы что-нибудь подобное?! Ребенокъ весь посинѣлъ!

Въ эту ночь Ной не могъ уснуть. Лежитъ онъ въ постели, а сердце его — за заборомъ. Этотъ ужасный крикъ все отдается у него въ ушахъ и сверлитъ ему мозгъ. Крикъ раздается не снаружи, а въ немъ самомъ, все въ немъ кричитъ. Ной приподнялся и приложилъ ухо къ стѣнѣ, обращенной къ забору. Стѣна кричала, громко кричала. «Что съ ней дѣлаетъ эта вѣдьма?» — горѣло у него въ мозгу, — «что она съ ней дѣлаетъ?»

Въ первый же разъ, встрѣтившись съ Маринкой, онъ спросилъ ее объ этомъ. Маринка молча обнажила руку повыше локтя:

— На, смотри....

Рука, опухшая и расцарапанная, была густо усѣяна синяками и кровоподтеками.

— Что это, Маринка?

— Щипки...

У Ноя задрожалъ подбородокъ. Онъ сдѣлалъ движеніе, чтобы взять руку Маринки и погладить ее, но заборъ мѣшалъ.

— Болитъ рука, Мариночка, очень болитъ?

Маринка покачала отрицательно головой.

— Нѣтъ, когда щипаютъ — болитъ, ой, какъ болитъ; теперь — нѣтъ.

— Но за что она мучаетъ тебя? — закричалъ Ной и ударилъ кулакомъ по забору. Маленькій Скурипинъ за заборомъ вздрогнулъ и началъ прыгать и лаять.

— Мариночка, за что она мучаетъ тебя?

— Я — пріемышъ, Ной: ни отца, ни матери, — отвѣтила Маринка и тихо всхлипнула.

«Пріемышъ? Что такое пріемышъ? И почему ее зовутъ байстручкой? Что значитъ: ни отца, ни матери? Умерли? Но она жъ говоритъ, что не знаетъ, гдѣ они».

Однажды онъ собрался съ духомъ и спросилъ свою мать:

— Мама, что значитъ пріемышъ?

Въ это время Ципа-Лія была занята поджариваніемъ блинчиковъ и слушала сына очень разсѣянно.

— А, пріемышъ? — сказала Ципа-Лія, смотря въ печку, вся поглощенная шипѣвшими въ маслѣ блинами, — ...пріемышъ, говоришь ты, пріемышъ... — это, это... ой, горе мнѣ, блины сейчасъ сгорятъ!

И Ципа-Лія выхватила изъ печки сковороду съ блинами.

— Мама, мама, — не отставалъ Ной, — что такое пріемышъ? а, мама?

— Ты не уйдешь отсюда, бездѣльникъ? Ханино-Липа!

Такъ Ной и не узналъ, что значитъ пріемышъ...

V.

Позади двора Ханино-Липы и сада Скурипинчихи, за еврейскимъ околоткомъ, притаился особый тихій мірокъ — огороженная пустынная поляна. Эта поляна со всѣхъ сторонъ замкнута огородами и баштанами. Очутиться на ней можно только пройдя по узкой тропинкѣ межъ плетней и пробравшись черезъ проломъ въ заборѣ. Зимою — она въ безраздѣльномъ владѣніи глубокаго, чистаго снѣга, сугробы котораго доходятъ до половины забора, а лѣтомъ здѣсь привольно и буйно разростается дикая поросль, въ которую изрѣдка заплутаетъ отбившійся теленокъ, заблудшій поросенокъ. Дальній крикъ пѣтуха, голоса людей доходятъ сюда, въ это сонное царство, какъ бы изъ иного міра. Сюда приходятъ лишь опалить свинью или содрать шкуру съ павшей скотины.

Мѣстный тряпичникъ, старый крестьянинъ, молчаливый, немного придурковатый, слывущій колдуномъ, цѣлыми часами простаиваетъ здѣсь одинъ-одинешенекъ со своей палкой и мѣшкомъ, роясь въ мусорѣ и шевеля потрескавшимися губами. Въ густой травѣ, въ скрытыхъ заросшихъ ямахъ, вперемежку съ высохшими черепами, бѣлѣющимися костями и бычачьими рогами, лежатъ во мракѣ массивные выкорчеванные пни. Кое-гдѣ выступаютъ изъ травы, подобно древнимъ надгробнымъ памятникамъ, круглые широкіе обрубки, остатки росшихъ здѣсь деревьевъ. Когда-то, передаютъ, на мѣстѣ этой поляны шумѣла густая тѣнистая роща; теперь здѣсь царитъ тишина, тишина кладбища. Изъ всего былого богатства осталось только два дерева: могучій вѣковой дубъ, стоящій посрединѣ поляны и гордо высящійся надъ крышами домовъ всей слободы, и низенькая полузасохшая груша. Есть тамъ еще и старая липа, но она растетъ за оградой у самаго пролома и, наклоняя къ полянѣ свою густую раскидистую вершину, какъ-будто смотритъ все время на своего старшаго товарища.

Ной, освоившись съ окрестностями слободы, хаживалъ на эту поляну рвать лѣсныя груши, искать птичьи гнѣзда. Всякій разъ, когда онъ попадалъ сюда, его охватывала какая-то сладкая жуть одиночества. Онъ не бѣжалъ туда, но входилъ постепенно, крадучись: сначала просовывалъ голову, озирался по сторонамъ, заносилъ одну ногу, потомъ другую, осторожно, безшумно — тсс! Малѣйшій шорохъ, прыжокъ спугнутаго кролика заставляли его сердце сжиматься отъ какого-то скрытаго сладостнаго страха. Онъ самъ не могъ бы объяснить себѣ причины этой боязни, но стоило ему просунуть въ заборъ голову, какъ страхъ овладѣвалъ имъ. Была въ этой полянѣ какая-то невѣдомая сила, пугающая и, вмѣстѣ съ тѣмъ, притягивающая, — таинственная живая душа, влекущая къ себѣ.

Въ одинъ изъ жаркихъ іюльскихъ дней Ной забрался на поляну. Солнце немилосердно жгло. Ной взлѣзъ на дерево. Вотъ ужъ нѣсколько дней, какъ онъ не находитъ Маринки у забора, — она сторожитъ въ саду созрѣвшіе фрукты,— и Ной тоскуетъ по ней. Съ дерева ему виденъ, какъ на ладони, весь садъ Скурипинчихи. Однимъ угломъ садъ примыкаетъ къ оградѣ поляны, и нѣсколько досокъ забора у нихъ общія. Деревья въ саду обременены плодами: бѣлѣютъ яблоки, желтѣютъ груши, — но какъ они далеки! Не увидитъ ли онъ Маринку? Но она не показывается. Ной слѣзъ и подошелъ къ углу. Взлѣзть на заборъ невозможно: доски высоки и заострены. «Ахъ, если бы образовалось отверстіе въ заборѣ» — блеснула у него счастливая мысль — «тогда можно было бы безпрепятственно видаться съ Маринкой». И онъ сталъ рыть землю подъ заборомъ. Спустя четверть часа образовалась небольшая ямка, въ которую свободно входилъ кулакъ. Ной просунулъ руку — ай! ожегся о крапиву. Внезапно въ ямкѣ показалась собачья морда — Скурипинъ! Собака начала ворчать и обнюхивать землю, протиснула съ трудомъ лапы и носъ и, царапая и роя когтями, изо всей силы, расширяла отверстіе. Потомъ стала тихо и жалобно выть, какъ бы призывая на помощь. Сейчасъ же межъ деревьевъ показалась Маринка. Собака побѣжала ей навстрѣчу и потянула ее къ ямкѣ.

— Маринка! — воскликнулъ радостно Ной.

— Ной! — испугалась Маринка и остановилась. — Что ты тутъ дѣлаешь?

— Мариночка, прошу тебя...

— Уйди отсюда, сейчасъ же, — перебила его Маринка тревожнымъ шопотомъ. — Тетя въ саду. Уйди! Приходи завтра утромъ... Скурипинъ!

И Маринка, свистнувъ собакѣ, исчезла вмѣстѣ съ ней между деревьями.

Ной вернулся домой сильно раздосадованный. Всю ночь онъ ломалъ себѣ голову, какимъ образомъ разрушить преграду между нимъ и Маринкой. Раннимъ утромъ Ной всталъ, вытащилъ изъ-подъ кровати отца топорикъ, спряталъ подъ полу и улизнулъ изъ дому. Во дворѣ онъ наткнулся на Ханино-Липу, поившаго у колодца своего коня. Отецъ подозрительно покосился на него и встрѣтилъ его «отцовскимъ привѣтствіемъ»:

— Куда тебя несетъ спозаранку, сокровище мое?

Ной буркнулъ ему въ отвѣтъ что-то невнятное и исчезъ. Ною некогда, — во весь опоръ несется онъ къ полянѣ. Когда онъ прибѣжалъ туда, поляна была залита яркимъ свѣтомъ, а высокая трава у забора около ямки была еще влажна и блестѣла изумрудной росой. Ной исчезъ въ травѣ и сейчасъ-же принялся за работу: просунулъ топоръ подъ доску въ томъ мѣстѣ, гдѣ она была прибита гвоздемъ къ нижней жерди, и навалился всѣмъ туловищемъ на рукоятку. Доска нѣсколько поддалась и обнажила часть почернѣвшаго гвоздя. Между досками образовалась щель, въ палецъ шириной. За деревьями послышался шорохъ, и показалась Маринка со своей собакой. Ной напрягъ всѣ свои силенки — разъ, два, три — крррахъ! — нижній гвоздь выскочилъ, и доска осталась висѣть на одномъ верхнемъ гвоздѣ. Ной отодвинулъ доску въ сторону. Въ его разгоряченное лицо пахнуло прохладой.

У отверстія стояла Маринка со Скурипиномъ.

— Выходи, — сказалъ ей Ной, придерживая рукой сдвинутую въ сторону доску.

Маринка, а за ней собака, пролѣзли въ отверстіе и вышли на поляну. Солнце миріадами яркихъ лучей ударило ей въ лицо и ослѣпило ее. Отъ яркаго свѣта и простора у нея на мигъ закружилась голова. Трава, кусты — все вокругъ нея было залито свѣтомъ. Она заслони-

лась отъ солнца рукой, и благодарная улыбка заиграла на ея лицѣ.

— Хорошо, Мариночка, хорошо? — спросилъ Ной, держа ее за руки и блаженно заглядывая ей въ глаза.

— Очень хорошо, Ной, очень, — отвѣтила она, широко улыбаясь и сіяя отъ восторга.

— Впустишь меня въ садъ, Мариночка?

— Впущу, Ной, впущу...

— А яблокъ дашь мнѣ?

— Сколько захочешь.

— А грушъ, сливъ?

— Всего дамъ, всего...

Но Ной ужъ не слушалъ ея: внѣ себя отъ радости и избытка нахлынувшихъ силъ онъ бросился на траву, заходилъ на рукахъ, сталъ кувыркаться. Слѣдомъ за нимъ стала бѣгать, валяться, скакать и собака. Внезапно Ной провалился. Спустя мгновенье изъ земли послышался какой-то странный пискъ. Скурипинъ повернулъ голову къ Маринкѣ и остановился въ недоумѣніи, какъ бы спрашивая глазами: «въ чемъ тутъ дѣло?»

— Ной! — вскрикнула Маринка слегка испуганнымъ голосомъ.

— Ха-ха-ха, — выросъ Ной, вылѣзая со смѣхомъ изъ ямы, куда онъ попалъ, катаясь. — Неправда ли, я хорошо пищалъ, а? Посмотри — яма.

И Ной бѣжалъ, таща за собой Маринку съ собакой, и показывалъ ей ямы, скрытыя разросшимся бурьяномъ, спутанными сорными травами. Изъ нихъ слышалось шуршаніе и ползаніе какихъ-то невидимыхъ существъ; въ одной изъ ямъ промелькнула и сейчасъ же пропала ящерица. Скурипинъ вдругъ отдѣлился отъ компаніи и сталъ гоняться за кроликомъ.

— Кусай, кусай, кусай! — науськивалъ его Ной и побѣжалъ за нимъ. Кроликъ въ нѣсколько прыжковъ достигъ забора и исчезъ.

— Пропало! — махнулъ Ной рукой, упавъ въ изнеможеніи на землю, — въ кустахъ спрятался. Тутъ ихъ страсть какъ много. И ежи, и кроты водятся здѣсь, тутъ даже змѣи есть...

— Змѣи? — испугалась Маринка.

— Подумаешь, важность какая! Я ихъ ни капельки не боюсь! У насъ въ деревнѣ было много змѣй; онѣ жили въ нашемъ подпольѣ; были большія, маленькія и совсѣмъ малюсенькія, попадались такія красивыя! Папа убивалъ ихъ топоромъ.

— Грѣшно убивать змѣй!—сказала Маринка боязливо.

— Глупая, грѣшно? Убивать ихъ — доброе дѣло. Битыя змѣи кучами лежали у насъ во дворѣ. Я ихъ вѣшалъ на заборѣ, какъ колбасу, ей-Богу. Маринка, — спохватился Ной, вскочивъ на ноги, — а въ садъ когда?

— Ступай за мной! — кивнула ему Маринка. — Скурипинъ!

Скурипинъ, обнюхивавшій траву, выскочилъ и побѣжалъ за Ноемъ и Маринкой въ садъ. У забора на землѣ лежалъ забытый топорикъ; Маринка отодвинула доску въ сторону.

— Войди! . .

Садъ поглотилъ всѣхъ троихъ. Ной рыскалъ по травѣ между кустами и деревьями. Надъ его головой, какъ хрустальные колокольчики, звенѣло радостное утреннее чириканье птичекъ. Онъ бѣгалъ, а круглые блики свѣта, проворные и легкіе, какъ золотые зайчики, прыгали по его лицу, по головѣ, платью. Онъ чувствовалъ на щекахъ ихъ теплое и нѣжное щекотанье. Собака вертѣлась тутъ же; и казалось, будто запуталась она въ сѣтяхъ, сплетенныхъ изъ свѣта и тѣни. Низко склоненныя подъ тяжестью большихъ яблокъ вѣтви задѣвали Ноя по головѣ и то и дѣло сбрасывали съ него шапку. Яблоки, яблоки, яблоки! Яблоки — вверху, яблоки — внизу, на землѣ, на травѣ, у шалаша, на соломенной под-

стилкѣ. Съ верхушекъ вишневыхъ деревьевъ украдкой и хитро глядѣли, какъ чьи-то глаза, отдѣльныя черныя-черныя оставленныя вишни; а на низкихъ кустахъ изъподъ зеленаго листа краснѣла одинокая шелковистая ягодка малины.

Ной какъ съ цѣпи сорвался. Новизна мѣста, ароматъ плодовъ, щебетанье птицъ — все это ударило въ голову и пьянило его. Онъ бѣгалъ отъ одного дерева къ другому, срывалъ и ѣлъ, срывалъ и бросалъ, пряталъ въ карманъ, топталъ... Маринка не мѣшала; наоборотъ, она еще помогала ему выбрать самые отборные и спѣлые плоды, указывала лучшіе сорта и набивала ему карманы.

Когда, наконецъ, Ной, весь разгоряченный, пыхтя и сопя, усталый, но счастливый, съ карманами, полными яблокъ, грушъ и сливъ, возвращался домой, онъ въ воротахъ снова наткнулся на отца. Къ счастью, тотъ его не замѣтилъ: вмѣстѣ съ какимъ-то мужикомъ, онъ помогалъ лошадямъ сдвинуть съ мѣста тяжелую телѣгу, нагруженную бревнами; Ной благополучно проскользнулъ въ домъ, незамѣтно сунулъ топорикъ на мѣсто, а яблоки, груши и сливы спряталъ на сѣновалѣ надъ конюшней, зарывъ ихъ до поры, до времени въ сѣно.

Съ того времени поляна и садъ стали излюбленнымъ мѣстомъ свиданій Ноя и Маринки. Они пользовались каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы сойтись тамъ; ложились въ тѣни деревьевъ, бросались въ высокую траву, рѣзвились. Все это продѣлывалось тайкомъ, потому что какъ разъ тогда между сосѣдями пошли большіе нелады и ссоры. Скурипинъ, постоянный ихъ спутникъ, не протестовалъ и не выдавалъ ихъ. Маринка приказывала ему молчать, и онъ молчалъ. Съ теченіемъ времени онъ даже привязался къ Ною, встрѣчалъ его радостными прыжками, вилялъ хвостомъ, смотрѣлъ ему въ руки, такъ какъ Ной всегда что-нибудь приносилъ съ собой для Маринки и для Скурипина.

Однажды Маринка, не безъ колебаній и съ большими предосторожностями, впустила Ноя къ себѣ во дворъ. Въ первую минуту Ной почувствовалъ себя перенесеннымъ въ иную среду. Скоро, однако, онъ оправился и побѣжалъ къ конюшнѣ посмотрѣть на «Малыша». Къ его огорченію, конюшня оказалась запертой, и онъ могъ только заглянуть въ щелку. Острый запахъ теплаго навоза ударилъ ему въ носъ; когда глаза его нѣсколько освоились съ полумракомъ конюшни, онъ увидѣлъ маштачка, стоящаго у яслей, — и не могъ оторваться.

— Ми-и-ленькій мой! — тянулъ Ной умиленнымъ и растроганнымъ голосомъ, не спуская глазъ съ лошадки. Потомъ, потихоньку, на цыпочкахъ онъ отошелъ отъ конюшни къ забору и черезъ узкую щель заглянулъ во дворъ отца. Ему показалось дикимъ, что онъ стоитъ здѣсь, во дворѣ крестьянки, и смотритъ въ отцовскій дворъ. Если бы папа и мама узнали объ этомъ! Дворъ и все находящееся въ немъ кажется ему отсюда, черезъ щель, совершенно иными. Другое освѣщеніе, другое расположеніе — все шиворотъ на выворотъ. Вотъ и самъ папа! — Хи-хи-хи, — Ной втянулъ голову въ плечи и тихо захихикалъ про себя. — Папа стоитъ между ярусами бревенъ и ничего не знаетъ! Захочу — состроюгримасу, покажу ему языкъ . . . Куку!

Ханино-Липа обернулся въ недоумѣніи, а Ной испуганно отодвинулся въ сторону и, осторожно ступая, пошелъ къ дому Скурипинчихи. Заслонившись ладонями отъ свѣта, онъ прильнулъ къ стеклу окна. Внутри было тихо: большая кровать съ многочисленными перинами и подушками, горой подымавшимися къ потолку, массивный, обитый жестью и окованный желѣзомъ сундукъ, съ большимъ висячимъ замкомъ; бѣлыя деревянныя скамьи и столъ; иконы въ красномъ углу. Ной обернулся и сталъ глазами искать Маринку. Она сидѣла, по своему

обыкновенію, на завалинкѣ, а у ея ногъ лежалъ Скурипинъ.

— Маринка, ты ходишь въ церковь? — тихо спросилъ Ной. Она покачала отрицательно головой.

— Почему?

— Я сторожу дворъ.

— А гдѣ ты спишь зимой?

— Дома.

— Съ нею на кровати?

— На полу.

Ной подошелъ, сѣлъ на траву рядомъ съ собакой у босыхъ ногъ Маринки и поднялъ на нее глаза, полные участья и жалости. Онъ хотѣлъ спросить ее о чемъ-то, но удержался.

У Маринки въ глазахъ стояли слезы.

— Чего ты плачешь, Мариночка: тетя бьетъ? ѣсть не даетъ?

Плечи Маринки задрожали отъ сдерживаемыхъ рыданій, изъ глазъ брызнули слезы.

— Не надо, Мариночка, — утѣшалъ ее Ной, положивъ руки на ея колѣни, — не плачь . . . Я буду приходить къ тебѣ каждый день, ей Богу!

Ной сдержалъ свое слово. Онъ приходилъ каждый день и приносилъ Маринкѣ часть своего обѣда. По цѣлымъ часамъ по всему околотку раздавался визгливый голосъ Ципы-Ліи: «Ной! Но-ой!», а Ной и въ усъ себѣ не дулъ: въ эти часы онъ сидѣлъ съ Маринкой въ какомъ-нибудь только имъ вѣдомомъ укромномъ уголкѣ. Но, въ концѣ концовъ, дѣло открылось, и между сосѣдями вспыхнула крупная ссора. Ципа-Лія была внѣ себя: — Несчастная! я вижу, ребенокъ на глазахъ таетъ, какъ свѣчка. Что за причина? Изъ-за негоднаго пріемыша этой старой вѣдьмы; — чтобъ ей ни дна, ни по-

крышки! Все, что даютъ ребенку, съѣдаетъ эта байстручка, — чтобъ ее ужъ волки съѣли! Ханино-Липа взялся было за свой поясъ и хотѣлъ отодрать Ноя, какъ слѣдуетъ, но Ципа-Лія его отстояла. А Скурипинчиха поволокла Маринку въ домъ; что она тамъ съ ней дѣлала, этого никто не видалъ, — слышенъ былъ только глухой, прерывистый, щемящій душу плачъ. Ной, лежа на своей постели, до самой полуночи прислушивался къ этимъ звукамъ и чуть съ ума не сошелъ.

На короткое время парочка разсталась. Скурипинчиха усилила свои строгости, и Маринка оставалась одна взаперти. Ной пересталъ бывать на полянѣ: Ципа-Лія теперь слѣдила за нимъ и не отпускала его ни на шагъ. Дырка въ заборѣ также была забита: между домомъ и заборомъ, тамъ гдѣ былъ огородъ Ноя, навалили жердей, заполнившихъ весь закоулокъ. Ной сердился, бунтовалъ и отравлялъ существованіе родителямъ; никто не могъ догадаться, что съ нимъ.

— Мой огородъ, огородъ, — кричалъ Ной, топая ногами, — зачѣмъ вы его с г у б и л и ? !

Ханино-Липа тоже топалъ ногами и хватался за ремешокъ.

— Замолчишь ты, чортово отродье!? Я тебя, какъ говядину, сдѣлаю! Слыхали вы подобное? Тоже огородникъ выискался!

Настала осень; пошли дожди, потомъ снѣгъ. Скурипинчиха сидѣла безвыходно дома и Маринка не могла уйти со двора; сердитые глаза старухи и страхъ передъ ней точно держали ее на привязи. Въ присутствіи тетки она даже не рѣшалась подойти къ забору, и когда порой до нея долеталъ сквозь щель тихій призывъ Ноя, она притворялась неслышащей.

На дворѣ Ханино-Липы ярусы дровъ все росли да росли. По цѣлымъ днямъ только и слышно было — тррахъ-

трахъ сваливаемыхъ бревенъ. Стѣна между сосѣдями все росла. Проходъ на поляну черезъ садъ тоже сталъ невозможенъ: поляна, какъ всегда, покрылась до половины забора высокимъ непролазнымъ снѣгомъ. Настоящее бѣлое море!

Съ наступленіемъ весны Ной поступилъ въ хедеръ, и у него явились новые интересы. Проходили дни, недѣли, а Ной не показывался. Маринка ждала его въ саду, искала на полянѣ, а его все не было!

«Гдѣ Ной? Почему онъ не приходитъ?» — спрашивала себя Маринка.

Снова настало лѣто. Скурипинчиха опять начала уходить раннимъ утромъ на баштанъ и возвращаться позднимъ вечеромъ.

Маринка одиноко и тоскливо сидитъ на завалинкѣ, держитъ на колѣняхъ Скурипина, смотритъ ему въ глаза и молчитъ.

Когда она подымаетъ глаза на окружающіе ее высокіе заборы, ей кажется, что не они стали выше, а о н а ушла въ землю . . .

А иногда, когда она такъ сидитъ, и все вокругъ нея погружено въ лѣтнее безмолвіе, внезапно со стороны сосѣдскаго двора раздается визгливый женскій голосъ: «Ной, Но-ой!» Маринка вздрагиваетъ и бросается къ забору; въ тысячный разъ она пытается найти хоть какую-нибудь щель. Скурипинъ сочувствуетъ ей и помогаетъ искать: онъ забѣгаетъ впередъ, упирается передними лапами въ заборъ, скребетъ его когтями и обнюхиваетъ . . . Но заборъ непроницаемъ, и Маринка медленно и молча возвращается къ завалинкѣ, беретъ Скурипина на колѣни, смотритъ ему въ глаза и вдругъ со всей силой прижимаетъ его къ груди, прижимаетъ и вся дрожитъ. Скурипинъ, гдѣ Ной? . . .

VI.

Каждый день Ноя силкомъ тащатъ въ хедеръ — по доброй волѣ онъ не идетъ. Мать наготовляетъ ему на завтракъ въ хедерѣ изысканныя лакомства: гусиные пупки, шкварки, варенье, но ничего не помогаетъ, — онъ все упирается. Ципа-Лія плачетъ, Ханино-Липа хватается за ремешокъ, — а Ной твердитъ одно: «не хочу да не хочу». Онъ убѣжалъ изъ одного хедера, изъ другого, — что дѣлать съ такимъ лодыремъ? Порядочный уже оболтусъ — и еще ни аза въ глаза не знаетъ. Тянетъ его только къ собакамъ, лошадямъ, садамъ и огородамъ. По цѣлымъ днямъ что-то сѣетъ, сажаетъ. Слыхали вы подобное? Наконецъ, рѣшились и отдали его меламеду Рувину-Гершу. Это былъ высокій, худощавый еврей, съ жидкими, наполовину вылѣзшими усами и большимъ выдающимся кадыкомъ, на словахъ мягко стелющій, но пьяница, любившій щекотать своихъ учениковъ до полусмерти.

— Рувинъ-Гершъ, — говорили сосѣди, — пріохотитъ его къ ученію, еще какъ пріохотитъ!

Сначала, дѣйствительно, все шло ладно. Каждый день, сейчасъ же послѣ утренней молитвы, Рувинъ-Гершъ щелкалъ себя по кадыку и, хитро прищуривъ глазъ на стоящій въ углу шкапчикъ, подмигивалъ ученикамъ на бутылку... Послѣ того, какъ онъ пропускалъ одну за другой три рюмки, онъ начиналъ щекотать своихъ учениковъ. Щекоталъ онъ ихъ до слезъ, до изнеможенія, до корчъ; пяти минутъ не проходило, какъ у стола не оставалось ни одного ученика: кто лежалъ подъ столомъ, кто — подъ скамьей, кто — подъ кроватью, попадали и за лохань съ помоями, даже въ подпечье.

— Щекотка, — говорилъ Рувинъ-Гершъ, ехидно щуря свой маленькій лѣвый глазъ, — она, того, очень пользительна для занятій...

Но когда доходило до занятій, вся философія Рувина-Герша оказывалась несостоятельной. Никоимъ образомъ Рувинъ-Гершъ не могъ заставить Ноя научиться чему-нибудь. Въ теченіе двухъ лѣтъ, которые Ной провелъ у Рувина-Герша, онъ не менѣе десяти разъ убѣгалъ изъ хедера, а разъ, когда Рувинъ-Гершъ послѣ продолжительнаго щекотанья хотѣлъ выпороть его, мальчикъ лягнулъ учителя ногой въ животъ и убѣжалъ. Въ продолженіе сутокъ Ной не возвращался ни домой, ни въ хедеръ. Рувинъ-Гершъ и его ученики обыскали всѣ закоулки слободы, пустились было и за предѣлы ея по направленію къ деревнѣ, но наткнувшись на собакъ, вернулись обратно. Ципа-Лія чуть съ ума не сошла. Какъ разсвирѣпѣвшая тигрица, она ворвалась съ кочергой въ рукахъ въ хедеръ Рувина-Герша. Сосѣди повыскакали изъ домовъ и облѣпили окна хедера.

— Гдѣ этотъ пьяница? — вопила она, размахивая кочергой подъ самымъ носомъ у Рувина-Герша, сидѣвшаго въ ермолкѣ среди своихъ учениковъ съ выпученными отъ ужаса глазами, — гдѣ онъ, этотъ убійца моего сына? Пустите меня, добрые люди, пустите, я убью его!

У учениковъ душа ушла въ пятки, а ихъ наставникъ, издавая какіе-то невнятные звуки, испуганно вскочилъ съ мѣста; языкъ его прилипъ къ гортани, ноги, какъ свинцомъ, налились, кочерга носилась передъ его глазами, и онъ, дрожа и трепеща, сталъ пятиться, тщетно ища выхода. Но внезапно меламедъ осмѣлѣлъ, отчаянно храбрымъ прыжкомъ перемахнулъ черезъ окошко во дворъ и спрятался въ укромномъ мѣстѣ, обычномъ его убѣжищѣ въ минуты большой опасности. Ученики ликовали. Каждыя пять минутъ кто-нибудь изъ нихъ отправлялся навѣстить своего учителя, дрожащаго въ своемъ убѣжищѣ. Каждому хотѣлось видѣть его въ этой обстановкѣ.

— Можно уже выйти? — освѣдомлялся Рувинъ-Гершъ.

— Упаси Боже! Опасно! сидите, господинъ учитель, сидите!

Весь день Ципа-Лія съ нѣсколькими помогавшими ей добровольцами бѣгала по слободѣ и искала сына; подъ-вечеръ къ ней присоединился и Ханино-Липа. Искали въ огородахъ и на полянахъ, обшарили всѣ ямы и канавы, взбудоражили всѣхъ дворовыхъ собакъ, — все понапрасну. И только въ полночь они наткнулись на Ноя, спящаго гдѣ-то въ переулкѣ подъ заборомъ, съ зажатымъ въ рукѣ, огромнымъ, наполовину съѣденнымъ огурцомъ . . .

Послѣ этого происшествія Ципа-Лія тщетно старалась устроить своего сына у какого-нибудь меламеда; всѣ они отказывались принять его: «Никакъ невозможно, Ципа-Лія; посреди учебнаго года нельзя, это не по-товарищески. Въ началѣ года — другое дѣло. Послѣ будущихъ «кущей», если, Богъ дастъ, доживемъ...»

Очень ужъ напугала меламедовъ ея кочерга! Ной не особенно безпокоился. Въ это время онъ былъ занятъ разведеніемъ голубей и этому отдавалъ все свое время и вниманіе. Макарка, его пріятель изъ сосѣдней деревни, добылъ ему голубей, и Ной строилъ для нихъ голубятню. Макарка ему достанетъ и собаку, — онъ ему это положительно обѣщалъ. И Ной уже высмотрѣлъ себѣ щенка у Серафима, отца Макарки . . .

Кромѣ голубей и собакъ, есть у Ноя на свѣтѣ еще одно — Маринка. Но съ тѣхъ поръ, какъ Ной сталъ ходить въ хедеръ, онъ запряталъ это «одно» глубоко въ тайникъ сердца. Знаетъ онъ, что Маринка теперь часто пасетъ на полянѣ свиней, и именно потому, что онъ это знаетъ, онъ туда не заходитъ. По цѣлымъ днямъ онъ бѣгаетъ по всему околотку, а на поляну не заглядываетъ. Боится онъ, стыдится . . . Кого или чего — Ной и самъ бы не сказалъ. Каждый разъ, когда Ною случается про-

ходить мимо поляны, ему какъ-то не по себѣ, и онъ озирается по сторонамъ. Кажется ему, что изъ каждой дырочки и щелки смотритъ на него единственный глазъ бывшаго его закадычнаго друга, теперешняго смертельнаго врага — Нотки Камбалы. У этого кривого — чтобъ его черти забрали вмѣстѣ съ отцомъ ворюгой! — одинъ только зрячій глазъ, но зато онъ проникаетъ насквозь, и за семью стѣнами отъ него не укроешься. Вѣчно этотъ глазъ сторожитъ тебя, и спина всегда чувствуетъ на себѣ его взглядъ. Быть можетъ, Нотка уже кое-что пронюхалъ о Маринкѣ и полянѣ. Ой-ой, куда онъ тогда дѣнется отъ стыда!

Поляна, между тѣмъ, все сильнѣй и сильнѣй манила къ себѣ Ноя. Однажды, когда Ною совершенно некуда было дѣться отъ бездѣлья, онъ не могъ удержаться и прокрался туда. Очутившись на полянѣ, онъ сейчасъ же заложилъ входъ валявшейся тамъ доской и съ легкимъ сладостнымъ страхомъ оглянулся вокругъ. Ничего! Поляна та же, что и всегда. Буйно разросшійся бурьянъ и репейникъ млѣютъ, блестя подъ отвѣсными лучами солнца. Изъ моря травы выступаетъ покатая спина большой свиньи; слышно хрюканье поросятъ; свинья жретъ и хрюкаетъ, хрюкаетъ и жретъ. Не Маринкины ли это свиньи? Тсс!.. Трава заволновалась и зашуршала. Рой бѣлыхъ и черныхъ бабочекъ закружился въ воздухѣ. Ной насторожился. Какое-то существо, скрытое травой, приближалось къ нему. Ной ждалъ. Вдругъ прямо на него выскочилъ — Скурипинъ! Собака чуть не одурѣла отъ радости. Она ходила на заднихъ лапахъ, подскакивала, какъ резиновый мячикъ, стараясь лизнуть Ноя въ лицо. — Довольно, довольно! — ласково отстранялъ ее Ной, а у самого сердце такъ и прыгало; онъ притянулъ собаку къ себѣ, взялъ ее за обѣ лапы и заглянулъ ей въ глаза:

— Ну, песикъ, куда?

Собака поняла его, побѣжала впередъ, все время оборачиваясь, пока не добѣжала до дуба. Подъ деревомъ на травѣ лежала и спала Маринка. Тутъ собака остановилась, какъ-бы говоря: «вотъ, мы пришли!» Ной смотрѣлъ на Маринку: лежитъ она, бѣдняжка, одинокая, среди бѣлаго дня на этой пустынной полянѣ, въ травѣ, кулачекъ подъ головой, и глаза закрыты.... Ной нагнулся и слегка коснулся спящей:

— Маринка, Мариночка!

Маринка вздрогнула и открыла глаза:

— Ной! — прошептала она спросонья, и ея тонкія руки потянулись къ нему. Ной зажмурилъ глаза и отдался обхватившимъ его сплетеннымъ рукамъ. Сердце его замерло; онъ чувствовалъ только, что онъ притягивается, притягивается къ землѣ.

И снова высокая трава пустынной поляны укрыла маленькихъ сосѣдей. Правда, за годъ разлуки они значительно выросли, и травѣ ужъ не скрыть ихъ: двѣ головки, одна — черная, другая русая, выглядываютъ изъ нея. Но не бѣда! Какой чудакъ зайдетъ сюда ни съ того, ни съ сего? А кромѣ того, Скурипинъ караулитъ: малѣйшее движеніе, легкій шорохъ, — и онъ настораживаетъ уши. А, въ крайнемъ случаѣ, неподалеку глубокая темная яма, дно которой все усѣяно костями, копытами и лошадиными челюстями. А на краю ямы лежитъ одинокій пузатый арбузъ, вырастающій здѣсь самосѣйкой изъ года въ годъ. А не то, можно забѣжать за холмикъ, поросшій бурьяномъ и репейникомъ, либо за дубъ, за грушу. Укромныхъ мѣстъ довольно, надежнѣе ихъ не сыскать. Заберешься туда, и весь околотокъ, весь міръ для тебя не существуетъ — дѣлай, что душѣ угодно.

Ной опять сталъ частымъ гостемъ поляны. Лѣто было на исходѣ, и пока среди мѣстныхъ меламедовъ все не находилось охотника принять Ноя. Свободнаго времени у него было больше, чѣмъ нужно. Товарищей онъ тоже

какъ-то пересталъ бояться. Въ полдень, когда Маринка выгоняла свиней на поляну, Ной, разгоряченный и уставшій, приходилъ туда послѣ своихъ скитаній по лѣсамъ и полямъ. Онъ сейчасъ же бросался навзничь въ траву или забирался вмѣстѣ съ Маринкой въ какой-нибудь уголокъ поляны. Тамъ они просиживали цѣлыми часами, дѣлясь другъ съ другомъ всѣмъ, что приходило на умъ. Онъ говорилъ, съ горящими глазами, громко, воодушевленно, волнуясь и спѣша, а она отвѣчала ему тихимъ голосомъ, будто повѣряя какія-то тайны, спокойно, нанизывая словечко къ словечку. Темы ихъ бесѣдъ ужъ не тѣ, что до разлуки. Родную деревню съ ея мужиками, о которыхъ Ной когда-то такъ любовно говорилъ, вытѣснилъ русскій поселокъ съ его обитателями, а ласточекъ и жеребятъ — голуби и лошади, настоящія лошади, на которыхъ Ной ѣздитъ верхомъ. — Онъ летитъ, какъ вихрь, настоящій вихрь; такого наѣзднка нѣтъ во всемъ поселкѣ, даже Макаркѣ далеко до него. И безъ сѣдла, ей Богу, безъ сѣдла! Когда онъ садится на коня и скачетъ — берегись! фью!

— А въ школу, — перебиваетъ его шопотомъ Маринка, — ты больше не станешь ходить?

— Въ школу? когда? Развѣ будущей зимой. Теперь меламеды не хотятъ его принять, ей-Богу! И чортъ съ ними! Мама думаетъ, что онъ съ ней станетъ обходить меламедовъ и умолять, чтобъ его приняли. Дудки. Не на таковскаго попали! Онъ не пойдетъ ни за какія коврижки! И безъ того онъ сталъ притчей во языцѣхъ у всѣхъ своихъ бывшихъ товарищей. А кто, она думаетъ, виноватъ въ этомъ? Рувинъ-Гершъ! Этотъ пьяница не даетъ ему проходу. По субботамъ, когда онъ, Ной, съ отцомъ приходитъ въ синагогу, Рувинъ-Гершъ натравливаетъ на него своихъ учениковъ. «Печенка гусиная!», такъ они дразнятъ его. Знаетъ ли она кривого Камбалу? Нѣтъ, не знаетъ? Такого другого под-

леца трудно найти! Каждый разъ, какъ этотъ кривой въ синагогѣ проходитъ мимо него, онъ приводитъ его, Ноя, въ бѣшенство. Онъ ему голову разобьетъ, ей-Богу! Онъ проходитъ мимо съ самымъ невиннымъ видомъ, весь какъ-будто погруженный въ свой молитвенникъ, а на самомъ дѣлѣ, — чтобъ у него второй глазъ вытекъ! — только и думаетъ, какъ бы тебѣ подложить свинью. Пусть онъ только попадется ему въ руки въ переулкѣ, онъ ему вырветъ второй глазъ, ей-Богу! Въ будущую субботу онъ, Ной, ужъ больше не пойдетъ въ синагогу, ни за что! Онъ придетъ сюда, на поляну, искать гнѣзда и рвать груши...

— Въ субботу?

Ной немного смутился. — Нѣтъ, нѣтъ, онъ сказалъ это такъ, къ слову. А впрочемъ, — если въ субботу, такъ что? По секрету, — она жъ никому не разскажетъ, — когда онъ попадаетъ въ субботу въ русскій поселокъ, онъ тамъ все дѣлаетъ, онъ и Макарка...

— А что папа скажетъ?

— Папа? Что ему сдѣлаетъ папа? Онъ ни о чемъ не знаетъ. Онъ, Ной, дѣлаетъ все, что ему вздумается. Завтра, напримѣръ, онъ съ Макаркой пойдутъ войной и на кого, ни за что не догадается? На Рувина-Герша съ его учениками, ей-Богу! Они пойдутъ къ рѣчкѣ купаться, а онъ и Макарка устроятъ засаду и, какъ только тѣ раздѣнутся до-нага, выскочатъ и натравятъ на нихъ собакъ, ха-ха-ха, собакъ... Ой-ой-ой, какой гвалтъ подымется!...

— А ты, Мариночка, — спросилъ внезапно Ной, — не придешь въ поселокъ? Дядя Серафимъ всегда о тебѣ спрашиваетъ. Когда ты подрастешь и станешь работницей, онъ тебя возьметъ къ себѣ. Жалко ему тебя, — говоритъ онъ. Старуха замучитъ тебя до смерти. Мариночка, пойдешь къ Серафиму въ работницы?

Маринка молчала.

— Отчего ты молчишь, Маринка? Ты избавишься отъ тетки и ея колотушекъ, я буду каждый день приходить къ тебѣ въ поселокъ. Хорошо? Скажи правду: хочешь, чтобы я приходилъ къ тебѣ въ поселокъ?

— Тогда посмотримъ, — отвѣчаетъ Маринка, ласково ударяя его по лицу, а глаза ея сіяютъ...

— Ура! — ликуетъ Ной, вскакиваетъ и взбирается на дубъ; онъ хватаетъ вѣтку, трясетъ ее, и дождь жолудей падаетъ на землю. Свиньи съ хрюканьемъ и визгомъ бросаются къ жолудямъ, а Ной лѣзетъ все выше и выше, до самой верхушки. Вся окрестность передъ нимъ, какъ на ладони: съ одной стороны — слободскія крыши, дворы съ ярусами дровъ, базарная площадь, а съ другой — зеленѣющіе баштаны, перерѣзанные заборами, и уходящія въ даль желтѣющія нивы... а тамъ вдали и поселокъ съ бѣленькими мазанками, съ серебряной змѣйкой — рѣчкой, а за рѣчкой роща...

VII.

Настала осень, пошли дождливые пасмурные дни. Поляна опустѣла и приняла непривѣтливый, унылый видъ. Теперь тамъ ступить нельзя: нога скользитъ и увязаетъ въ непролазной грязи. Опавшіе листья догниваютъ, а прибитые дождемъ стебли тянутся по землѣ, какъ мертвые черви. Груша обнажена, и ея черные искривленные сучья кажутся клубкомъ взвившихся, сплетенныхъ змѣй. На высокомъ дубѣ кой-гдѣ, какъ мокрыя тряпки, болтаются уцѣлѣвшіе листья. Маринка получила повышеніе: каждый день она уходитъ въ поле рыть ямы для картофеля, а Ной — Ной попалъ къ новому меламеду.

Маринка снова ушла куда-то въ глубокій тайникъ сердца Ноя — и надолго. Новый меламедъ, къ которому теперь отдали Ноя, былъ человѣкъ спокойный, мирнаго

права и очень снисходительный. Ученики не слушались его и потѣшались надъ своимъ учителемъ, но родителямъ приходилось мириться съ этимъ.

«На безрыбьѣ и ракъ — рыба», говорилъ Ханино-Липа.

Вначалѣ все шло сравнительно благополучно. Недѣля шла за недѣлей, ученики большую часть дня проводили на льду рѣчки, гдѣ устраивали побоища съ учениками другихъ хедеровъ, а учитель исправно получалъ плату съ присовокупленіемъ «праздничныхъ» и аккуратно почивалъ послѣ обѣда. Иногда Ной прокрадывался въ комнату во время его сна и въ присутствіи всѣхъ учениковъ вѣшалъ надъ кроватью учителя, прямо противъ его лица, комокъ снѣга, завернутый въ тряпочку; комокъ медленно таялъ и капалъ на лицо учителя: «капъ, капъ»...., а учитель со сна хлопалъ себя то и дѣло по лицу, отгоняя мнимую муху. Ученики корчились со смѣху, и учитель испуганно вскакивалъ:

— А, а, кто тутъ? что такое? берите книги!...

Во время сезона гусей Ципа-Лія посылала зато учителю гостинецъ: тарелку, полную шкварокъ. Такъ шло дѣло обученія Ноя вплоть до очередной сорокъ восьмой главы книги Бытія. Въ четвергъ вечеромъ, на седьмомъ стихѣ этой главы приключилось несчастье. Вмѣсто того, чтобы перевести: «Ва-ани»... какъ ихъ учили въ продолженіе всей этой недѣли: «И я, Іаковъ»..., Ной неожиданно ляпнулъ: «Ва-ани — И я, Ваня»... Подобная кощунственная ошибка — замѣна святого имени патріарха Іакова именемъ какого-то Вани — вывела изъ себя даже этого снисходительнѣйшаго учителя: «Какъ, какъ?!» — Однимъ словомъ, вопреки своему обыкновенію, онъ замахнулся на Ноя съ намѣреніемъ дать ему оплеуху, но Ной не сталъ ждать и убѣжалъ, предварительно влѣпивъ своему наставнику полновѣсную пошечину.

Онъ убѣжалъ, но прозвище «Ваня» преслѣдовало его весь конецъ этой зимы и начало лѣта. Всѣ мальчишки величали его Ваней. Ной сталъ устраивать засады, внезапныя нападенія на хедерныхъ мальчишекъ, вмѣстѣ съ товарищами изъ русскаго поселка натравливалъ на нихъ собакъ, кидалъ въ нихъ камни. Обѣимъ сторонамъ стало ясно, что безъ рѣшительной битвы не обойтись, и въ одинъ субботній день грянулъ бой. На зеленый выгонъ между слободой и поселкомъ — обычное мѣсто для стачекъ — вышли въ эту субботу предъ вечеромъ съ противоположныхъ сторонъ два отряда: еврейскіе мальчишки подъ предводительствомъ Нотки Камбалы, съ одной стороны, и поселковые парнишки подъ предводительствомъ Вани Ноя и Макарки, съ другой.

Солнце клонилось къ закату. Зеленый выгонъ съ его желтенькими цвѣточками былъ залитъ багровымъ свѣтомъ. Высоко въ воздухѣ надъ городомъ зажегся золотой крестъ. Оба отряда стояли другъ противъ друга въ полной боевой готовности.

Вдругъ воздухъ задрожалъ. Ударили въ большой церковный колоколъ: бумъ-бумъ-бумъ...

— Ура! — послышался громкій крикъ изъ вражескаго стана, и посыпался тяжелый градъ камней.

— Держись, братцы! — кричали изъ еврейскаго лагеря, въ свою очередь осыпая противника камнями. Бой былъ дологъ и упоренъ; дрались съ большимъ остервенѣніемъ. Летѣли камни, свистѣли кнуты, лаяли собаки, разбивались носы, головы. А колоколъ все время: бумъ-бумъ-бумъ... Еврейскій отрядъ не отступалъ; всѣ чувствовали важность этой минуты. Согласно предварительному уговору, большая часть камней металась въ Ноя: «Какъ! еврейскій мальчикъ за одно съ кацапами! Смерть измѣннику!» — И снова въ воздухъ тучи камней, снова смѣшиваются вмѣстѣ крики: «ура» и «держись». Ма-

лыши собираютъ камни и подаютъ старшимъ; глаза сверкаютъ, лица пылаютъ, никто не чувствуетъ усталости... Солнце ужъ сѣло за верхушки деревьевъ, а колоколъ все гудитъ: бумъ-бумъ-бумъ... Надъ выгономъ какъ будто нависло что-то грозное. Изъ дальняго невидимаго колокола катались глухіе, тусклые, тяжелые удары и одинъ за другимъ падали въ темную бездну; тяжелое красноватое гудѣніе наполняло воздухъ; тревожное и чуждое, оно дрожало и перекатывалось, волнами разливаясь по алѣющимъ, зеленымъ полямъ и лугамъ.

И дрогнулъ Израиль... Солнце уже закатилось, и измѣнникъ все еще не погибъ. Чѣмъ ближе къ вечеру, тѣмъ больше росли силы непріятеля. Со всѣхъ сторонъ доносился все усиливающійся и приближающійся сердитый лай собакъ. Въ гудѣніе большого колокола ворвалось «динъ-донъ» малыхъ колоколовъ. Еврейскіе мальчики поддались, смѣшались и вразсыпную бросились въ переулокъ къ синагогѣ, на вечернюю молитву. А Ной съ компаніей парнишекъ вернулся въ русскій поселокъ. Весь вечеръ Ной сидѣлъ въ кругу ликовавшихъ парнишекъ, мрачнѣе тучи; онъ чуть не плакалъ.

Позже за нимъ пріѣхалъ въ телѣгѣ Ханино-Липа; Ной пошелъ за отцомъ безъ сопротивленія. Всю дорогу они молча сидѣли въ телѣгѣ. Когда пріѣхали, Ханино-Липа, оставивъ во дворѣ лошадь нераспряженной, повелъ Ноя въ конюшню и заперъ за собой дверь. Что онъ съ нимъ тамъ дѣлалъ, — въ точности знаютъ только стѣны конюшни и валявшіяся тамъ въ темнотѣ старыя колеса. Ханино-Липа вышелъ оттуда съ лицомъ и руками, запачканными кровью; при выходѣ онъ споткнулся о тѣло Ципы-Ліи, лежавшей въ обморокѣ у порога. Сбѣжавшіеся сосѣди внесли въ домъ окровавленнаго, еле живого Ноя.

VIII.

Около двухъ мѣсяцевъ Ной пролежалъ въ постели, а когда онъ оправился и въ одинъ теплый лѣтній день вышелъ на улицу, онъ увидѣлъ себя совершенно отлученнымъ отъ общества. Его прежніе товарищи держались отъ него на разстояніи выстрѣла; меламеды окончательно отказались отъ него. Съ Маринкой тоже стало трудно встрѣчаться. Во дворѣ она бывала рѣдко; вмѣстѣ съ работницами она теперь уходила въ поле, а вечеромъ, когда она возвращалась домой, имъ неудобно было видѣться — онъ уже «большой», и на это могутъ обратить вниманіе. И длинные свободные лѣтніе дни Ной сталъ проводить въ лѣсахъ и поляхъ, на лугахъ и баштанахъ, часами скакалъ верхомъ, купался, уходилъ въ дальнюю рощу. Вечеромъ, взлохмаченный и разгоряченный, онъ возвращался домой, нагруженный всякимъ добромъ: грибами, орѣшками, лѣсными яблочками, дикими грушами, разной ягодой, иногда какой-нибудь пестрой пичужкой. Яблочки и груши онъ пряталъ въ сѣно на сѣновалѣ, чтобъ они тамъ дозрѣвали; у него ужъ набралось ихъ полный мѣшокъ. Изъ нихъ Ципа-Лія варила всѣ свои компоты. Птицъ Ной разсаживалъ въ клѣтки и подвѣшивалъ къ потолку. Весь домъ наполнялся несмолкаемымъ чириканьемъ и вонью, такъ что некуда было дѣваться.

— Съ ума можно сойти, — убивалась Ципа-Лія, — мальчишка ужъ скоро «баръ-мицва», а онъ возится съ пташками. Ханино-Липа, чего ты молчишь? Отецъ ты ему или нѣтъ? Что съ нимъ будетъ?

Ханино-Липа сѣлъ въ свою телѣжку, поѣхалъ въ городъ и привезъ оттуда спеціально для Ноя домашняго учителя. Это былъ молодой человѣкъ, худой, какъ щепка, жившій до сихъ поръ на хлѣбахъ у тестя.

— Видишь ты эту сухую тарань? — громко сказалъ Ханино-Липа сейчасъ же по пріѣздѣ. кнутовищемъ указывая Ципѣ-Ліи на молодого учителя, — онъ мнѣ обойдется въ семьдесятъ цѣлкачей, не считая харчей, — сущая находка, выгодная сдѣлка, чортъ побери, а? Не обращай вниманія на его наружность: маленькій, худенькій, а набитъ наукой, какъ мѣшокъ! Надо только его немного подкормить, и онъ станетъ мужчина, хоть куда. А гдѣ наше сокровище?

«Сокровище» въ это время возилось въ конюшнѣ съ подареннымъ ему Макаркой наканунѣ щенкомъ, красивой бѣленькой кудрявой собачкой, заросшей густой шерстью, изъ которой, какъ три черныя капли, выглядывали носъ и два глаза. Когда Ханина-Липа ввелъ лошадь въ конюшню и засталъ сына за этимъ занятіемъ, онъ вспылилъ.

— Вотъ разбойникъ, — кричалъ онъ: — привозятъ ему учителя, а онъ занятъ собаками! Семьдесятъ цѣлкачей я плачу, — чтобъ у тебя семьдесятъ прыщей вскочило!...

Новый учитель, разобравъ скоро, съ кѣмъ онъ имѣетъ дѣло, сосредоточилъ свою дѣятельность въ одной области: исправномъ поѣданіи харчей. Попутно онъ обучалъ Ноя искусству надѣвать филактеріи и для этого пользовался филактеріями Ханино-Липы, величиною въ сапогъ, съ ремнями жесткими и толстыми, какъ подошва. Ежедневно учитель «сѣдлалъ» Ноя, обучая его наглядно:

— Затяни туже... еще туже. Скажи «Благословенъ Ты...», оберни еще разъ, три. четыре, пять... э-э, стопъ! Вокругъ пальца — разъ, два, три — довольно! Теперь вторую...

Ципа-Лія смотрѣла на свое дѣтище, украшенное филактеріями, и чуть не плакала отъ блаженства: дожила до такой радости! Она радуется, и учителю хорошо живется. Не успѣвалъ онъ утромъ окончить молитву,

а на столѣ ужъ выростали одно за другимъ: бутылочка водки, графинчикъ вишневки, аппетитная печенка, цыпленокъ, ароматныя, поджаренныя съ лукомъ шкварки, теплая булка, жирные вареники.

— Кушайте, господинъ учитель, кушайте, — подбадривала его Ципа-Лія, — кушайте на здоровье! — Видишь, сыночекъ, учителя нужно слушаться, ты уже «баръ-мицва», тринадцатилѣтній. Сколько страданій, сыночекъ, сколько мукъ, пока...

И она вытирала передникомъ глаза.

Прошло нѣсколько недѣль. Молодой учитель ревностно исполнялъ свою обязанность — кушалъ во-всю, а обильная пища тоже дѣлала свое. И въ одну душную іюльскую ночь учителя попуталъ нечистый забраться въ сѣни къ служанкѣ.

Вошелъ онъ къ ней, разумѣется, потихоньку, но выскочилъ оттуда съ громомъ и трескомъ: двѣ оглушительно-звонкія пощечины подняли на ноги весь домъ. Ученикъ вмѣстѣ со всѣми вскочилъ съ постели и узрѣлъ своего ошеломленнаго учителя, стоящаго посреди дома въ одномъ нижнемъ бѣльѣ; правая пейса его была откинута за ухо, щека горѣла, какъ зарево. На зарѣ учитель сбѣжалъ... Ципа-Лія бросилась къ буфету пересчитывать серебряныя ложки и вилки, нашла ихъ въ цѣлости — и успокоилась. Ее огорчало только то, что торжество будетъ нѣсколько испорчено. «Охти-мнѣ! Вотъ незадача! — придется ребенку отпраздновать «баръ-мицва» безъ учителя.»

Такъ Ной навсегда избавился отъ учителей. Церемонія возложенія филактерій въ день, когда Ною исполнилось тринадцать лѣтъ, происходила въ синагогѣ подъ руководствомъ самого Ханино-Липы и при помощи добрыхъ сосѣдей изъ ломовиковъ. Бѣдняга Ханино-Липа

немало намучился при этомъ. Работа оказалась черезчуръ деликатной для его огрубѣвшихъ рукъ, — и двѣ крупныя, съ горошину, капли пота выступили у него на лбу. Головная филактерія никакъ не укладывалась на мѣсто. Старый ломовикъ Береле поспѣшилъ на выручку:

— Тпру! «Головная» брыкается, взнуздай-ка ее...

Послѣ молитвы ломовики и другіе сосѣди собрались на пирушку «баръ-мицва». Въ домѣ стало шумно, какъ въ трактирѣ.

Ципа-Лія со служанкой бѣгали взадъ и впередъ съ тарелками, ломовики хлопали рюмку за рюмкой, чокались, съ шумомъ сморкались и усердно работали челюстями; стучали ложки и вилки, сталкивались и звенѣли бутылки и графины. Ханино-Липа потчивалъ гостей, кланялся на всѣ стороны и обливался потомъ.

Послѣ трапезы, когда Ханино-Липа бревномъ лежалъ на постели и храпѣлъ во-всю, а Ципа-Лія убирала по суду, — Ной вышелъ во дворъ немного освѣжиться. Онъ чувствовалъ себя неудобно въ своемъ новомъ костюмѣ и не находилъ себѣ мѣста. Безсознательно онъ дошелъ до закоулка между домомъ и заборомъ. Ему показалось, что надъ заборомъ мелькнула русая головка Маринки. Сердце его забилось безотчетной радостью. «Она, навѣрное, влѣзла посмотрѣть, что за празднество и веселье у насъ въ домѣ. Какъ она туда влѣзла? По лѣстницѣ, что ли?» Ему захотѣлось вскарабкаться на заборъ и посмотрѣть, но сейчасъ же онъ вспомнилъ о филактеріяхъ и пошелъ прочь. Ощущеніе неловкости и стѣсненія не покидало Ноя весь этотъ день, и онъ почувствовалъ во всемъ тѣлѣ пріятное облегченіе, когда ночью скинулъ съ себя свое новое платье и, оставшись въ одномъ бѣльѣ, бросился въ кровать . . . . . .

. . . . . .

Нѣкоторое время спустя Ной ушелъ какъ-то утромъ изъ дому, не помолившись; его новыя филактеріи съ ремнями, пахнувшими ворванью, остались въ этотъ день въ мѣшочкѣ безъ употребленія.

IX.

Прошло четыре года.

Домъ Ханино-Липы покосился. На томъ мѣстѣ, гдѣ дворъ граничитъ съ садомъ Скурипинчихи, на самой межѣ высится новое строеніе, повѣть для дровъ, съ маленькимъ четырехугольнымъ оконцемъ, прорубленнымъ въ задней стѣнѣ, о которую трется вѣтками одно изъ деревьевъ сада сосѣдки. Повѣть соединена со старой конюшней и образуетъ съ нею одно длинное зданіе, простирающееся до сада и упирающееся въ его ограду... Ярусы дровъ во дворѣ умножились и стали выше, и постарѣвшій Ханино-Липа, у котораго одно ухо постоянно гноится и заткнуто ватой, плохо въ нихъ разбирается теперь. Домъ Скурипинчихи осѣлъ еще глубже, и заборы поэтому стали выше. Постарѣла и хозяйка дома: она согнулась и одряхлѣла. Скурипинъ лязгаетъ цѣпью и очень золъ. Маринка подросла и стала здоровой краснощекой дѣвушкой съ толстой длинной косой и округлившейся, хорошо развитой грудью. Парубки стали похаживать вокругъ да около ея дома; въ весеннія и лѣтнія ночи они часами простаивали у забора сада тамъ, гдѣ онъ граничилъ съ полемъ, но Маринка не обращала на нихъ вниманія. По ночамъ она спала въ маленькомъ соломенномъ шалашѣ съ саду, а Скурипинъ лежалъ на порогѣ, вѣрно сторожа и садъ, и Маринку. Въ еврейскомъ околоткѣ Маринка появлялась рѣдко. Откроетъ калитку, постоитъ минутку со скрещенными на груди руками и сейчасъ же юркнетъ обратно, захлопывая за

собой калитку. Ее обращаютъ въ бѣгство взгляды и словечки ломовиковъ, торчащихъ противъ дома со своими биндюгами и разбитыми клячами.

Бываетъ, что какой-нибудь изъ мальчишекъ, по дорогѣ въ синагогу засматривающій въ щели и дыры заборовъ переулка, намѣреваясь, по обыкновенію, подразнить черезъ шель Скурипина, увидитъ невзначай Маринку. Здоровая, раскраснѣвшаяся, стоитъ она посреди двора за какой-нибудь работой, напримѣръ, за стиркой бѣлья, согнувшись надъ корытомъ, съ полуобнаженной грудью и голыми руками, покрытыми мыльной пѣной... При видѣ этого зрѣлища мальчишка не можетъ оторваться отъ щели.

Черезъ минуту-другую подходитъ еще одинъ мальчикъ, другой, третій, и скоро всѣ щели облѣпляются мальчишками. Они тогда напоминаютъ собой мухъ, жадно набросившихся на пряникъ. Стоятъ они по колѣни въ крапивѣ за заборомъ, прижавшись лбами къ растрескавшейся доскѣ, съ глазами, устремленными на Маринку; никто не произноситъ ни слова — молчаніе и сосредоточенное вниманіе; каждый уединенно упивается ею, пожирая ее всю глазами. Иногда днемъ Маринка подымается на крышу домика разсыпать на солнцѣ для просушки макъ, фасоль. И тогда подростки-ломовики, стоящіе внизу у своихъ биндюгъ, съ кнутами подъ мышкой, сразу, какъ по командѣ, подымаютъ глаза кверху, и плотоядная улыбка широко расплывается на ихъ лицахъ, обнаруживая ихъ бѣлые лошадиные зубы. Какой-нибудь зубоскалъ кинетъ вверхъ словечко, которое зажигаетъ щеки и уши Маринки яркимъ румянцемъ стыда и заставляетъ ее опустить голову низко къ поросшей зеленой травой крышѣ. Ломовики надрываются со смѣху — хо-хо-хо, ха-ха-ха — а Маринка опускаетъ голову еще ниже и однимъ прыжкомъ исчезаетъ съ крыши.

Ною теперь уже около восемнадцати лѣтъ. Это рослый дѣтина съ черной, какъ смоль, копной волосъ; шапка съ блестящимъ чернымъ козырькомъ ухарски надвинута на бекрень; лицо — смуглое, съ горящими, какъ у цыгана, глазами. Въ русскомъ поселкѣ онъ частый гость, и когда возвращается оттуда верхомъ на своемъ горячемъ конѣ и внезапно врывается въ слободу, — берегись! — стрѣлой проносится онъ по улицѣ; кружки ломовиковъ, стоящихъ посреди улицы, раздаются въ обѣ стороны, испуганные обыватели бѣгутъ къ своимъ воротамъ, и легкая улыбка кривитъ ихъ губы: «Вотъ такъ сокровище!» А изъ оконъ, затаивъ дыханіе, выглядываютъ ихъ дочери и долго смотрятъ вслѣдъ промчавшемуся всаднику. Когда же Ной въ высокихъ лощеныхъ сапогахъ — бутылками, въ короткомъ пиджакѣ выходитъ постоять у воротъ, это появленіе производитъ на улицѣ волненіе... Подростки-ломовики, постоянно кружками стоящіе неподалеку и ведущіе между собой бесѣду, начинаютъ говорить тише, юноши и дѣвушки сторонятся отъ него и проходятъ поспѣшно мимо. Въ его взглядѣ и во всемъ его существѣ есть нѣчто такое, что заставляетъ тайно дрожать сердца юношей и дѣвушекъ, что привлекаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ страшитъ. Бываетъ, что какая-нибудь смѣлая дѣвушка умышленно пройдетъ подъ огнемъ его взглядовъ, желая на мигъ испытать ихъ мимолетный ожогъ.

Но Ной не заглядывался на дѣвицъ околотка. Молчалъ онъ и никто не зналъ, что у него на сердцѣ. Съ обывателями онъ не водился, съ ломовиками въ бесѣды не вступалъ. Разъ какъ-то одинъ парнишка-извозчикъ рискнулъ намекнуть ему: «э-э-э, русскій поселокъ, т.-е. тамошнія дѣвки...», но Ной такъ уставился на него глазами, что у того кровь застыла въ жилахъ.

— Что ты говоришь, паршивецъ?

— Э-э-э, я ничего, ничего не говорю, — залепеталъ парень, пятясь задомъ, съ кнутомъ подъ мышкой.

Большую часть времени Ной совсѣмъ не показывался въ слободѣ и не вступалъ въ сношенія съ ея обитателями. По субботамъ и праздникамъ онъ приходилъ въ синагогу, стоялъ тамъ одиноко въ сторонѣ, на своемъ обычномъ мѣстѣ у сѣверо-западнаго окна; все время молитвы онъ стоялъ на ногахъ, молча смотрѣлъ въ молитвенникъ и даже не шевелилъ губами, во время перерыва онъ не выходилъ вмѣстѣ со всѣми въ переднюю, и, когда отецъ возвращался съ молитвы, онъ заставалъ его уже дома...

Въ будни Ной приходилъ и уходилъ, никого не спрашивая, когда и куда ему было угодно. Власть Ханино-Липы надъ сыномъ какъ-то незамѣтно само собой исчезла. И только Ципа-Лія назамѣтно слѣдила за нимъ, вязала чулокъ и тихо вздыхала.

Ной теперь большей частью дома. На дворѣ Ханино-Липы за домомъ находится ярусъ бревенъ, возвышающійся надъ остальными. Съ него видно все, что дѣлается въ сосѣднемъ дворѣ, и большую часть дня Ной проводитъ на этомъ ярусѣ. Никто, кромѣ самого Ноя, не понимаетъ зачѣмъ онъ тамъ лежитъ. Съ этого наблюдательнаго пункта его глаза переговариваются съ глазами Маринки.

Раннимъ утромъ, когда лучи восходящаго солнца золотятъ лепестки подсолнечниковъ, растущихъ на крышѣ дома старухи, Маринка выходитъ изъ своего шалаша и показывается во дворѣ, отправляясь на работу въ поле, съ мѣшкомъ и заступомъ. Въ это время Ной, какъ стройный тополь, стоитъ на вершинѣ яруса, радостно здороваясь съ солнцемъ и Маринкой. Она внизу — здоровая, розовая — улыбается ему и краснѣетъ, а онъ сверху — смуглый, съ ослѣпительно бѣлыми зубами — киваетъ привѣтливо ей въ отвѣтъ и провожаетъ ее глазами. И сейчасъ же по ея уходѣ Ной растягивается на

ярусѣ и устремляетъ свои взоры въ опустѣвшій дворъ. Знаетъ онъ, что Маринка вернется лишь къ вечеру, но онъ все-таки лежитъ и смотритъ...

На дворѣ Ханино-Липы подымается утренній шумъ, суета. Служанка доитъ корову и гонитъ ее въ поле; старикъ выводитъ за гриву коня изъ конюшни къ колодцу, бормоча себѣ что-то въ бороду, по обыкновенію; Ципа-Лія кричитъ «ципъ-ципъ», созывая куръ, — а Ной все еще не двигается съ мѣста. Когда онъ, наконецъ, собирается сойти внизъ, солнце уже поднялось высоко, и во дворѣ между ярусами стоятъ уже разгруженныя телѣги.

Въ жаркіе полуденные часы, когда ставни въ домахъ закрыты, бревна трескаются отъ жары, ласточка гонится за своей подругой, и весь міръ томится и изнемогаетъ, въ эти часы Ной выходитъ, пообѣдавъ, во дворъ и бродитъ, какъ пьяный, между высокими кучами дровъ. Мозгъ окутанъ туманомъ, ноги еле передвигаются подъ бременемъ отяжелѣвшаго тѣла; онъ ищетъ и не находитъ себѣ мѣста.

То онъ бросается на землю въ тѣни дома, то прячется за бревна. Въ концѣ концовъ, онъ снова оказывается на высокомъ ярусѣ, на самомъ солнцепекѣ. Растянувшись на животѣ, онъ лежитъ такъ часа-два, подперевъ голову руками и уставясь глазами въ сосѣдній дворъ. Посреди двора лежитъ большая бочка, и двѣ грязныя, закорузлыя ступни торчатъ изъ нея. Ступни эти принадлежатъ Скурипинчихѣ, которая остается теперь вмѣсто Маринки сторожитъ дворъ и послѣ обѣда спитъ въ этой бочкѣ. Дальше — осиротѣлая завалинка, а вотъ и Скурипинъ. Лежитъ онъ тихо у шалаша, свернувшись клубкомъ, и сонно ловитъ мухъ, по временамъ полуоткрываетъ одинъ глазъ и смотритъ на Ноя. — Сердишься на меня, песъ? за что? почему?...

Иногда Ной вдругъ исчезалъ со двора. Ципа-Лія, замѣтивъ это, отправлялась съ тревогой въ сердцѣ на поиски и находила его обыкновенно на сѣновалѣ. Онъ лежалъ тамъ во мракѣ, полузарывшись въ сѣно, и глядѣлъ черезъ маленькое оконце въ садъ Скурпинчихи или на пустынную поляну.

«Что ему нужно на сѣновалѣ?», озабоченно думала Ципа-Лія, и смутныя подозрѣнія зарождались въ ея сердцѣ. Она рѣшила слѣдить за сыномъ. Ей было ясно, что за «мальчикомъ» слѣдуетъ смотрѣть въ оба именно тогда, когда Маринка появляется у себя во дворѣ или въ саду; вѣдь она стала высокой, здоровой, смазливой дѣвкой. Въ сумерки, когда Маринка возвращалась съ поля съ серпомъ или заступомъ на плечѣ, Ной сейчасъ же выросталъ гдѣ-нибудь у забора, на крышѣ или въ другихъ мѣстахъ, откуда могъ перекинуться съ ней парой словъ. Ципа-Лія запримѣтила это, и однажды, сидя послѣ обѣда, съ чулкомъ въ рукахъ, на порогѣ, она вдругъ сказала мужу, сидѣвшему рядомъ съ ней:

— Знаешь, Ханино-Липа, я думаю, пора женить его...

— Кого?

— «Мальчика», Ноя.

— Вотъ тебѣ на! Не терпится тебѣ, баба?

— Тебѣ всегда терпится.

Ципа-Лія вздохнула и снова взялась за спицы.

Въ это время Ной лежалъ одинъ въ темнотѣ на сѣновалѣ и бросалъ куски булки черезъ маленькое оконце въ сосѣдній садъ. Тамъ внизу, въ кустахъ стоялъ Скурпинъ, задравъ голову кверху, и ловилъ налету падавшіе куски. Садъ спитъ въ полуденномъ безмолвіи, близъ стоящее дерево опирается вѣтвями о застрѣху и не шелохнется. Снизу изъ-подъ потолка доносятся безпрестанные глухіе удары копытъ вперемежку съ чавканіемъ и взмахами хвоста: это лошадка стоитъ внизу у яслей, жуетъ въ темнотѣ овесъ и отгоняетъ мухъ. Черезъ прорублен-

ныя дыры, въ которыя какъ-будто вставлены куски голубого неба, впархиваютъ и выпархиваютъ съ веселымъ щебетаніемъ неугомонныя ласточки, носятся съ минуту въ полутемной повѣти — чивикъ, чивикъ, еще разъ чивикъ — и улетаютъ. На сѣнѣ, тамъ и сямъ разсѣяны, какъ червонцы, круглые блики свѣта. Въ одномъ углу дрожитъ тонкая паутина... А снаружи, съ простора полей и огородовъ, несутся и долетаютъ то протяжные, то отрывистые напѣвы безъ начала и конца, обрывки грустныхъ пѣсенъ работающихъ въ полѣ крестьянокъ. Эти обрывки, попадая въ полумракъ сѣновала, сладостно проникаютъ въ душу. Каждымъ нервомъ Ной чувствуетъ, что въ этотъ часъ, когда онъ лежитъ, зарывшись въ пыльное пахучее сѣно, овѣянный грустной темнотой, — въ этотъ тихій часъ сердце его растетъ и ширится, какъ тѣсто въ квашнѣ, тѣло напрягается, кровь клокочетъ и бурлитъ... И внезапно онъ вздрагиваетъ, и сладкая волна обдаетъ его. Въ воздухѣ, среди доносящихся обрывковъ голосовъ, вспыхнулъ на мигъ сильный и короткій отзвукъ голоса Маринки, вспыхнулъ и погасъ. Ной прильнулъ къ оконцу, собака повернула голову и застыла на мѣстѣ. Оба они одновременно почуяли ея голосъ и оба молча, напряженно, съ бьющимися сердцами, ждутъ...

Часто, когда Ной лежитъ такъ на сѣновалѣ, душа его черезъ маленькое оконце вмѣстѣ съ ласточками улетаетъ туда, на поля и огороды, гдѣ Маринка вмѣстѣ съ парубками и дѣвчатами ходитъ среди высокаго хлѣба, въ густой травѣ или сидитъ одна у землянки, сторожа собранные овощи. Грезится ему, что онъ лежитъ за какимъ-нибудь заборомъ, невидимый никѣмъ, и тихо смотритъ на все, что тамъ дѣлается; онъ пожираетъ Маринку глазами. Такъ лежитъ онъ цѣлый день, а вечеромъ, когда она пойдетъ домой, онъ выйдетъ изъ своей засады и настигнетъ ее въ какомъ-нибудь проулкѣ. Нѣтъ! Онъ

лучше пойдетъ за ней слѣдомъ, спрячется въ саду, а ночью, когда она пойдетъ въ шалашъ, онъ тоже войдетъ туда...

Когда Ною становится совершенно невмоготу, онъ соскакиваетъ съ забора и сразу попадаетъ за черту еврейскаго околотка. Онъ идетъ, держась расшатаннаго съ прорѣхами частокола, тѣнь отъ котораго скользитъ по немъ, окутывая его полосатымъ черно-бѣлымъ плащомъ. Лѣто, лѣто! Сады и баштаны наполняютъ воздухъ ароматами. И вотъ черезъ проломъ въ заборѣ глянула на него пустынная поляна; она подмигиваетъ ему. Ей-ей, онъ ясно видитъ подмигивающій глазокъ. Сладкая душистая прохлада вѣетъ ему въ лицо. Онъ тонетъ въ густой тѣни липы. Въ эту минуту словно золотой дождь полился на его голову: то было щебетанье птичекъ и безчисленные кружки свѣта, миріадами посыпавшіеся сквозь листву липы. Пташекъ не было видно, но по поднявшемуся гомону можно было подумать, что ихъ несчетное количество: вся липа звенѣла точно хрустальными листьями. Это какое-то заколдованное мѣсто — какъ только Ной попадаетъ сюда, онъ не можетъ уйти. Сладостная истома овладѣетъ имъ, глаза сами собой смыкаются, тѣло ослабѣваетъ, земля тянетъ его къ своему лону... Хочется ему побыть съ ней наединѣ, и онъ идетъ на заброшенную поляну. Есть у него тамъ потаенное мѣсто — круглая яма, закрытая травой и кустарникомъ. Свѣтъ едва просачивается туда, и буйно разросшійся лопухъ живетъ своей таинственной жизнью. Ной бросается навзничь въ прохладу и тьму ямы, травы укрываютъ его, и онъ лежитъ, крѣпко прижимая лицо къ землѣ и вонзая пальцы во взрыхленную влажную землю. Въ эти минуты душа его возвращается къ своему первоисточнику, и онъ превращается въ злакъ, подобный всѣмъ злакамъ. Каждымъ своимъ волоскомъ онъ впиваетъ запахъ земли, а каждая капля его юношеской крови вопіетъ: «Маринка!...»

И Маринка все больше и больше овладѣваетъ всѣми его думами и помыслами. Теперь она выходитъ, когда ей угодно, но именно теперь имъ не случается сойтись гдѣ-нибудь не на людяхъ. На поляну она больше не ходитъ: тетка замѣтила лазейку изъ сада и задѣлала ее. Встрѣчаться съ Ноемъ на-виду Маринка избѣгаетъ. По утрамъ ея глаза улыбаются ему и обѣщаютъ, а вечеромъ, когда она возвращается съ поля, она и ея обѣщанія исчезаютъ въ шалашѣ въ саду, гдѣ Маринка спитъ по ночамъ. Ной знаетъ, что она иногда бываетъ въ русскомъ поселкѣ, но ему она тамъ ни разу не повстрѣчалась. Не подкараулить ли ее, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ-нибудь въ проулкѣ?

X.

Однажды, въ пятницу вечеромъ, Ной лежалъ за еврейскимъ околоткомъ, спрятавшись въ дремлющемъ подъ заборомъ бурьянѣ, и ждалъ. Онъ зналъ, что въ это время Маринка возвращается съ работы этой дорогой. Мѣсто было вполнѣ уединенное: плетни и заборы тянулись во всѣ стороны; въ этотъ часъ никто сюда не заходилъ. Недалеко отъ его убѣжища была калитка сада Скурипинчихи. Сердце Ноя сильно билось. Вокругъ была полная тишина, субботняя тишина. Одна за другой загорались звѣзды. Большая круглая луна, раздѣленная надвое какимъ-то торчавшимъ противъ него коломъ, подымалась изъ-за дальняго плетня. Изъ синагоги катилось и доносилось до него молитвенное пѣніе, съ тихой грустью плывшее надъ бурьяномъ и репейникомъ. Ясно различались гулъ голосовъ прихожанъ и пѣніе кантора... Щемящая тоска и какой-то неясный страхъ закрались въ сердце Ноя. Тамъ, по ту сторону забора, въ сорокапятидесяти шагахъ отсюда, въ большомъ многооконномъ зданіи, ярко освѣщенномъ и переполненномъ молящимися, стоитъ его отецъ въ атласномъ кафтанѣ и суб-

ботней шапкѣ и вмѣстѣ со всѣми напѣваетъ слова молитвы. А въ это время онъ, отщепенецъ, лежитъ подъ заборомъ, подстерегая дѣвку...

Луна поднялась и повисла между деревомъ и дымовой трубой отдаленнаго домика. Въ травѣ, неподалеку, забѣлѣла полоса тропинки, ведущей въ садъ; затрещалъ кузнечикъ. Вблизи послышались легкіе шаги. Ной поднялъ голову и замеръ въ ожиданьи. Въ свѣтѣ полной луны шла Маринка съ заступомъ на плечѣ. Спустя мгновенье она попала въ полосу тѣни. Ной прыгнулъ, — и желѣзное кольцо его рукъ сжало ея бедра.

— Ной! — испугалась Маринка, и заступъ выскользнулъ изъ ея рукъ, — что ты дѣлаешь? Пусти!....

Ной не отпускалъ ея. Онъ безумно прижималъ Маринку къ сердцу, поднялъ ее на воздухъ, шепталъ ей что-то на ухо, ласкалъ и цѣловалъ ее, бормоча въ это время какія-то безсвязныя слова:

— Ты любишь меня, Мариночка? Скажи, любишь? любишь? Почему ты молчишь? любишь?

Маринка, отталкивая и привлекая его, прижималась къ Ною все крѣпче, и шопотъ ея становился все нѣжнѣе.

— Пусти, Ной, теперь пусти.... Не надо....

— Когда, Мариночка, когда? Ночью? Въ саду?

— Нѣтъ, нѣтъ! — шепчетъ Маринка, всѣмъ существомъ своимъ говоря «да»...

Внезапно она встрепенулась и вскрикнула испуганно:

— Пусти! ой, ой, слышишь! идутъ!

И она изо всей силы рванулась отъ него.

Ной отпустилъ ее. Въ саду послышалось хрустѣніе сухихъ вѣтвей и шуршанье раздвигаемыхъ кустовъ. Маринка подняла свой заступъ и безъ оглядки побѣжала къ саду. Минуту спустя калитка захлопнулась за нею.

Ной снова остался одинъ между плетнями и заборами. Шумъ молитвы не доносился болѣе. «Кончилось уже богослуженіе, или теперь тихая молитва, восемнадцать

благословеній?» Ной заторопился и вернулся на еврейскую улицу. Справа и слѣва въ субботнемъ покоѣ стояли дома. Во всѣхъ окнахъ горѣли свѣчи; только домъ крестьянки стоялъ, какъ отверженный: ни оконъ, ни свѣчей. Казалось, что остальные дома въ сознаніи своего превосходства смотрятъ на него своими освѣщенными окнами.

Въ окнахъ не видно мужчинъ. «Значитъ», — успокоился Ной, повернувъ въ переулокъ къ синагогѣ, — «еще тихая молитва, восемнадцать благословеній». Въ переулкѣ онъ встрѣтился съ выходившими изъ синагоги, смѣшался съ ними и постарался попасться отцу на глаза; сказалъ ему противъ обыкновенія громко: «счастливой субботы» и пошелъ съ нимъ домой.

Послѣ ужина, когда полная луна, луна іюльской нестерпимо-душной ночи, поднялась высоко надъ крышами околотка, и отяжелѣвшіе евреи и еврейки мало-помалу подымались четами съ крылечекъ и уходили въ спальню, — Ной внезапно заявилъ матери, что въ эту ночь онъ будетъ спать на сѣновалѣ.

— На сѣновалѣ? Зачѣмъ? — спросила встревоженно Ципа-Лія и испытующе посмотрѣла въ горящіе глаза сына.

— Мнѣ такъ хочется.

— Я тебѣ постелю въ сѣняхъ.

— Нѣтъ, только на сѣновалѣ...

— Тьфу, — плюнула мать, — съ ума сошелъ!

Ной взобрался на сѣновалъ; онъ даже не захватилъ съ собой подушки. Во всю ночь Ципа-Лія не сомкнула глазъ. Ей все мерещилось, что въ конюшню забрались воры; нѣсколько разъ она хотѣла разбудить Ханино-Липу и не рѣшалась: страшилась она, что когда Ханино-Липа войдетъ въ конюшню, случится что-то ужасное.

А въ конюшнѣ стояла одуряющая духота, воздухъ былъ насыщенъ теплыми и густыми испареніями навоза; конь неспокойно стоялъ внизу въ непроницаемомъ мра-

кѣ и безпрестанно ударялъ копытами о землю. А Ной лежалъ наверху на сѣновалѣ и нетерпѣливо метался. Въ эту ночь одинъ бѣсъ мучилъ ихъ обоихъ.

Наконецъ, все вокругъ успокоилось. Ной прислушался. Ему почудилось, что росшее за конюшней въ сосѣднемъ саду дерево тихо стучится въ стѣну. Онъ высунулъ голову изъ оконца. Дерево протягивало ему на концѣ вѣтки два красныхъ спѣлыхъ яблока, какъ бы говоря: «сорви, они твои!»

Ной простеръ руку и не досталъ; онъ высовывался все больше и больше — и не доставалъ.

Глаза его сверкнули. Одинъ прыжокъ — и онъ очутился внизу, какъ бы въ теплой ваннѣ изъ чернилъ, въ густой атмосферѣ конюшни. Ударъ ногой въ дверь — и онъ на волѣ. Разъ, два — и онъ на крышѣ конюшни, скокъ — и Ной въ саду Скурипинчихи. Всѣ эти скачки вверхъ и внизъ были дѣломъ одного мгновенія. Кусты въ саду проснулись вдругъ отъ своей дремоты и засверкали подъ луннымъ сіяніемъ. Въ тѣни деревъ показалась, какъ неясное видѣніе, Маринка. И черезъ мигъ шалашъ укрылъ ихъ обоихъ. На порогѣ сидѣлъ, карауля, Скурипинъ.

*

И въ одну темную ночь Ной убѣжалъ съ Маринкой?

О, нѣтъ, вы не знаете обывателей лѣсной слободы! Полгода спустя Ной вступилъ въ законный бракъ съ дочерью деревенскаго арендатора, по сватовству, послѣ торжественнаго сговора, — все честь честью, какъ водится у людей. На праздникъ Пятидесятницы онъ вмѣстѣ съ молодой женой пріѣхалъ въ гости къ своимъ родителямъ въ лѣсную слободу, и въ домѣ Ханино-Липы было шумно и весело. А когда послѣ традиціоннаго молочнаго обѣда молодая чета сидѣла рядышкомъ на бревнѣ за домомъ, — Маринка съ ребенкомъ на рукахъ стояла за заборомъ и смотрѣла на нихъ въ щелку.

ГДѢ ТОНКО, ТАМЪ И РВЕТСЯ

Гдѣ тонко, тамъ и рвется.

I.

Съ пятницей, вообще, шутки плохи. Но хуже всего приходится въ «короткую» пятницу. Тутъ ужъ, какъ говорится, не зѣвай; того и гляди, не успѣешь, какъ подобаетъ еврею, встрѣтить субботу.

Не удивительно поэтому, если раввинъ ребъ Липе, человѣкъ слабый здоровьемъ и отъ того мнительный, всталъ въ эту пятницу съ пѣтухами. Онъ зналъ, что стоитъ ему опоздать на полчаса, и все расписаніе его пятничнаго дня будетъ испорчено въ конецъ.

А программа дня у раввина не шуточная: полуночная молитва, псалмы, утренняя молитва, чтеніе Мишны, чтеніе гемары, два-три параграфа Шулханъ-Аруха, недѣльная «седра», каждый стихъ которой необходимо прочесть дважды въ оригиналѣ и одинъ разъ въ «Таргумѣ», — все это по части духовной пищи. Затѣмъ вѣдь человѣкъ существо слабое — хочешь не хочешь, а ѣсть надо, приходится значитъ завтракать. Послѣ полудня рядъ новыхъ обязанностей: надо сходить въ баню оправить ногти. А тамъ придутъ съ тяжбой (какъ на грѣхъ, всѣ «динъ-торы»*) бываютъ по пятницамъ) или съ мясной ложкой, попавшей ненарокомъ въ молочный горшокъ. Не успѣешь оглянуться — дня какъ не бывало. Мечешься туда-сюда; вдругъ: стой — солнце сѣло.

---

*) Судебныя тяжбы, разбираемыя раввиномъ.

Итакъ ребъ Липе всталъ ни свѣтъ, ни заря, наскоро умылся и тотчасъ приступилъ къ дѣлу. Поглядывая время отъ времени на свои отяжелѣвшіе отъ глубокой старости стѣнные часы, онъ тщательно старается использовать каждую минуту, чтобы затѣмъ встрѣтить субботу съ чистой совѣстью и спокойнымъ сознаніемъ исполненнаго долга.

Но — человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

II.

Ребъ Липе не успѣлъ справиться со всѣми приготовленіями къ утренней молитвѣ, какъ заскрипѣла дверь. Вмѣстѣ съ клубами морознаго пара въ комнату ввалился вооруженный кнутомъ крестьянинъ.

— Чтобы это означало? — недоумѣвалъ раввинъ, ежась отъ струи холода, ворвавшагося въ домъ вмѣстѣ съ мужикомъ.

Тотъ поставилъ у дверей кнутъ, снялъ рукавицы, полѣзъ за пазуху и досталъ оттуда грязное, скомканное письмо.

Раввинъ, прочитавъ письмо, только руками развелъ.

Ребъ Геце, богатый арендаторъ изъ ближняго села, приглашалъ раввина на торжество обрѣзанія.

Перо ребъ Геце не отличалось бойкостью, и разобраться въ его каракуляхъ было бы очень трудно, если бы не три пояснительныхъ дополненія, которыя были приложены къ письму. Во-первыхъ новенькая зеленая бумажка въ особомъ конвертѣ, который былъ тутъ же врученъ раввину. Во-вторыхъ, большой мѣшокъ картофеля, конвоируемый жирнымъ, крикливымъ гусемъ. Въ-третьихъ, для большей ясности, ребъ Геце прислалъ раввину изъ личнаго своего гардероба огромную шубу и пару теплыхъ валенокъ, чтобы раввинъ, Боже упаси, не озябъ до-

рогой. Благодаря этимъ приложеніямъ, раввинъ сразу обнялъ своимъ свѣтлымъ умомъ всю суть дѣла.

— Ничего не подѣлаешь, — вздохнулъ онъ, — видно, такова Божья воля. Притомъ торжество обрѣзанія... такое богоугодное дѣло... а все-таки надо посовѣтоваться съ раввиншей.

Раввинша была въ сосѣдней комнатѣ. Онъ отправился туда и, долго-ли коротко-ли, вышелъ оттуда въ свѣжемъ бѣльѣ и субботнемъ атласномъ халатѣ. Поверхъ послѣдняго онъ надѣлъ присланную шубу, забрался обутыми въ черные башмаки ногами въ желтыя валенки, прикрылъ ермолку субботней шапкой, подпоясался краснымъ кушакомъ возницы и въ такомъ, наполовину праздничномъ, наполовину дѣловомъ облаченіи, попрощался съ домашними, поцѣловалъ мезузу*) и вышелъ изъ дому.

Ребъ Липе комфортабельно усѣлся въ широкихъ саняхъ, обильно устланныхъ сѣномъ. Возница заботливо укуталъ ему ноги, усѣлся. какъ водится, на облучекъ, чмокнулъ, свистнулъ, гикнулъ, и сани поплыли по снѣгу.

III.

Лошадка была очень бойкая, путь стоялъ отличный, и раввинъ пріѣхалъ въ деревню еще до разсвѣта. Домъ ребъ Геце былъ полонъ гостей.

Начался обрядъ обрѣзанія.

Послѣ обрѣзанія пошло самое главное: начался пиръ.

Ребъ Геце, натура широкая, и въ обычное время былъ большой хлѣбосолъ, человѣкъ, что называется, гостепріимный; но теперь, дождавшись перваго внука, онъ раз-

---

*) Небольшой пергаментный свитокъ, заключающій въ себѣ стихи изъ пятикнижія; прибивается въ особомъ футлярѣ къ косяку двери.

вернулся во всю. Чудовищныхъ размѣровъ рыба, поеный теленокъ, дюжина гусей, три откормленныхъ индюка, не говоря уже о разныхъ фаршированныхъ шейкахъ, жареныхъ языкахъ и пупкахъ и прочей дребедени; наконецъ, традиціонный, въ мѣру взопрѣвшій и тающій во рту цимесъ — все это было поистинѣ достойно царскаго стола.

Напитковъ, винъ всякихъ и медовъ, конечно, тоже было вдосталь.

— Пейте, ребе, — упрашивалъ хозяинъ раввина, — Лехаимъ, ребе!

Самого ребъ Геце уже давно разобрало. Глаза его стали влажными, печально добрыми, словомъ такими, какими бываютъ глаза у всякаго хорошаго еврея въ подобныхъ случаяхъ. Волосатое лицо ребъ Геце теперь блеститъ, какъ ярко вычищенный самоваръ. Онъ тычетъ себя пальцемъ въ грудь и говоритъ самому себѣ заплетающимся языкомъ:

— Геце! знаешь? Вѣдь ты теперь дѣдушка! Слышишь? Дѣдушка!! А жена твоя? Бабушка! Эй, бабушка, гдѣ ты? Иди-ка сюда, бабушка, нечего жеманиться. Выпьемъ лехаимъ*) съ нашимъ дорогимъ гостемъ! Правда, ребе?

Ребъ Геце обнимаетъ раввина, трясетъ его, какъ мѣшокъ съ картофелемъ, и цѣлуетъ, смѣясь и плача отъ счастья.

— Никогда онъ, Геце, не забудетъ честь, которую оказалъ ему ребъ Липе, дай ему Богъ здоровья... О, если бы не ребе... и старый Геце начинаетъ всхлипывать, какъ малый ребенокъ.

— Ну, довольно, лехаимъ! — уступаетъ ребъ Липе, осторожно отхлебывая изъ рюмки, — Лехаимъ! Зачѣмъ плакать? Не надо плакать, не надо!...

---

*) За здоровье, буквально „къ жизни“.

Ребъ Геце успокаивается и вытираетъ слезы рукавомъ.

— Правду сказалъ ребе, ей Богу, правду! Зачѣмъ плакать? Нечего плакать. Надо произнести лехаимъ, и опять лехаимъ и только лехаимъ! Именно лехаимъ! Къ жизни, къ настоящей жизни, безъ бѣдъ, безъ горя, безъ заботы о хлѣбѣ насущномъ... Ой, ой, ребе! Ой, эти заботы о хлѣбѣ насущномъ... и ребъ Геце опять плачетъ въ три ручья.

Ребъ Липе человѣкъ слабый здоровьемъ и добрый; онъ сердечно жалѣетъ хозяина. Чтобы угодить ему, онъ подноситъ рюмку къ губамъ, — еще капельку...

Поздно. Раввинъ уже нѣсколько навеселѣ, два раза пытался встать изъ-за стола, ссылаясь на «короткую» пятницу, но гостепріимный хозяинъ объ этомъ и слышать не хочетъ.

А возница Иванъ сидитъ тѣмъ временемъ на кухнѣ и беззаботно угощается. И онъ радъ, что съ новорожденнымъ младенцемъ было поступлено по закону, и на радостяхъ онъ опрокидываетъ чарку за чаркой.

Часы пробили три. Раввинъ торопливо всталъ изъ-за стола. И когда онъ облачился въ медвѣжью шубу, напялилъ поверхъ нея бараній тулупъ и забрался въ тяжелыя бочкообразныя валенки, ноги перестали слушаться, и ребъ Липе, вмѣсто того, чтобы двинуться впередъ, грузно опустился на первую попавшуюся скамейку. Э...э...э... — силился онъ подняться съ мѣста — напрасно!

Несмотря на безпомощность своего тѣла, раввинъ находился въ отмѣнномъ расположеніи духа.

— Хи... хи... хи... ребъ Геце! — смѣется раввинъ — ноги.

Хи... хи... хи... — смѣются всѣ присутствующіе — ребе...

Наконецъ, съ Божьей помощью и при содѣйствіи хозяевъ, ребъ Липе поднимается, выходитъ изъ дому вмѣ-

стѣ съ Иваномъ. Дружески поддерживая другъ друга, они взбираются въ сани. Раввинъ опять комфортабельно усѣлся, Иванъ съ высоты облучка весело свистнулъ, и лошадка помчалась.

И вотъ тутъ-то, собственно, исторія и начинается.

IV.

Какъ только сани покатили, закутанный въ свои шубы раввинъ почувствовалъ, что по всѣмъ его членамъ разливается пріятная теплота, и что его непреодолимо клонитъ ко сну. Не успѣли сани мосточекъ миновать за деревенской околицей, какъ раввинъ уже спалъ крѣпкимъ сномъ.

Иванъ еще крѣпился. Онъ велъ съ лошадью назидательную бесѣду, суля ей всякія блага, если только она будетъ настолько благоразумна, чтобы не сбиться съ пути. Но скоро онъ уронилъ вожжи, склонилъ голову въ бараньей шапкѣ на бокъ и сладко захрапѣлъ.

Почувствовавъ себя на свободѣ, лошадка забыла всякое благоразуміе. Добравшись до распутья, гдѣ дорога расходилась направо и налѣво, она, подумавъ съ минуту, свернула на проселокъ.

Стемнѣло. Мокрый снѣгъ, падавшій крупными хлопьями, скоро уничтожилъ всякіе признаки дороги. Лошадка спохватилась, что непростительно набѣдокурила, но, не видя своимъ скотскимъ умомъ выхода изъ создавшагося положенія, рѣшила предать себя Божьей волѣ и продолжала плестись, понуривъ голову и опустивъ уши, по кочкамъ и буеракамъ, волоча за собою сани. Богъ знаетъ, куда она добралась бы, если бы сани вдругъ не зацѣпились за кустъ и не перевернулись. Очнувшись, сѣдоки увидѣли себя въ глубокомъ сугробѣ. Кругомъ царствовалъ непроглядный мракъ.

— Что это значитъ? — недоумѣвалъ раввинъ, безпомощно барахтаясь въ снѣгу. Вдругъ ясное представленіе всего происшедшаго ошеломило его.

— Какъ? въ субботу!

Раввинъ хотѣлъ закричать, но не могъ. Все его существо было охвачено и придавлено одной мыслью: «суббота»!

Когда онъ вновь обрѣлъ даръ рѣчи, онъ могъ только воскликнуть:

— Иванъ! Ай-ай!

Этимъ исчерпывался весь запасъ русскихъ словъ, которыя были извѣстны ребъ Липе. Ужасъ, мольба о помощи, раскаяніе, горькая жалоба, беззавѣтная покорность судьбѣ — все это нашло выраженіе въ восклицаніи раввина...

Иванъ возился впотьмахъ съ перекинутыми санями и спутанной упряжью, стараясь сорвать свой гнѣвъ на лошадкѣ и ругая на чемъ свѣтъ стоитъ ее и всѣхъ ея предковъ до десятаго колѣна.

Когда все было приведено въ порядокъ, Иванъ пригласилъ «рабина» садиться. Бѣдный раввинъ тщетно озирался во мракѣ, словно искалъ помощи и защиты. Онъ рѣшилъ было не трогаться съ мѣста, будь что будетъ. Мало ли существуетъ преданій о праведникахъ, застигнутыхъ субботой въ лѣсахъ и пустыняхъ? Разсказываютъ даже, что одному изъ такихъ праведниковъ Богъ послалъ льва, который оберегалъ его всю субботу и который послѣ «гавдола»*) покорно понесъ его на своей спинѣ. Но всмотрѣвшись опять въ окружавшую его тьму, ребъ Липе обмеръ отъ страха. Слѣва чернѣлъ лѣсъ, настоящій темный лѣсъ, гдѣ шумѣлъ и завывалъ на всѣ лады вѣтеръ, и гдѣ раввину мерещились разбойники и хищные звѣри. Справа простиралось безконеч-

*) Молитва, читаемая по исходѣ субботы.

ное поле, покрытое бѣлымъ снѣжнымъ саваномъ. Изъ снѣга торчали странные силуэты: не то черти, не то привидѣнія, не то просто кусты. Со всѣхъ сторонъ на раввина надвигались чудовища...

— Нѣтъ, рѣшилъ онъ, — на чудо нельзя полагаться. И стою ли я того, чтобы Господь изъ-за меня явилъ чудо? «Человѣческая жизнь важнѣе субботы» — вспомнилось ему изреченіе Талмуда.

Ребъ Липе какъ разъ въ эту минуту показалось, что онъ увидѣлъ огромное чудовище, глаза котораго метали искры...

Раввинъ самъ не замѣтилъ, какъ онъ очутился въ саняхъ. Охая и вздыхая, онъ норовилъ усѣсться какъ-нибудь бокомъ, на краюшкѣ сидѣнія, чтобы, по крайней мѣрѣ, сидѣть не такъ какъ всегда. Сани поползли впередъ, и ребъ Липе сталъ читать съ сокрушеннымъ сердцемъ молитвы субботняго вечера.

Это былъ поистинѣ скорбный путь. Зимняя ночь казалась раввину вѣчностью. Усталая лошадь безсильно плелась по ухабистой дорогѣ. Сани вмѣстѣ съ несчастными путниками подкидывало на каждомъ шагу. Сурово смотрѣли старые лѣсные великаны, укоризненно качая отягощенными снѣгомъ широкими вѣтвями. Молодыя деревья изумленной толпой глядѣли изъ-подъ своихъ бѣлыхъ шапокъ на ѣдущаго въ субботу раввина, дивясь невиданному зрѣлищу; кусты отъ стыда поникли головами, а вѣтеръ, жалобно завывая, оплакивалъ нарушеніе святой субботы...

V.

Далеко за полночь сани остановились у одинокой, полузанесенной снѣгомъ корчмы. Отъ измученной заиндевѣвшей лошади паръ валилъ столбомъ. Путники были совершенно разбиты. Борода, пейсы, усы и воротникъ раввина превратились въ одну огромную сосульку. Позд-

нихъ гостей встрѣтилъ старикъ-сторожъ. Раввинъ вошелъ въ корчму, а сани вмѣстѣ съ Иваномъ исчезли въ воротахъ двора.

Ребъ Липе очутился въ холодной, неуютной комнатѣ, еле освѣщенной закоптѣлой лампой. Изъ сосѣдней комнаты слышалось храпѣніе спящихъ хозяевъ. На столѣ, покрытомъ толстой домотканной скатертью, стояли два мѣдныхъ подсвѣчника, и валялись объѣдки субботней трапезы. Раввинъ печально отвернулся. Озябшій, отягощенный одеждой, онъ повалился на стоявшую у стѣны лавку и уткнулся головой въ воротникъ шубы.

— Такъ! Онъ, раввинъ, осквернилъ субботу... Какъ онъ теперь станетъ смотрѣть людямъ въ глаза? Что онъ отвѣтитъ Господу въ день суда...

Изъ глазъ раввина потекли слезы. Вода текла и съ его бороды, усовъ и пейсовъ, успѣвшихъ уже оттаять. Голова, руки и ноги казались ему налитыми свинцомъ. «Не наступилъ ли смертный часъ?» мелькнула у него страшная мысль. «Да, это смерть. Надо исповѣдаться»... И губы раввина стали шептать слова исповѣди...

Долго мучился ребъ Липе. Его то обливало холоднымъ потомъ, то бросало въ жаръ. Въ бреду произносилъ онъ слова молитвы, перемѣшивая ихъ стихами изъ Торы и отрывками изъ Талмуда. Мысли о загробной жизни, о мукахъ ада, объ участи жены и дѣтей слились въ его воспаленномъ мозгу въ одинъ страшный кошмаръ. Только, когда стало свѣтать, онъ, наконецъ, заснулъ тяжелымъ безпокойнымъ сномъ.

VI.

Пока ребъ Липе спалъ въ заброшенной корчмѣ на жесткой скамейкѣ, пока онъ обливался потомъ въ своихъ шубахъ и мучился тяжелыми сновидѣніями, Господь сдѣлалъ свое. По Его велѣнію, пѣтухи пропѣли свою утреннюю пѣсню, и тьма уступила мѣсто свѣту. Какъ

только въ маленькія замерзшія окна корчмы заглянуло блѣдное и угрюмое зимнее утро, корчмарь Файвке чихнулъ, зѣвнулъ и проснулся. Онъ тотчасъ вскочилъ съ постели, обулъ тяжелые сапоги, накинулъ на плечи короткій полушубокъ и вышелъ посмотрѣть, какого гостя ему Богъ послалъ ночью.

Файвке остолбенѣлъ. Передъ нимъ на скамьѣ лежалъ въ бараньемъ тулупѣ поверхъ медвѣжьей шубы самъ раввинъ! Файвке не вѣрилъ своимъ глазамъ. Ужъ не навожденіе ли это? Онъ нагнулся и хорошенько всмотрѣлся въ лицо спящаго. Да, это раввинъ! Вотъ его носъ трубой, вотъ и исхудалое, безкровное лицо!

Файвке былъ ошеломленъ... Какъ? раввинъ? въ субботу?.. Не спятилъ ли онъ, Файвке, съ ума?

Вдругъ онъ хватилъ самого себя кулакомъ по головѣ.

— Эхъ, Файвке, деревенская ты дубина! Вотъ что значитъ опростоволоситься! Ты перепуталъ дни недѣли! такъ-то, Файвке... съ мужиками самъ омужичился... Завтра объ этомъ будетъ знать все мѣстечко... Славно, нечего сказать..!

Файвке принялъ героическое рѣшеніе. Пока раввинъ проснется, въ домѣ не должно остаться никакихъ признаковъ субботы. Не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, онъ стащилъ со стола скатерть съ подсвѣчниками и субботними объѣдками. Затѣмъ онъ вихремъ влетѣлъ въ спальню и сталъ будить жену и дочь.

— Эй, вы, пошевеливайтесь, вставайте!

— Кто? Что? Что такое?

— Тише, не ори! Вставай сейчасъ! тащи все изъ печи!

Не успѣвшая еще очухаться отъ сна, жена Файвке не понимала, чего отъ нея хотятъ. Мужъ вразумилъ ее энергичнымъ толчкомъ, и она вмигъ одѣлась и приступила къ дѣлу.

— Тащи все изъ печи, до послѣдней крошки, — кричалъ мужъ, — кашу, жаркое, паштетъ — все, валяй въ лохань, чтобы званія не осталось!

Въ минуту весь домъ принялъ другой видъ. Суббота уступила мѣсто буднямъ. Въ большой печи запылалъ огонь. Зашипѣлъ наполненный горячими угольями брюхатый самоваръ . Сторожъ Іохимъ сталъ колоть дрова. Самъ Файвке изо всѣхъ силъ мѣсилъ тѣсто. Покончивъ съ тѣстомъ, Файвке, быстро засучивъ рукавъ, одѣлъ филактеріи и сталъ читать будничнымъ напѣвомъ утреннюю молитву.

Дверь тѣмъ временемъ не закрывалась ни на минуту. Безпрестанно входили и выходили мужики въ дубленыхъ полушубкахъ съ кнутами въ рукахъ. Въ воздухѣ стоялъ махорочный дымъ, запахъ овчины, топотъ тяжелыхъ сапогъ и зычный крестьянскій говоръ: Файвке прохаживался мимо раввина, громко напѣвая ту молитву, которая полагается въ будни, и искоса поглядывая на спящаго. Онъ какъ бы говорилъ: «спи себе, ребе, на здоровье. Теперь мнѣ все равно; хочешь — спи, хочешь — просыпайся!»

И дѣйствительно въ эту минуту ребъ Липе чуть-чуть пошевелился.

— Файвке! не робѣй, — сказалъ самому себѣ корчмарь. — Смотри: ни гу-гу!

И Файвке тотчасъ затерялся въ махорочномъ дыму и толпѣ полушубковъ, зорко слѣдя оттуда за раввиномъ и распѣвая во всю силу своихъ легкихъ: «Аллилуія, Аллилуія!....»

VII.

Раввинъ проснулся. Вмѣстѣ съ сознаніемъ къ нему вернулись всѣ терзанія прошлой ночи. Голова трещала. Кости ныли. Онъ привсталъ и открылъ глаза. Что это? Гдѣ онъ? Въ банѣ? Нѣтъ, въ корчмѣ. Гдѣ вся

субботняя обстановка? Отъ нея не осталось и слѣда Мужики, будничный шумъ, кипящій самоваръ на столѣ

Раввина охватилъ ужасъ.

Какъ? значитъ, весь субботній день, весь субботній вечеръ, и всю слѣдующую ночь онъ провалялся на голой лавкѣ на глазахъ Файвке и мужиковъ! Цѣлыя сутки безъ молитвы, безъ кидуша*), безъ гавдоло! Господи! что Ты дѣлаешь съ рабомъ Твоимъ, Липе?..

Глубокое отчаяніе овладѣло раввиномъ. И чѣмъ онъ такъ прогнѣвалъ Всевышняго? За что такія муки?

Изъ облаковъ табачнаго дыма вышелъ съ кнутомъ въ рукахъ Иванъ. — Пора, рабинъ, пора ѣхать!

Ребъ Липе направился къ двери. Шатаясь, какъ пьяный, онъ насилу протискался сквозь толпу крестьянъ. Около двери онъ столкнулся съ Файвке, который протянулъ ему свою широкую мозолистую руку.

— Миръ вамъ, ребе!

— Миръ... миръ... бормоталъ раби. Некогда мнѣ... некогда...

— Съ Богомъ, ребе, счастливаго пути!

Обѣ стороны были довольны скорой разлукой. Файвке захлопнулъ за раввиномъ двери, а тотъ съ неимовѣрнымъ усиліемъ вскарабкался на сани и сталъ торопить возницу:

— Эй, Иванъ, эй!

Куда и зачѣмъ онъ торопится? Раввинъ едва-ли могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ. Да и, вообще, онъ едва ли сознавалъ, что онъ дѣлаетъ. У него было только одно желаніе: онъ хотѣлъ бы, чтобы дорога тянулась безконечно.

— Господи, — молился онъ, — яви одно, единое чудо! Пусть ѣзда продолжается годы, десятки, сотни лѣтъ... Или возьми мою душу теперь, сейчасъ же...

---

*) Молитва, которою освящаютъ субботу.

Но молитва ребъ Липе не была услышана. Послѣ пасмурной ночи наступило ясное зимнее утро. Отдохнувшая лошадь весело мчала сани по сверкавшему на солнцѣ снѣжному пути. Копавшіяся въ свѣжемъ навозѣ вороны уступали санямъ дорогу, привѣтствуя ихъ хриплымъ карканьемъ.

Раввину стыдно было яркаго солнца, ослѣпительно бѣлаго снѣга, хлопотливыхъ воронъ. Онъ глубже ушелъ въ свои шубы. Имъ овладѣло мрачное равнодушіе ко всему. Больше онъ ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ, ничего не чувствовалъ.

VIII.

Около полудня, когда все взрослое населеніе мѣстечка вышло изъ синагоги и праздничнымъ неторопливымъ шагомъ плыло вдоль улицы, обмѣниваясь субботними привѣтствіями, — изъ ближайшаго переулка вынырнули быстро мчавшіяся сани, въ которыхъ сидѣлъ раввинъ.

Изъ саней ребъ Липе уже не въ силахъ былъ подняться. Въ домъ его пришлось внести на рукахъ. Отъ стыда и огорченія раввинъ заболѣлъ странной и весьма тяжелой болѣзнью.

ВЛАСТЬ МАРША

Власть марша.

Все утро изъ души моей рвалась пѣсня, и вотъ уже полчаса я сижу за рабочимъ столомъ; перо дрожитъ въ рукѣ, но листъ бумаги предо мной остается бѣлымъ. Я еще не знаю, въ какую форму я воплощу свой творческій порывъ и какой ритмъ дамъ ему. Ритмы, правда, сами собой набѣгаютъ чета за четой, изъявляя полную готовность впречься въ мою колесницу, но идутъ онѣ еще несогласованно и оттѣсняютъ другъ друга. Одна чета пролетаетъ амфибрахіемъ, другая скачетъ дактилемъ.

— Не ясный ли это признакъ того, что «близнецы» толкаются во мнѣ? — подумалъ я на основаніи своего опыта. И для меня и для нихъ лучше будетъ отложить на часокъ работу. Для поэтическаго творчества нужно спокойное, сосредоточенное настроеніе.

Отложивъ перо, я придвинулъ стулъ къ раскрытому окну. Сижу, курю папиросу и смотрю на улицу.

Обыкновенный будничный лѣтній день, предобѣденный часъ, въ которомъ нѣтъ уже бодрости утра, но нѣтъ еще и вечерней истомы. Солнце свѣтитъ, какъ всегда, воздухъ нѣженъ и чистъ. Ворота, двери, окна вокругъ открыты настежь. Люди, вещи, и на дворѣ, и въ комнатахъ, въ своемъ обычномъ видѣ, открыты взорамъ всѣхъ. Всякій на своемъ мѣстѣ занятъ своимъ дѣломъ,

всякій выбрасываетъ наружу положенную ему долю звуковъ, движеній, и каждое желательное и нежелательное движеніе чертитъ въ воздухѣ свой особенный штрихъ.

Въ открытомъ окнѣ противоположнаго дома столяръ съ засученными рукавами водитъ по доскѣ рубанкомъ, который задѣвая за сучекъ, каждый разъ издаетъ звукъ, похожій на чиханье собаки, и все время изрыгаетъ тоненькія и бѣлыя стружки, вьющіяся локонами.

За другимъ смежнымъ окномъ портной усердно работаетъ на стучащей швейной машинѣ, которая безпрерывно вонзается въ собственное тѣло и чертитъ иголкой ряды точекъ.

Въ одномъ дворѣ вопитъ пила, какъ будто ее рѣжутъ на части, а не лежащую подъ ней колоду.

Перекупщики и торговки оглашаютъ воздухъ своими странными выкриками: одинъ мольбой, другой стишкомъ, третій остротой и каламбуромъ.

Въ полусвѣтѣ кузницы, съ правой стороны улицы, двуголосые молоты состязаются на наковальнѣ, и ихъ тяжелые могучіе удары съ тусклымъ звономъ катятся, какъ желѣзные шары.

Изъ-за какой-то стѣны звучатъ нестройныя гаммы на потрескавшемся піанино.

Все какъ вчера, какъ третьяго дня. Люди и вещи, какъ тупые ученики въ школѣ, въ тысячный разъ повторяютъ старую-престарую привычную главу. И все-же, кто всмотрится внимательно, увидитъ, что у каждаго изъ нихъ свой собственный стихъ въ особой главѣ дня, его стихъ, любимый и опостылѣвшій одновременно, котораго онъ ни за что не промѣняетъ на другой... Онъ принадлежитъ ему, ему цѣликомъ, отъ буквъ и знаковъ до начертанія интонаціи.

«Развѣ и эти люди не поэты въ извѣстной мѣрѣ, развѣ не обладаютъ они хоть кое-какой, самой малой индивидуальностью? Вѣдь не можетъ быть въ мірѣ существа безъ

своей мелодіи, безъ своеобразнаго ритма, безъ того ритма, который отличаетъ одного человѣка отъ другого даже по звуку шаговъ».

Я еще продолжаю размышлять — и вдругъ военный оркестръ,весь сверкающій мѣдными инструментами, показывается на одной изъ улицъ; впереди и позади него бѣгутъ дѣти; веселый и звонкій, полнозвучный и бурный маршъ гремитъ и приближается вмѣстѣ съ ними. Трубы гудятъ во всю мощь своихъ мѣдныхъ глотокъ, барабаны и литавры вторятъ имъ гуломъ и громовыми раскатами.

Въ будничную атмосферу квартала внезапно ворвалась струя бодрыхъ и стремительныхъ звуковъ, которые текли изъ широкихъ сіяющихъ устъ фонтаномъ и наполнили ее праздничной веселостью.

Не успѣлъ оркестръ дойти до половины квартала, какъ звуки марша мощно залили все кругомъ — дворы, дома, самый воздухъ. Все было увлечено шумомъ ихъ воли, ничто не могло устоять.

Мужчины, женщины, дѣти выскочили къ дверямъ и воротамъ, ремесленники и рабочіе быстро высунулись изъ оконъ, свѣсились оттуда на улицу, какъ змѣи изъ пещеръ, раскрыли рты и жадно глотали изъ воздуха мощные звуки пѣсни, короткіе и четкіе, которые много разъ повторяютъ ту же мелодію, каждый разъ съ новой силой и новымъ блескомъ.

Черезъ мигъ я вижу, что весь кварталъ, весь цѣликомъ, сознательно или безсознательно становится участникомъ въ игрѣ оркестра.

Тотъ почтенный обыватель, который проходитъ по противоположному тротуару, какъ и тотъ, который идетъ за нимъ, третій, четвертый, — всѣ они шагаютъ въ тактъ марша.

Еще немного, и пила вопитъ, и рубанокъ чихаетъ, и швейная машина стучитъ, и молоты бьютъ, — всѣ въ тактъ марша.

Еще черезъ минуту и скупщики и разносчики начинаютъ выкрикивать свои товары въ тактъ марша.

Даже прислуга, слышу я, скребетъ горшки въ кухнѣ, слуга во дворѣ выбиваетъ перины и подушки, мать въ дѣтской качаетъ колыбель ребенка, и старушка, сидящая у воротъ, вяжетъ чулокъ и двигаетъ спицами — все въ тактъ марша.

Кажется, топотъ лошадей и стукъ экипажей на улицахъ квартала — всѣ стараются попасть въ тактъ марша.

Я увѣренъ, что и часы въ карманахъ этихъ людей, и сердце въ ихъ груди будутъ тихо отбивать также тактъ марша.

Всѣ голоса и движенія въ кварталѣ растворились вдругъ въ маршѣ и слились въ единый оркестръ.

— Стадо! — мысленно выругалъ я ихъ, въ которыхъ я за мигъ до этого такъ ошибся, — достаточно маршу нахлынуть на нихъ своей мощью, чтобъ уничтожитъ всю ихъ индивидуальность. Вотъ пронесся надъ ними громъ военной музыки — и гдѣ теперь ихъ собственныя душевныя мелодіи, гдѣ одна частица ритма, свойственная имъ и только имъ? Нѣтъ и въ поминѣ. Оркестръ своей мощью проглотилъ ихъ всѣхъ, какъ левіаѳанъ проглатываетъ мелкую рыбку. Я увѣренъ, что съ этихъ поръ маршъ будетъ властвовать, будетъ царствовать въ кварталѣ весь день, быть можетъ, много дней, и не будетъ спасенія отъ него.

— Нѣтъ! — сокрушенно подумалъ я — эти люди — стадо и только стадо. Настоящая индивидуальность, которая не стирается, не поглощается, не исчезаетъ среди тысячъ — удѣлъ немногихъ, богоданный удѣлъ поэтовъ.

Когда черезъ минуту я вернулся къ столу, на меня нашло вдохновеніе. Среди тайной радости, въ сущности не свободной отъ нѣкотораго высокомѣрія, что «мой

удѣлъ — не ихъ, и мой жребій — не жребій толпы», осѣнило мое вдохновеніе и частицы божества во мнѣ раскрылись во всей силѣ своей. Рѳомы катились изъ-подъ пера, какъ зерна чечевицы, всѣ веселыя, порывистыя, свѣтлыя и радостныя, какъ даръ музы.

Да будетъ благословенъ богъ поэзіи! Моя греза нашла, наконецъ, единственное, подобающее ей облаченіе.

Но какъ я удивился, пробѣжавъ взоромъ написанное — тамъ не было ничего ни отъ дактиля, ни отъ амфибрахія: все было отлито сплошнымъ хореемъ въ тактъ марша.

НЕПОПРАВИМОЕ

Непоправимое

Однажды вечеромъ мы стояли на площадкѣ трамвайнаго вагона втроемъ: длинный и худой старикъ-еврей съ одной стороны, я — напротивъ, молоденькій юнкеръ, новичокъ, между нами.

Сначала я не обратилъ вниманія на старика. Съ палкой въ рукахъ онъ стоялъ у запертой рѣшетки противъ меня, прячась въ тѣни, куда не достигалъ слабый свѣтъ фонаря. Юнкеръ, стоявшій между нами, немного заслонялъ его, такъ что изъ всего облика старика я хорошо видѣлъ только бѣлый пучокъ волосъ, шевелившійся и раскачивавшійся въ тактъ трамвая. Но когда я случайно остановился на старикѣ взоромъ, онъ торопливо поклонился мнѣ, и я тотчасъ узналъ его. Это тотъ старикъ, котораго я часто встрѣчалъ на улицѣ, и который всегда кланялся мнѣ первый.

Съ какихъ поръ онъ началъ раскланиваться со мной, и почему онъ оказывалъ мнѣ эту честь, — этого я точно не знаю. Вѣроятно, когда-то я гдѣ-то столкнулся съ нимъ, но гдѣ? когда? Кажется, я никогда не вступалъ съ нимъ въ бесѣду. Я даже не знаю, кто онъ и чѣмъ онъ занимается. Иногда я вижу его на улицѣ, онъ стоитъ съ палкой въ рукахъ или прохаживается, какъ бы гуляя, всматривается то въ афиши, то въ витрины магазиновъ. Платье на немъ потертое, но чистое, ботинки заплатанные, но вычищенные. Видно, что щетка каждое утро

много работаетъ надъ ними, чтобъ какъ-нибудь скрыть всѣ слѣды, что оставилъ на нихъ вчерашній день, но не всегда это удается ей, и старику приходится прибѣгать и къ другимъ средствамъ. Каждый разъ, когда его обжигаетъ слишкомъ внимательный глазъ, рука его поднимается къ какому-нибудь пятну или заплатѣ, чтобъ скрыть ихъ . Иногда я встрѣчаю его на улицѣ съ книгой или съ маленькимъ пакетомъ подъ мышкой, но и тогда онъ не торопится, а гуляетъ спокойно и медленно, какъ всегда, и въ тотъ моментъ, когда мы проходимъ другъ мимо друга, онъ молча киваетъ мнѣ головой, на секунду останавливаетъ на мнѣ свой тоскливый взглядъ, полный затаенной скорби, и молчаливо продолжаетъ свой путь. Это, вѣроятно, — часто думалось мнѣ, — одинъ изъ тѣхъ обездоленныхъ, для которыхъ изъ-за отсутствія опредѣленнаго дѣла весь день отъ утренняго вставанія до часа сна тянется словно пустое пространство, въ которомъ они блуждаютъ и теряются, какъ маленькое-маленькое облачко въ просторѣ безконечности, блуждаютъ и нигдѣ не находятъ себѣ точки опоры. Такимъ людямъ достаточно, чтобъ въ продолженіе дня, такого длиннаго и пустыннаго, никто особенно не замѣчалъ ихъ существованія. Съ другой стороны они удовлетворены, если кто-нибудь изрѣдка взглянетъ на нихъ благожелательно и на мигъ почувствуетъ ихъ существованіе. Самые несчастные изъ нихъ тѣ, которые, благодаря какой-нибудь случайной протекціи изъ третьихъ рукъ, попадаютъ въ какой-либо состоятельный домъ и послѣ неоднократныхъ «зайдите завтра» получаютъ нѣкоторое подобіе работы, разумѣется, за ничтожное вознагражденіе. Эти несчастные знаютъ, что порученная имъ работа — приведеніе въ десятый разъ въ порядокъ домашней библіотеки, переписываніе семейныхъ рукописей въ одиннадцатый разъ, набивка папиросъ, обученіе еврейской грамотѣ мальчика, достигшаго «баръ мицво» — религіоз-

наго совершеннолѣтія — что не она имъ нужна, и что они не годятся для нея. Поэтому они не рѣшаются заранѣе уславливаться относительно платы. Входятъ они въ этотъ домъ крадучись, какъ бы идя на преступленіе, всегда жмутся къ стѣнкѣ и идутъ чернымъ ходомъ. А когда имъ суютъ въ руки плату, — ихъ глаза всегда потуплены, лицо пылаетъ, разсудокъ мутится, и пробормотавъ скомканное «до свиданія», они торопятся удрать такъ, чтобъ никто не видѣлъ въ какую дверь они сбѣжали, и какъ они очутились на разстояніи выстрѣла отъ этого дома. Эти люди, которые кажутся прибитыми и угодливыми, часто обладаютъ чуткостью и деликатностью; есть среди нихъ и обостренно чувствующіе и болѣзненно самолюбивые. Сознаніе ихъ абсолютной никчемности гнететъ ихъ днемъ и съѣдаетъ ихъ ночью. И не сама бѣдность угнетаетъ ихъ, но внѣшнее проявленіе ея, обида, которая заключается въ ней. Каждая замѣтная заплата на ихъ одеждѣ — тайная рана подъ ней, каждое видное пятно — ожогъ на живомъ тѣлѣ. Кто дѣйствительно жалѣетъ такихъ людей и не хочетъ увеличивать ихъ страданій, пусть не останавливаетъ на нихъ взора болѣе, чѣмъ этого требуетъ простая учтивость. Такъ я всегда поступаю съ этимъ старикомъ, съ которымъ я столкнулся въ трамваѣ, такъ я поступилъ и на этотъ разъ. Отвѣтивъ ему кивкомъ головы, я тотчасъ отвернулся и сталъ смотрѣть въ окно трамвая, не обращая на него вниманія. Между тѣмъ на площадку взошли еще два пассажира — офицеръ съ дамой; молоденькій юнкеръ вытянулся, старательно и съ особеннымъ шикомъ козырнулъ офицеру. Я совсѣмъ было забылъ о старикѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ молоденькій юнкеръ вдругъ обратился къ старику съ легкимъ вѣжливымъ поклономъ, сдѣлавъ рукой въ тонкой кожаной перчаткѣ жестъ благовоспитаннаго существа, и очень тихо проговорилъ:

— Извините, пожалуйста.

По излишней вѣжливости и по изысканности совершенно новой одежды можно было сразу догадаться, что юнкеръ — новичокъ. Вчера только онъ надѣлъ новую форму, онъ еще усердно соблюдалъ правила благовоспитанности, какъ только что достигшій «баръ мицво» правила одѣванія филактерій. Юный юнкеръ почти радъ представившемуся случаю проявить свою благовоспитанность въ присутствіи офицера и спѣшитъ использовать случай. За что онъ извинялся передъ старикомъ, я не зналъ. Вѣроятно, онъ какъ-нибудь задѣлъ или толкнулъ его рукой или ногой. Но старикъ повидимому ничего не замѣтилъ и, не мало дивясь тому, что юнкеръ обратился къ нему, наклонилъ къ нему голову и немного подобострастно и робко спросилъ:

— Что? что вы говорите?

— Я покорно прошу извиненія — повторилъ юнкеръ съ удвоенной вѣжливостью.

— Что? что? — спросилъ изумленно старикъ, — не вѣря и недоумѣвая, и приблизилъ ухо еще ближе къ юнкеру.

Молоденькій юнкеръ и на этотъ разъ не вышелъ изъ рамокъ вѣжливости. Онъ только немного повысилъ голосъ, какъ бы слегка вспыливъ, и въ третій разъ повторилъ свою просьбу, отчеканивая каждое слово до послѣдняго.

— Очень, очень прошу....

Теперь старикъ уразумѣлъ въ чемъ дѣло, и торопливо поднялъ голову, какъ бы пятясь назадъ. Этотъ милый и шикарный юнкеръ проситъ извиненія у него! Мало того, онъ, старикъ, заставилъ юнкера три раза повторять свою просьбу. Старикъ смущенно посмотрѣлъ по сторонамъ и, встрѣтившись съ испытующимъ взглядомъ офицера, смутился еще больше, какъ застигнутый въ

чемъ-либо неблагопристойномъ. Съ губъ его сорвалось нѣчто вродѣ звука «п», и вмѣстѣ съ нимъ онъ сдѣлалъ какое-то тройное движеніе: онъ поднялъ плечо, вытянулъ руку, скривилъ ротъ. Движеніе было такое странное, что трудно было рѣшить, что оно означаетъ: удивленіе, оправданіе, униженіе, небрежность. Можетъ быть, оно означало все это вмѣстѣ, и каждый изъ четырехъ свидѣтелей происшествія, — офицеръ, дама, юнкеръ и я, — могъ истолковать его по-своему.

И странное дѣло: съ того момента, какъ слишкомъ вѣжливый юнкеръ извинился, старикъ уже не могъ спокойно стоять на мѣстѣ. Его передергивало отъ каждаго взгляда. Ему казалось, что всѣ осматриваютъ его съ головы до ногъ, что и себѣ и другимъ онъ открывается теперь во всей ничтожности и никчемности, и некуда укрыться отъ этого. Всѣ пятна и заплаты на костюмѣ и на ботинкахъ, то, что онъ всяческими средствами такъ старательно скрывалъ всю свою жизнь, — все это соединилось противъ него, чтобъ обнаружить позоръ его бѣдности и нищету всей, всей жизни его. Всѣ обиды его души и уколы самолюбія, малые и большіе, скрывавшіеся подъ этими заплатами, въ одно мгновеніе раскрыли свои уста и громко и горько вопили: развѣ и вправду это такъ удивительно, что молодой юнкеръ извиняется передъ такимъ старикомъ? Неужели онъ и на мигъ не заслуживаетъ человѣческаго отношенія? Неужели нѣтъ никакой надежды, чтобъ онъ хоть разъ въ жизни почувствовалъ себя настоящимъ человѣкомъ, безъ заплатъ?

Блуждающіе взоры старика выражали истинную печаль, онъ словно терялъ разсудокъ. Рука его перебѣгала съ одного мѣста потертаго платья на другое. Замѣтно было, что онъ чувствовалъ теперь въ тѣлѣ настоящую боль отъ каждой заплаты и пятна, и что онъ поневолѣ щупаетъ ихъ, какъ прокаженный свои струпья. Каждая

заплата — глубокая рана подъ ней, каждое пятно - клеймо, выжженное огнемъ на живомъ тѣлѣ.

Желая вотъ сейчасъ, въ этотъ же моментъ, въ присутствіи этихъ же людей показать свое человѣческое достоинство, онъ встрепенулся и началъ охорашиваться, поскольку это возможно было въ данномъ мѣстѣ и въ данное время. Для этого онъ прибѣгъ ко всѣмъ давно испытаннымъ средствамъ. Онъ быстро выпрямился, торопливо пригладилъ бороду, торопливо поправилъ фуражку на головѣ, такъ же быстро застегнулъ сюртукъ на одну цѣлую пуговицу и на половину другой, скрывъ тѣмъ самымъ желтое пятно на брюкахъ, придвинулъ одинъ ботинокъ къ другому и скрылъ сразу двѣ заплаты. Все это было сдѣлано и закончено чрезвычайно быстро, почти одновременно и, какъ казалось ему, незамѣтно ни для кого изъ присутствующихъ. Онъ не успокоился, пока не вынулъ вдругъ изъ кармана не особенно чистый платокъ и не высморкался такъ громко, что заставилъ попятиться назадъ всѣхъ стоявшихъ около него, въ томъ числѣ и вѣжливаго благовоспитаннаго юнкера.

Несчастный! Въ одинъ моментъ онъ хотѣлъ исправить все то, что попорчено столькими годами.

КАКЪ ТРУБѢ СТАЛО СТЫДНО

Какъ трубѣ стало стыдно

Эту исторію я слышалъ отъ одного гостя, приглашеннаго къ пасхальному сейдеру и случайно столкнувшагося за одной трапезой со мной. Это былъ солдатъ-еврей, лѣтъ сорока, изъ запасныхъ, призванный въ этомъ году на войну. Я передаю его слова въ точности безъ прикрасъ.

I.

Вотъ уже второй разъ въ моей жизни, — началъ солдатъ, — мнѣ приходится проводить сейдеръ за чужимъ столомъ. Въ первый разъ это случилось, когда я былъ еще мальчикомъ лѣтъ девяти — это было тридцать два года тому назадъ; тогда вмѣстѣ со мной проводила Гіасху въ чужомъ домѣ вся наша семья: отецъ, мать, братъ, сестры и даже нашъ слуга Степа. Какъ это вышло, вы спрашиваете? Дѣло было такъ.

Мой отецъ поселился съ семьей въ маленькой деревушкѣ на разстояніи одного дня ѣзды отъ мѣстечка ровно черезъ день, черезъ одинъ только день послѣ того, какъ евреямъ было запрещено жить въ сельскихъ мѣстностяхъ. Еслибъ онъ переселился туда однимъ днемъ раньше, ничего бы не произошло, но онъ опоздалъ на одинъ день — и участь его была рѣшена. И шелъ онъ противъ закона не ради удовольствія и не изъ желанія прекословить на зло, къ этому его вынудила должность,

которую онъ получилъ въ одномъ изъ сосѣднихъ лѣсовъ, а когда дѣло касается заработка, то не думаютъ вѣдь ни о преступленіи, ни о связанномъ съ нимъ наказаніи. Мѣстныя власти сперва было показали себя строгими, но въ сущности были очень довольны: для нихъ, въ концѣ концовъ, полезнѣе одинъ безправный еврей, чѣмъ десять съ правами, тотъ — плодовое дерево, а эти — безплодный кустарникъ. Дѣйствительно, прошло нѣкоторое время, и между двумя сторонами, — между преступникомъ отцомъ и властями, блюдущими устои законовъ, установились «нормальныя отношенія»: отецъ съ семьей жилъ въ деревнѣ, а они получали за это, каждый по чину, ежемѣсячную мзду, кромѣ случайныхъ подарковъ, праздничныхъ, небольшихъ безвозвратныхъ ссудъ, кромѣ всякихъ подношеній какъ въ христіанскіе, такъ и въ еврейскіе праздники или въ день рожденія станового, его жены и всѣхъ дѣтей. Эти люди — вы знаете вѣдь — не брезгаютъ никакой подачкой: пару откормленныхъ индюковъ, боченокъ вина, бутылку водки, сотню яицъ, голову сахара въ синей бумагѣ, фунтъ чаю, пачку табаку, свѣжій сыръ, «маковыя ушки» — они все берутъ. И какъ они наивны. Становой, напримѣръ, никогда не требуетъ, а проситъ. «Іося, — говаривалъ онъ отцу, опуская ему тяжелую руку на плечо, — прикажи, пожалуйста, свезти мнѣ немного дровъ изъ твоего лѣсу, зима вѣдь подходитъ уже». Или: «Не забудь, голубчикъ, послать мнѣ черепицъ, этакъ штукъ тысячу; видишь, моя крыша нуждается въ ремонтѣ».

У кривого урядника была своя манера: то, что приглянулось его кривому глазу, онъ расхваливалъ. «Ита, — говорилъ онъ матери, поглядывая на жирную курицу, копавшуюся во дворѣ въ грязи, — гдѣ ты достала такую отличную курочку?» И будьте покойны, послѣ такой похвалы эта отличная курочка складывала свои крылышки на сѣно въ синей коляскѣ урядника. Урядникъ старался

являться къ намъ непремѣнно по субботамъ или по праздникамъ и обязательно во время обѣда. Только садились за столъ, какъ въ окнѣ, выходившемъ на улицу, показывалась рыжая лошадь и синяя коляска урядника, а въ колескѣ самъ урядникъ. Что подѣлаешь? Принимали его съ почетомъ, приглашали къ обѣду. Субботнія пѣсни отмѣнялись, книга, въ которую папа заглядывалъ между двумя блюдами, закрывалась и откладывалась въ сторону, раздавалась пьяная болтовня, оскверняли субботній столъ непристойными словами, насмѣшками, которыя приходилось принимать за пріятную шутку, смѣяться имъ въ то время, какъ внутри мы подергивались отъ боли, и рука сжималась, чтобъ схватить гостя за шиворотъ и выбросить его вонъ.

Правда, со временемъ вся семья привыкла къ нему, не замѣчала его, и нерѣдко, вливъ въ глотку цѣлую бутылку водки, охмелѣвъ, онъ пѣлъ вмѣстѣ съ нами субботнія пѣсни, сопровождая ихъ, по своему обыкновенію, гримасами и ругательствами. При этомъ онъ подмигивалъ осоловѣлыми глазами, какъ бы нечаянно хваталъ руками служанку Парашу, полную крестьянку съ лицомъ, изрытымъ оспой. Только нашъ меламедъ, привезенный изъ мѣстечка, никакъ не могъ примириться ни съ урядникомъ, ни съ собакой, привязанной у насъ во дворѣ на цѣпи. И тотъ, и другая казались ему каждый разъ новыми и ввергали его въ ужасъ, хотя отецъ вносилъ за лишнюю голову меламеда особую дань.

Такъ прожили мы въ деревнѣ лѣтъ пять. Тѣмъ временемъ отецъ построилъ изъ своего матеріала маленькій домикъ. На торжество обновленія дома онъ пригласилъ и всѣхъ крестьянъ деревни, устроивъ имъ общій столъ. За домомъ тянулся и спускался внизъ большой огородъ, который мать засѣвала. Въ хлѣву стояли три молочныхъ коровы, въ конюшнѣ — пара лошадей. Во дворѣ гуляли куры, кричали гуси со своими выводками. Въ канавѣ пе-

редъ дворомъ возились гусята, на ближайшей полянѣ паслись теленокъ и осликъ. Все, какъ у крестьянъ. Доходы были небольшіе, жизнь скудная, но было въ ней какое-то спокойствіе и беззаботность.

Всѣ будни отецъ проводилъ въ лѣсу, только въ кануны субботъ и праздниковъ онъ возвращался въ своей коляскѣ домой и проводилъ день — два въ кругу жены и дѣтей. Дѣти съ нетерпѣніемъ и радостнымъ трепетомъ ждали его пріѣзда по дорогѣ въ лѣсъ. Какъ только съ опушки лѣса, близкаго къ деревнѣ, раздавались звуки колокольчиковъ его лошадей, дѣти встряхивались, какъ птицы, съ крикомъ и визгомъ бѣжали къ коляскѣ. «Папа, папа!» Тотчасъ они всѣ бросаются, карабкаются на коляску и жмутся къ отцу. Одинъ садится на колѣни, другой виснетъ на шеѣ, третій ощупываетъ карманъ, чтобъ узнать, что привезъ папа. Даже нашъ кучеръ, онъ же и лѣсной сторожъ, Степа, рослый и широкоплечій парень, заражается общей радостью, улыбается, показываетъ свои бѣлые и крѣпкіе зубы и, чтобы доставить дѣтямъ удовольствіе, взмахиваетъ кнутомъ изо всѣхъ силъ, и лошади вихремъ подвозятъ коляску къ дому.

Я не сказалъ еще вамъ, что въ той же деревнѣ уже въ теченіе многихъ лѣтъ жилъ — съ правами — еще одинъ еврей, по имени Зелигъ. Его домъ стоялъ на вершинѣ холма, на краю деревни, а нашъ у подножія холма, и эти два еврейскихъ дома, стоявшіе нѣсколько въ сторонѣ отъ другихъ домовъ деревни и отличавшіеся отъ нихъ высотой, формой крыши и оконъ, казались отдѣльнымъ маленькимъ поселкомъ. Очень скоро сверху внизъ была протоптана по холму узкая тропинка, мелькавшая въ зелени, какъ проборъ въ волосахъ, и связавшая крѣпкими узами оба дома. Въ обоихъ домахъ одинъ меламедъ, одни порядки и обычаи. Каждая хозяйка знаетъ, что въ горшкѣ у другой, онѣ посылаютъ другъ къ другу отвѣдать своихъ кушаній и печеній. Одна

у другой одалживаетъ лопату, горшокъ, сито. Онѣ совмѣстно пріобрѣтаютъ пучекъ зелени, яйца, пару куръ. Въ зимніе вечера и въ длинные лѣтніе дни онѣ приходятъ одна къ другой или устраиваются возлѣ дома поболтать, перебрать горохъ, варить варенье, щипать перья, вязать чулокъ.

Прошло немного времени и союзъ между двумя семьями упрочился. Сосѣди стали свояками. Отецъ былъ обремененъ дѣтьми, мальчиками и дѣвочками. Старшему сыну Шмуэлю уже исполнилось 20 лѣтъ, онъ пользовался льготой при отбываніи воинской повинности. У Зелига, наоборотъ, сперва шли дѣвочки, потомъ мальчики, и старшая дочь Зельда уже была на выданьи. Отпраздновали помолвку, назначили день свадьбы. Однако льгота не спасла жениха, онъ былъ забранъ на военную службу, и къ печали всѣхъ членовъ обѣихъ семей свадьба была отложена до лучшихъ временъ, т. е. пока женихъ не вернется съ военной службы.

Одно обстоятельство очень огорчало папу: въ деревнѣ не было постояннаго «миньона»*), а суббота или праздникъ безъ общей молитвы, говаривалъ папа, теряютъ половину прелести. У насъ всего было семь человѣкъ для «миньона» — четыре у насъ въ семьѣ: папа, два старшихъ брата и меламедъ, и три въ семьѣ Зелига. А когда братъ уѣхалъ служить, осталось шесть. Поэтому папа бывалъ очень доволенъ, когда Богъ посылалъ ему на субботу гостей: лѣсоторговцевъ, пріѣзжавшихъ въ лѣсъ лѣсныхъ приказчиковъ, его товарищей, или вообще какого-нибудь еврея, разъѣзжающаго по деревнямъ, стекольщика, коробейника. Въ подобныхъ случаяхъ папа съ вечера посылалъ увѣдомить объ этомъ Песахъ-Ици молочника, простого и бездѣтнаго еврея, ко-

*) Десять человѣкъ, необходимыхъ для совмѣстной молитвы.

торый жилъ со своей безплодной женой и молочными коровами въ одинокомъ хуторѣ въ одной изъ ближайшихъ долинъ на разстояніи не большемъ, чѣмъ разрѣшается по закону пройти въ субботу. Тотъ приходилъ къ намъ въ субботу утромъ, шелъ онъ черезъ поле и огороды, надѣвъ бѣлый талесъ *) подъ праздничный сюртукъ, чтобы присоединиться къ десяти. Дѣлалъ это онъ не потому, чтобы онъ былъ такъ щепетиленъ въ исполненіи законовъ — большинство деревенскихъ жителей не особенно слѣдитъ за выполненіемъ заповѣдей — но потому, что если ужъ молиться въ субботу въ обществѣ, то надо дѣлать это, какъ слѣдуетъ. Когда людей не было, присоединяли къ миньону несовершеннолѣтняго и давали ему въ руки пятикнижіе. Когда же миньоны участились, папа привезъ изъ мѣстечка свитокъ Торы, хранившійся въ небольшомъ кивотѣ за занавѣской; въ классной комнатѣ для него былъ отведенъ особый уголъ, который съ тѣхъ поръ нагонялъ на насъ, маленькихъ, мистическій страхъ своей таинственной святыней. Чтеніе Торы, которую нараспѣвъ читалъ нашъ меламедъ въ маленькой деревенской общинѣ, облачавшейся въ «талесы» и вооруженной очками и пятикнижіями, придавало субботнему утру настроеніе особой святости; послѣднюю, казалось, чувствовала даже мѣдная посуда, сверкавшая съ буфета своей чистотой и улыбавшаяся намъ нѣжной и ласковой улыбкой субботы. Въ смежной комнатѣ въ это время стояла мама въ чистомъ субботнемъ платьѣ, въ шелковомъ платкѣ, съ толстымъ молитвенникомъ въ рукахъ; губы ея шепчутъ, глаза наполняются слезами умиленія, значеніе которыхъ приблизительно таково: «Правда, мы заброшены въ деревнѣ, затерты среди иновѣрцевъ, но Богъ милостивъ и снисходителенъ. Свой народъ Онъ не оставляетъ, не покидаетъ. Онъ, многомилостивый,

*) Молитвенное одѣяніе.

далъ намъ субботу, помѣстилъ у насъ въ домѣ свою святую и чистую Тору». Въ честь такой субботы, когда собирался «миньонъ», мама наканунѣ заготовляла лишній кугель и послѣ молитвы угощала всѣхъ водкой, пряниками и всякими субботними блюдами. Евреи пьютъ, по обыкновенію, маленькими глотками, благодарятъ папу и маму: «На здоровье, Іося, дай Богъ, чтобъ евреямъ жилось хорошо и вольготно. На здоровье, Ита, дай Богъ, чтобъ вашъ сынъ поскорѣй вернулся». Мама вздыхаетъ и отвѣчаетъ: «Аминь, дай Богъ, да будетъ воля Его».

Порой бывали у насъ въ домѣ и дружескія бесѣды и вечеринки. Въ зимній субботній вечеръ, когда закалывали теленка или рѣзали гусей и выжаривали ихъ жиръ, къ намъ приходилъ рѣзакъ изъ сосѣдняго мѣстечка. Это былъ умный еврей, всегда чисто одѣтый, съ широкимъ поясомъ и пріятной манерой говорить. Онъ приходилъ въ пальто съ футляромъ для ножей и приносилъ къ намъ съ собою духъ мѣстечковаго еврейства и какую-то торжественность. По такому случаю къ намъ собирались тотчасъ же послѣ «гавдолы» всѣ участники «миньона»: ребъ-Зелигъ съ женой и сыновьями, молочникъ Песахъ-Ици, его безплодная жена, два-три лѣсныхъ приказчика, задержанныхъ папой съ пятницы. Всѣ сидятъ у стола вокругъ кипящаго самовара, пьютъ чай и потѣютъ. Папа играетъ съ Зелигомъ въ «волкъ и овцы», меламедъ стоитъ надъ ними, раскачивается, какъ бы изучая Талмудъ, и подаетъ совѣты обѣимъ сторонамъ одновременно. Приказчики — скалозубы и весельчаки — развлекаютъ женщинъ своими шутками. Песахъ Ици молочникъ не вынимаетъ изо рта трубки съ махоркой и наполняетъ комнату дымомъ и пепломъ. Старшій братъ, музыкантъ, стоитъ и наигрываетъ на скрипкѣ хасидскую или валашскую мелодію.

Но вотъ въ комнату входитъ рѣзакъ. «Добро пожаловать! Доброй недѣли». Всѣ уступаютъ ему почетное мѣсто. Торопливо выпивъ два-три стакана чаю и согрѣвшись, онъ подымаетъ полы, засучиваетъ рукава и со сверкающимъ ножомъ и съ видомъ разбойника отправляется на бойню, т. е. въ хлѣвъ, чтобъ расправиться съ теленкомъ и со связанными гусями. Дворовыя собаки слышатъ крики связанныхъ гусей и мычаніе поваленнаго теленка, осаждаютъ хлѣвъ и съ нетерпѣливымъ и взволнованнымъ лаемъ ждутъ своей доли, несъѣдобныхъ частей, которыя обыкновенно выбрасываются. Окончивъ свою работу, рѣзакъ возвращается въ комнату, садится на самое почетное мѣсто, и вновь у него благоразумный видъ еврея-рѣзника съ широкимъ поясомъ и пріятнымъ разговоромъ. «Волкъ и овцы» откладываются, и всѣ взоры обращаются къ нему. Ребъ-Гди — такъ зовутъ рѣзника — сидитъ въ чистой бархатной ермолкѣ, подъ которой выдѣляется широкій бѣлый лобъ, и разсказываетъ свои исторіи: сказанія объ Иліи Пророкѣ, — добромъ будь помянутъ, сказаніе о Баалѣ-Шемъ-Тобѣ, — благословенна память его, снова сказаніе о старцѣ изъ Шполы, — да осѣнитъ насъ его благодать, еще сказаніе объ одномъ изъ тридцати шести праведниковъ... Всѣ молчатъ и напряженно слушаютъ. Ребе сидитъ съ закрытыми глазами, держась рукой за свою тощую бороду, раскачивается, какъ бы изучая Талмудъ, и слушаетъ съ величайшимъ вниманіемъ, поминутно испуская богобоязненные вздохи. Песахъ Ици окутанъ облакомъ дыма, и шляпа его сдвинулась на затылокъ. Приказчики, эти шалопаи, вдругъ опустили головы, одна изъ женщинъ спѣшитъ спрятать непокорный локонъ подъ платокъ. Самоваръ, даже и тотъ понижаетъ голосъ и тихо шепчетъ. Тихо. Разсказъ рѣзника, тихій, мѣрный и выразительный, течетъ медленно, каплетъ сладкими каплями и проникаетъ прямо въ сердца, какъ животворный

бальзамъ. Если такъ, міръ еще не брошенъ на произволъ, хранитель Израиля не дремлетъ вѣдь, не спитъ...

Послѣ этого трапеза въ честь проводовъ «царицы Субботы»; начинается она выпивкой — водка, наливка, на закуску шкварки, пупки, печенка только что зарѣзанныхъ гусей, середина — опять выпивка, горячій и согрѣвающій борщъ съ начиненными блинчиками, конецъ — снова выпивка, пѣніе, игра брата на скрипкѣ, воодушевленныя пляски до разсвѣта. Молочникъ Песахъ-Ици, этотъ молчаливый еврей, въ такую ночь иногда переступалъ границу и доходилъ до крайней степени воодушевленія. Онъ бывало пляшетъ и поетъ до потери разсудка, до изнеможенія, среди пляски онъ сбрасываетъ съ себя сюртукъ, лицо его пылаетъ, глаза закрыты, руки молитвенно простерты, онъ пляшетъ и кричитъ: «Израиль, святой народъ, вотъ да послужу я искупленіемъ за малѣйшій ноготокъ Израиля». Или плачетъ: «Евреи, добрые люди, дайте мнѣ сгорѣть во славу Господню. Сжальтесь надо мной, свяжите и бросьте на костеръ. О, сердце мое сгораетъ любовью къ Израилю». Такъ онъ бывало пляшетъ, кричитъ, плачетъ пока не падаетъ, какъ мертвый, на полъ. А на завтра рано утромъ, прійдя въ себя, онъ украдкой уходитъ домой, возвращается къ своему молоку, къ коровамъ, къ трубкѣ и снова молчитъ долгое время.

Большинство праздниковъ у насъ проходило въ скромной и спокойной радости, окутанной тихой печалью. Оторванность отъ еврейской среды, оторванность вынужденная, въ эти дни особенно чувствуется жителями деревни, и сердце наполняется тоской. То, что довлѣетъ людямъ, исполняется по обычаямъ: трапезы, питье, сонъ, отдыхъ. Но то, что довлѣетъ Богу, пропадаетъ, нѣтъ синагоги, нѣтъ еврейской среды, ничего нѣтъ. А иногда нѣтъ даже «миньона», потому что меламедъ на эти дни уходитъ домой, а гостей тоже не бы-

ваетъ: вѣдь даже самый послѣдній бѣднякъ остается дома на праздникъ, если даже и удается соорудить «миньоны», то что за удовольствіе — грѣхи наши тяжкіе! — въ круженіи съ однимъ свиткомъ Торы и въ потрясеніи одной пальмовой вѣтвью. Кругъ праздничныхъ визитовъ тоже не особенно великъ и занимателенъ. Семья Зелига и Песахъ-Ици приходятъ къ намъ, наша семья и семья Песахъ-Ици — къ Зелигу, наша семья и семья Зелига къ Песахъ-Ици — весь кругъ законченъ. Сидятъ другъ у друга, щелкаютъ орѣхи и сѣмечки, разсказываютъ давно устарѣвшія новости, барабанятъ кольцами по столу и зѣваютъ такъ, что скулы болятъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ старшій братъ ушелъ на военную службу, въ чашѣ тихой печали матери прибавилась новая капля, дававшая себя чувствовать особенно по субботамъ и праздникамъ. Семейный кругъ сузился, скрипка брата все время висѣла на стѣнѣ нѣмая и одинокая. Мѣсто брата за столомъ, которое оставалось незанятымъ, казалось матери слѣдомъ вырваннаго зуба или отрѣзаннаго пальца. Каждый разъ, дѣля кушанье между окружающими, она поднимала печальные глаза на пустое мѣсто и сдерживала вздохъ, чтобъ не нарушить праздникъ или субботу.

Отношенія между отцомъ и крестьянами были очень доброжелательны. Съ тѣхъ поръ, какъ отецъ пріѣхалъ рубить лѣсъ, въ деревнѣ прибавился заработокъ: одни изъ крестьянъ работали въ лѣсу, другіе возили дрова и бревна въ мѣстечко, третьи подвозили лѣсъ къ ближайшей станціи желѣзной дороги. Строительный матеріалъ крестьяне нашей деревни получали за безцѣнокъ или въ разсрочку, и мало-по-малу на мѣстѣ покривившихся и вросшихъ въ землю хатъ появились хорошія и высокія постройки — новый домъ, гумно, хлѣвъ. Двѣ-три соломенныхъ крыши замѣнились черепичными, многочисленныя поврежденія въ заборахъ были возстановлены. Бы-

вали, правда, случаи, что матеріалъ пріобрѣтался крестьянами посредствомъ «умыканія» — въ деревнѣ, расположенной возлѣ лѣса, безъ этого не обходится, но папа не преслѣдовалъ «умыкателя» судомъ и часто дѣлалъ видъ, что и вовсе не замѣчаетъ этого. Въ концѣ концовъ, онъ живетъ среди нихъ, вѣдь, но и безъ разрѣшенія еще, и вообще еврею лучше не ссориться. Крестьяне очень уважали его за это и не разъ обращались къ нему со своими тяжбами и недоразумѣніями. Папа умѣлъ говорить съ ними ихъ языкомъ и доступнымъ имъ образомъ: одного защититъ, другого упрекнетъ, третьяго выругаетъ, и всѣ уходятъ отъ него удовлетворенными. Съ наиболѣе почтенными изъ крестьянъ папа обмѣнивался даже подарками въ праздникъ Пуримъ: папа посылалъ имъ «гамановы ушки» и другое печенье, а они отвѣчали живой курицей, яйцами, лукошкомъ маку. Одинъ изъ нихъ, Василій, умный и разбитной мужикъ, старый другъ папы, послалъ даже своего сына къ нашему меламеду для обученія письму (въ деревнѣ изъ сорока дворовъ не было ни школы, ни церкви, ни священника), и маленькій мужичекъ Петька совсѣмъ объевреился. Онъ зналъ наизусть много отрывковъ изъ молитвъ, разсказы изъ библіи, которые разсказывали ему товарищи евреи или которые ему доводилось случайно слышать, писалъ онъ по-русски еврейскими буквами, но наоборотъ, непремѣнно слѣва направо. Въ святочную ночь деревенскіе парни приходили со своими пѣснями подъ наши окна, и наша старая нянька Явдуха выносила имъ изъ дому бѣлую булку, бобовъ, гороху, мелкихъ денегъ. Весной старшій братъ отправлялся въ ближайшую рощу и привѣшивалъ между двумя деревьями качели, на которыхъ качались всѣ деревенскія дѣти, русскія и еврейскія вмѣстѣ. Зимой онъ дѣлалъ имъ салазки, на которыхъ дѣти скользили съ верхушки зеленой горы до самаго низу. Лѣтними вече-

рами иногда деревенскіе парни и дѣвки собирались возлѣ нашего дома. Шмуэль, мой братъ, стоялъ у окна и игралъ на скрипкѣ, они плясали, танцовали возлѣ дома. Между прочимъ, эта старуха Явдуха выняньчила у насъ троихъ дѣтей и очень привязалась къ нимъ и ко всей семьѣ. Она добросовѣстно воспитывала дѣтей: кормила и поила, укладывала спать и будила, слѣдила, какъ еврейка, за тѣмъ, чтобъ они надѣвали маленькій талесъ, чтобъ ходили съ покрытой головой и молились по утрамъ, слѣдила за ихъ занятіями, за набожностью, не позволяла имъ ѣсть молочное съ мяснымъ. Когда кто-нибудь изъ нихъ заболѣвалъ, она тайно приносила склянку святой воды и кропила больного.

Все какъ будто шло хорошо. Жило себѣ спокойно маленькое еврейское семейство въ одной изъ маленькихъ деревушекъ — и кому какое дѣло? Такъ нѣтъ же, попуталъ сатана и въ одно мгновенье все пошло прахомъ.

II.

Сатана пришелъ на шестой годъ нашего пребыванія въ деревнѣ. Въ губернскомъ городѣ произошли перемѣны: одинъ губернаторъ умеръ или ушелъ, его мѣсто занялъ другой, по всей губерніи начали слѣдить за порядкомъ, пошли строгости, многихъ выселяли. Зловѣщіе слухи, ежедневно приходившіе изъ окрестныхъ мѣстъ, повергали въ страхъ и безпокойство одинокія еврейскія семьи, жившія въ деревняхъ. Жизнь была на волоскѣ, зависть и соревнованіе усиливались. Каждый дрожалъ за свою шкуру и съ опаской смотрѣлъ на другого. Папа иногда возвращался изъ лѣсу разстроенный, долго шептался съ матерью и съ Зелигомъ, потомъ внезапно уѣзжалъ въ уѣздный или губернскій городъ съ цѣлью смягчить власти. Одна мысль о выселеніи изъ деревни леденила кровь. Наша семья уже прочно осѣла въ де-

ревнѣ, и какъ разъ незадолго до усиленія строгостей папа началъ строить смоляной заводъ, въ который онъ вложилъ почти весь свой капиталъ. Очевидно хлопоты отца въ присутственныхъ мѣстахъ не имѣли успѣха, потому что онъ изъ своихъ поѣздокъ возвращался еще болѣе недовольнымъ, чѣмъ прежде. Чиновники въ присутственныхъ мѣстахъ вдругъ опять стали очень строгими. Курсъ «дани» повысился во много разъ, но полной увѣренности все же не было. Урядникъ продолжалъ навѣщать насъ, какъ бы исполняя долгъ службы, но теперь онъ старался пріѣзжать къ намъ по вечерамъ, крадучись; правый глазъ его, который казался еще болѣе кривымъ, становился вдругъ чужимъ и холоднымъ, почти сердитымъ, его бѣлокъ расширялся, и онъ какъ бы не узнавалъ насъ. Деревенскіе крестьяне тоже вдругъ измѣнились: какое-то высокомѣріе появилось въ нихъ — высокомѣріе, котораго раньше въ нихъ не было. И хуже всего, что не проходило ни одной ночи безъ кражи лѣса. Были среди крестьянъ и такіе, которые не считали нужнымъ скрывать это, зная, что отцу лучше молчать и дѣлать видъ, что онъ не замѣчаетъ. Дошло до того, что однажды ночью нашъ сторожъ накрылъ одного крестьянина, Сашку Волка, извѣстнаго въ деревнѣ вора, когда онъ съ двумя сыновьями нагружалъ на телѣгу краденыя дрова. Воры напали на Степу, жестоко избили его и отвезли дрова домой. Такого дѣла, разумѣется, отецъ промолчать не могъ и подалъ въ судъ. Этимъ папа пріобрѣлъ себѣ на деревнѣ много враговъ изъ семьи воровъ и ихъ родственниковъ. Одинъ изъ нихъ, деревенскій грамотей, отъявленный пьяница, началъ писать аккуратно разъ въ недѣлю доносъ по опредѣленной формулѣ на папу: «довожу до вашего свѣдѣнія, что такой-то еврей, живущій со своей семьей въ деревнѣ безъ права жительства, вопреки закону, портитъ общество своими дурными поступками и наноситъ ущербъ гу-

берніи». Крестьянинъ-воръ, бывало, кладетъ письмо за пазуху и отвозитъ куда слѣдуетъ. Присутственное мѣсто каждый разъ приглашало папу на допросъ, и каждый разъ, когда папа возвращался съ такого допроса, онъ бывалъ блѣденъ, какъ мертвецъ. Однажды отецъ такимъ образомъ возвратился, но изъ пары лошадей, которыя онъ запрягалъ въ телѣжку, вернулась домой одна. Вторая лошадь, лучшая, осталась у одного изъ чиновниковъ присутственнаго мѣста въ качествѣ залога, а уцѣлѣвшая лошадь, которой папа не нашелъ тотчасъ подходящей пары, вернулась съ хозяиномъ одна, какъ бы прибитая, а оглобля, которая была обычно посерединѣ, страшно болталась съ одного боку. Лицо отца пылало отъ обиды, точно ему сбрили полбороды или отрѣзали половину сюртука, а кучеръ Степа едва не плакалъ отъ огорченія и, когда онъ выпрягалъ единственную лошадь и отводилъ ее въ конюшню, онъ осыпалъ ее ругательствами и проклятіями, скрежеталъ зубами, билъ ее кулакомъ по мордѣ, вымещая на ней свой гнѣвъ. Потеря эта была, правда, вскорѣ возмѣщена. Отецъ промѣнялъ единственную лошадь, тоже хорошую, на пару похуже, что очень огорчило Степу, но спокойствіе и увѣренность къ намъ уже не возвращались. Не зная, что готовитъ грядущій день, отецъ прекратилъ работу по постройкѣ завода, и зданіе осталось незаконченнымъ. Папа говорилъ, что ряды кирпичей, брошенные въ чащѣ между деревьевъ свиньямъ и телятамъ, являются къ нему каждую ночь и плачутъ.

Тѣмъ временемъ строгости по отношенію къ деревенскимъ евреямъ усиливались. Сперва, было, давали нѣкоторый срокъ для выселенія, потомъ начали выселять безъ предупрежденія. Не помогалъ никакой выкупъ. Очаги, которые строились годами, неожиданнымъ приказомъ разрушались въ одно мгновенье. По дорогамъ, по направленію изъ деревень въ мѣстечки, цѣлыми днями ползли

крестьянскія телѣги съ еврейскимъ скарбомъ. На завтра эти же крестьяне возвращались въ свои деревни и радовались злополучію оставшихся евреевъ, которыхъ приказъ еще не настигъ. Тайный страхъ царилъ въ нашей семьѣ, и всѣ ожидали самаго худшаго.

Однажды, въ православный праздникъ, когда папа былъ дома, Степа въ смущеніи вбѣжалъ въ домъ и разсказалъ, что крестьяне собрались всѣ въ кабакъ и пьяные пишутъ какую-то бумагу противъ отца. Главные подстрекатели —Сашка Волкъ, вороватый мужикъ, и его родственникъ грамотей. Мнѣніе защитниковъ отца обрабатывается водкой, которой жалобщики потчуютъ сходъ. Бумага, по слухамъ, содержитъ ходатайство схода передъ присутственнымъ мѣстомъ объ удаленіи жида Іоси изъ деревни, во-первыхъ, потому что онъ живетъ вопреки закону, во-вторыхъ, потому что онъ вреденъ. Говорили, что въ этомъ былъ замѣшанъ и еврей. Около этого времени одинъ еврей купилъ участокъ лѣса по сосѣдству съ отцомъ, это привело къ конкурренціи, которая, какъ водится, перешла въ ссору.

Папа немедленно отправился въ кабакъ. Въ его присутствіи, думалъ папа, они не будутъ такъ смѣлы. Такъ и случилось. Внезапный приходъ отца въ кабакъ привелъ подстрекателей въ смущеніе. Двое-трое изъ нихъ стушевались и вышли изъ комнаты, остальные уставились въ полъ. Одинъ изъ нихъ смутился и протянулъ руку къ оставленной бумагѣ, чтобы спрятать ее, но его предупредилъ другой крестьянинъ, старый и набожный, изъ почитателей отца: онъ схватилъ бумагу, прижалъ ее сперва къ сердцу, потомъ изорвалъ ее въ куски, приговаривая: «Помолись Богу, Іося, ты избавился отъ несчастія, а мы отъ грѣха. Вели дать водки народу». Папа велѣлъ — и тотчасъ настроеніе общества перемѣнилось. Восторжествовала справедливость, и сторона защитниковъ отца одержала верхъ. Часть раскаявшихся

до того расчувствовалась послѣ двухъ-трехъ рюмокъ, что они клялись Господомъ, что они собаки, сукины дѣти и внуки. А одинъ, прося прощенія у отца, плакалъ навзрыдъ, ползалъ по полу и причиталъ: «Топчи, Іося, топчи!» Другой билъ себя кулакомъ въ грудь и кричалъ, что онъ будетъ защищать Іосю «до послѣдней капли крови, а Волка убьетъ, непремѣнно убьетъ». Когда отецъ возвращался домой, онъ услышалъ крики у кабака. Посреди покаянія, повидимому, подстрекатели и ихъ противники поссорились и начали тузить другъ друга, как водится.

На этотъ разъ бумагу порвали, но опасность не совсѣмъ миновала. Крестьяне раздѣлились на два враждующіе лагеря. Спорамъ и ссорамъ не было конца, и въ присутственныя мѣста поступали доносы отъ обѣихъ сторонъ. Становой — приглашая то одну, то другую сторону, топалъ ногами на тѣхъ и на другихъ и рычалъ: «Въ Сибирь! въ кандалы!»

Въ одинъ изъ дней праздника Маккавеевъ становой пригласилъ папу. Папа положилъ на санки пару жирныхъ гусей — подарокъ женѣ станового и поспѣшилъ на зовъ. Хозяйка приняла подарокъ очень любезно, а становой тотчасъ увелъ папу во внутреннюю комнату и сказалъ:

— Прости, Іося, больше тебя прятать не могу. Твои враги подкопались подъ тебя. По губерніи пошли строгости. Предостереженія да предупрежденія. Еврей въ деревнѣ — сохрани Богъ, чтобъ не видно и не слышно было! Они теперь ясно толкуютъ.

— Да можетъ-ли быть, — возразилъ отецъ — изъ-за одного дня?

— Изъ-за одного дня....

— Что-же дѣлать? — спросилъ отецъ. — Можетъ быть есть какое-нибудь средство?

Становой развелъ руками, вытянулъ губы, какъ бы говоря: дѣлай, что можешь, а я ничего не могу.

Отецъ, не возвращаясъ домой, отправился въ уѣздный городъ, изъ уѣзднаго — въ губернскій. Такъ онъ бросался, кидался и только черезъ нѣсколько дней вернулся домой, разбитый и разстроенный, не добившись почти ничего. Нашлись, правда, у него совѣтчики, но совѣты ихъ были разнорѣчивы, уничтожали другъ друга. Нашлись и ходатаи, которые обнадеживали его, но надежды были слабы. Одинъ изъ нихъ, у котораго, по его словамъ, была «сторона» въ присутственныхъ мѣстахъ, взялъ на себя, разумѣется, за хорошее вознагражденіе, сговориться съ этой «стороной», чтобъ дать отцу право жительства, т.-е. перенесть время его поселенія въ деревнѣ на день раньше. Но всѣ говорили, что ничего изъ этого не выйдетъ: онъ — отъявленный мошенникъ. Все-таки папа далъ ему задатокъ: кто знаетъ, можетъ быть?

Этимъ *можетъ быть* ходатай доилъ папу около трехъ мѣсяцевъ, но толку никакого изъ этого *можетъ быть* не вышло. Каждую недѣлю открывалась новая «сторона», которая требовала мзды, и рука отца устала давать. Въ одинъ прекрасный день ходатай далъ знать отцу, что уничтожить распоряженіе невозможно, оно уже написано и подписано, и лежитъ въ должномъ мѣстѣ. Но что же дѣлать? задержать — это обойдется во столько-то и столько-то. Папа далъ столько-то и столько-то и задержалъ. Прошло нѣсколько дней, и снова пришло извѣстіе, что бумага, несмотря на задержки, движется, и надо снова придержать ее. Папа снова далъ столько-то и столько-то и снова задержалъ ее. И такъ дѣло шло, ходатай стоялъ на стражѣ и держалъ бумагу обѣими руками, а бумага двигалась. Она двигалась медленно, шагъ за шагомъ, незамѣтно для глаза, крадучись, какъ воръ, но все же двигалась, и каждая задержка и остановка стоила отцу денегъ и, глав-

ное, причиняла уколы его самолюбію и множество непріятностей: обиваніе пороговъ начальствующихъ лицъ, безплодныя посѣщенія, тайные подарки, просьбы, лицемѣріе, униженіе передъ важными чиновниками, суровыми и безсердечными, отъявленными пьяницами, передъ гордыми и сумасбродными лицами, тайныя совѣщанія въ грязныхъ кабакахъ, отвратительныя встрѣчи. Подобныя поѣздки портили отцу не мало крови, и возвращаясь домой, онъ по два, по три дня не подымался съ постели. А поднявшись, онъ уходилъ одинъ въ свою комнату и цѣлыми часами шагалъ туда и обратно. Однажды въ сумеркахъ я замѣтилъ, что онъ стоитъ въ углу передъ маленькимъ кивотомъ и тихо плачетъ.

Не мало бѣлыхъ волосъ въ головѣ, не мало морщинъ на лбу прибавили ему эти дни.

Отецъ видѣлъ, что естественнымъ путемъ спасенія желать нечего, и сталъ надѣяться на милость неба. Хлопотать онъ не пересталъ, ибо сказано: «Я благословлю тебя во всемъ, что ты будешь дѣлать», но въ настоящее спасеніе онъ не вѣрилъ. Онъ тайно молился только о томъ, чтобъ несчастье не торопилось придти, а тамъ, кто знаетъ, можетъ быть.... Можетъ быть, случится какое-нибудь чудо, манифестъ какой-нибудь, война или какое-нибудь другое бѣдствіе, которое заставитъ забыть про Іосю изъ Козеевки.

Между тѣмъ наступилъ мѣсяцъ «нисонъ». Отъ брата Шмуэля, который служилъ трубачемъ въ военномъ оркестрѣ, получилось письмо, сообщавшее двѣ новости: во-первыхъ, онъ за свои отличныя музыкальныя способности удостоился нашивки, во-вторыхъ, онъ получилъ отъ начальства отпускъ на пару недѣль и наканунѣ Пасхи пріѣдетъ домой вмѣстѣ со своей трубой. Папа прочелъ это письмо вслухъ при всѣхъ, и весь домъ радовался. Дѣти кричали: «Шмуэль пріѣдетъ! Шмуэль

привезетъ трубу!» Лицо матери на мигъ просіяло, и въ глазахъ ея блеснули слезы.

— Ай, жена, что ты плачешь? — говоритъ папа и тоже стираетъ пальцемъ навернувшуюся слезу. — Вотъ тебѣ добрый признакъ. Вотъ увидишь, что Богъ насъ помилуетъ.

— Дай-то Господи. Хоть ради дѣтей, — отвѣчаетъ мама, съ трудомъ удерживаясь отъ слезъ, чтобъ не огорчить отца.

Увы, молитвы отца и матери не были услышаны. Несчастье очень скоро пришло и въ такой день, когда мы меньше всего ожидали его: въ канунъ Пасхи.

III.

Гость передохнулъ и продолжалъ дальше:

На этотъ разъ канунъ Пасхи выпалъ въ пятницу, и у меня въ памяти онъ сохранился во всѣхъ подробностяхъ. Съ утра солнце свѣтило не переставая, и оба дома, вверху горы и внизу, сверкали и улыбались другъ другу обновленной бѣлизной и кичились одинъ передъ другимъ своими поясами — синей лентой, которая въ честь праздника окружала ихъ станъ подъ окнами. За домомъ раздавались пѣсни бабъ, сегодня впервые вышедшихъ на огородъ, и каждый часъ прибавлялъ новую грядку, черную и сырую. Холмъ Зелига покрылся за ночь послѣ дождя нѣжнымъ покровомъ зеленаго шелка. Тропинка, спускавшаяся сверху внизъ, сверкала особой свѣжестью среди шелка: вся она сверху донизу была усыпана сырымъ золотистымъ пескомъ. Никто не видѣлъ, кто насыпалъ ее, но всѣ понимали, что это тайно рано утромъ сдѣлала невѣста въ честь жениха, который долженъ былъ сегодня пріѣхать. Мнѣ почти жалко было топтать эту дорожку, чтобъ не испортить ее раньше,

чѣмъ ступитъ на нее нога жениха. Въ обоихъ дворахъ шли приготовленія, чистили посуду, терли, скребли, такъ что слышно было издалека. Столы и стулья были осуждены на кипятокъ и на раскаленные камни, ихъ терзала сухая рука сморщенной старушки Явдухи, этой объевреившейся бабы, которая слѣдила за кошерностью лучше любой еврейки, и грубая толстая рука дѣвки Параши съ изрытымъ лицомъ. Хозяйки весь день работали и заставляли работать другихъ съ большимъ рвеніемъ, почти съ самоотверженіемъ, какъ бы состязаясь въ усердіи. Не шутка вѣдь: сегодня пріѣдетъ Шмуэль, женихъ, и послѣ двухъ лѣтъ военной службы.

Вы должны знать, что съ тѣхъ поръ, как получилось письмо брата, между хозяйками возникъ споръ. Моя мать утверждала, что Шмуэль ея гость. «Свои родители, — говорила она, — предпочтительнѣе невѣстиныхъ». А та возмущалась: «Вотъ и нѣтъ! Шмуэль женихъ, и гдѣ это слышно, чтобъ женихъ не провелъ одну Пасху въ домѣ невѣсты?» Въ дѣло вмѣшались мужчины и порѣшили: пополамъ — первый сейдеръ у своихъ родителей, второй у невѣстиныхъ.

Подобное же разногласіе возникло въ этотъ день и между дѣтьми. Каждый хотѣлъ ѣхать со Степой на ближайшую станцію встрѣтить гостя, который долженъ былъ пріѣхать поѣздомъ сегодня днемъ. Въ концѣ концовъ эта честь досталась мнѣ. Я стою и съ нетерпѣніемъ жду отправки коляски, которая уже цѣлый часъ запряжена и не двигается отъ воротъ. Она ждетъ Степу, который сидитъ еще во дворѣ верхомъ на станкѣ, строгаетъ и обтачиваетъ бѣлыя палки, новыя пасхальныя ручки для ухватовъ и лопатъ. Я изо всѣхъ силъ стараюсь помочь Степѣ, чтобы приблизить конецъ, но мать отрываетъ меня оттуда, чтобы помыть голову и перемѣнить бѣлье. Она боится, какъ бы я не замѣшкался въ дорогѣ, какъ бы праздникъ не засталъ меня грязнымъ.

Чтобъ не терять времени, я на этотъ разъ охотно подставляю голову подъ горячую струю, подъ поломанный гребень, надѣваю бѣлоснѣжную и шелестящую рубаху, которая приводитъ меня въ трепетъ своимъ бѣлымъ холодкомъ, и въ подходящую минуту пытаюсь упросить маму позволить мнѣ сейчасъ, — конечно, не для меня, а въ честь брата, надѣть и новый костюмъ, и шапку, и главное, вычищенные ботинки. Мнѣ хочется показаться Шмуэлю во всемъ блескѣ. Но мама отвергаетъ эту просьбу обычнымъ аргументомъ: все это загрязнится въ дорогѣ, такъ что и для вещей и для меня самого лучше будетъ, если я надѣну ихъ, когда вернусь. Я поневолѣ довольствуюсь малымъ и торжественно выхожу, обновленный и пріукрашенный только на половину. Накрахмаленная рубаха третъ тѣло, и я чувствую, какъ часть праздничной радости уже впитывается въ кожу и въ кости.

Въ столовой я натыкаюсь на сестренку, которая сидитъ на скамеечкѣ и толчетъ мацу въ деревянной ступѣ, раза въ два большей, чѣмъ она сама. Вторая сестра, малютка, просѣиваетъ эту муку сквозь мелкое сито, сверкающее Пасхой, въ бѣлую простыню. На круглой деревянной рѣшеткѣ, доскѣ для соленія мяса, уже давно лежатъ выпотрошенныя птицы, синіе пупки, яички, въ серединѣ растерзанный индюкъ. Съ доски стекаетъ красная жижа. Средній братъ натираетъ хрѣнъ, морщится и чихаетъ. У двери въ кухню стоитъ Параша вся въ чистомъ, въ бѣломъ передникѣ и бѣломъ чепчикѣ, какъ невѣста; ея изрытое лицо сіяетъ, она снимаетъ зазубреннымъ ножемъ сверкающую чешую съ толстой и барахтающейся рыбы, для которой приготовлена мѣдная кастрюля. Изъ кухни слышится легкій шумъ растираемыхъ пряностей и приправъ, пылающаго въ обновленной печи огня, оттуда выглядываетъ новая посуда. Папа готовитъ «харейсесъ». Мать погружаетъ въ яму во дворѣ

цѣпь связанныхъ вилокъ и ложекъ. Деревянныя вещи: стулья, полки, бочка, бѣлый ушатъ — все почищенное и помытое стоитъ уже на мѣстѣ и исполняетъ свое назначеніе. Изъ другой ямы во дворѣ еще подымается маленькій огонекъ отъ сожженнаго хомеца*), и въ воздухѣ носится легкій дымокъ. Канунъ Пасхи распространяетъ свои звуки и ароматы далеко кругомъ. Но сама Пасха еще заперта въ залѣ, въ особой комнатѣ, и мама не позволяетъ войти туда. Тамъ она сидитъ, прячется, окруженная свѣтомъ, какъ королева, за занавѣской, среди дорогихъ бѣлыхъ подушекъ и сверкающаго стекла. Она шепчется съ Иліей-пророкомъ. Только когда мама по необходимости открываетъ на секунду дверь, Пасха глядитъ на насъ, дѣтей, однимъ глазомъ, мигая: «Тутъ я, дѣтки».

Черезъ полчаса послѣ уничтоженія «хомеца» трогается коляска — и я въ ней. Теперь я уже знаю, что я ѣду и черезъ два часа увижу, дастъ Богъ, брата и его трубу.

Когда коляска свернула на дорогу, ведущую къ станціи, до меня донеслись пѣсни бабъ, копавшихъ на огородѣ. Я повернулъ голову назадъ, туда, гдѣ мы жили: два бѣлыхъ дома, верхній и нижній, стоятъ въ своихъ синихъ поясахъ и смотрятъ на меня. Оба торопятъ: не мѣшкайте въ пути — канунъ Пасхи.

Дорога къ станціи, хотя и размокла немного отъ ночного дождя и кое-гдѣ пестрѣла болотами, была не особенно плоха, и лошади бѣжали, по обыкновенію, увѣренной рысью. Отъ деревни до станціи два часа ѣзды, столько же назадъ. Если насъ никто не задержитъ, мы, по разсчетамъ, должны вернуться съ гостемъ за два — три часа до наступленія вечера, т. е. когда все въ домѣ уже будетъ готово къ празднику. Я представляю себѣ, какова будетъ радость, когда коляска вернется съ

*) Остатки „квашеной“ пищи, сжигаемой наканунѣ Пасхи.

Шмуэлемъ. Всѣ члены обоихъ семействъ соберутся встрѣчать, невѣста тоже.

Лошади бѣжали между вспаханныхъ полей, позванивая бубенцами. Легкій вѣтерокъ дулъ въ лицо. Настроеніе у меня было великолѣпное. Благодать пасхальнаго кануна витала надъ всѣмъ міромъ. Между мелкими облаками открывались большія полосы, сіявшія новой синевой, пасхальной синевой. Въ чистомъ воздухѣ сталкивались волны нѣжнаго тепла и успокоительнаго холода, тѣ и другія поперемѣнно дули въ лицо и въ затылокъ. Среди полей стояли, точно стеклянныя, лужи воды: то онѣ были гладки, такъ что небо отражалось въ нихъ, то дрожали холодной зыбью и сіяли золотыми и серебряными чешуйками, какъ пасхальные бокалы. Даже грязные остатки маленькихъ снѣжныхъ кучъ, показывавшіеся порой изъ ложбинъ, не портили картины. Они казались мнѣ послѣдними остатками хомеца, которые отъ стыда попрятались въ землю.

Коляска бѣжитъ, мы выѣзжаемъ изъ поля въ лѣсъ, изъ лѣсу на поле. Я тѣмъ временемъ обдумываю, какъ пройдетъ день предстоящей Пасхи. Въ эту Пасху у насъ будетъ необыкновенно весело. Каждый день веселье. Въ первый день родители невѣсты придутъ къ намъ: вино, пряники, торты, орѣхи и игра въ орѣхи. На второй день мы пойдемъ къ нимъ, и опять вино, пряники, торты, орѣхи и игра въ орѣхи. Вечеромъ опять всѣ соберутся къ намъ. Придутъ родители невѣсты, она сама, Песахъ-Ици съ женой. Всѣ, всѣ. Шмуэль будетъ играть на трубѣ. Дѣти будутъ танцовать. И опять вино, пряники, торты, орѣхи. . . .

Скажу откровенно: больше, чѣмъ пріѣзду брата, я радовался трубѣ, которую онъ долженъ былъ привезти, и она то заставляла меня торопиться на станцію. Я никогда еще не видалъ трубы. Я зналъ ее только на фотографической карточкѣ, которую братъ прислалъ

вскорѣ по поступленіи въ оркестръ, и которая висѣла на стѣнѣ рядомъ со скрипкой. Братъ изображенъ на ней въ военной формѣ съ трубой въ рукахъ. Великолѣпная штука эта труба! И сейчасъ вотъ я не только увижу ее, но, можетъ быть, и подую въ нее. Одно это *можетъ быть* наполняло меня безграничной радостью, и я не могъ удержаться, чтобъ не подѣлиться этой радостью со Степой, который сидѣлъ впереди меня спиной ко мнѣ.

— Скажи, Степа, — обращаюсь я къ нему — ты видалъ когда-нибудь трубу?

— А то какъ? — отвѣчаетъ онъ, оборачиваясь ко мнѣ съ изумленіемъ.

— Знаешь, Шмуэль привезетъ трубу, настоящую мѣдную трубу!...

Это, повидимому, его совершенно не трогаетъ. Онъ ничего не отвѣчаетъ, поворачивается къ лошадямъ и снова совершенно спокойно погоняетъ. «Что онъ понимаетъ, — думаю я съ презрѣніемъ, этотъ оселъ?» Я прикладываю кулакъ къ кулаку на подобіе трубы и начинаю трубить и пѣть, въ тактъ подскакивая на коляскѣ. Навстрѣчу намъ ѣдутъ много фуръ, возвращающихся со станціи. Вотъ навстрѣчу и легкія дрожки, въ нихъ сидятъ два чиновника. Я себѣ продолжаю трубить, не обращая вниманія. Только Степа нѣсколько разъ оборачивается назадъ и тревожно смотритъ на нихъ, пока они не скрываются, какъ бы предчувствуя, что эта встрѣча не къ добру.

Подъѣхавъ къ станціи, мы застали Шмуэля на крыльцѣ въ ожиданіи. Какъ огрубѣло его лицо, и гдѣ его борода! Я выскочилъ изъ коляски и бросился къ нему. Привѣтствія, поцѣлуи. Степа напоилъ лошадей и положилъ въ коляску вещи брата. Я искалъ среди нихъ глазами трубу, но не нашелъ ничего, кромѣ одного тяжелаго и грубаго сундучка и другого, поменьше и красивѣе, какъ будто

футляръ. Я сообразилъ, что тутъ-то она и находится, но на всякій случай спросилъ у брата, что это.

— Это футляръ съ инструментомъ, — отвѣчалъ онъ.

Рука, которой я ощупывалъ футляръ, отдернулась изъ уваженія. Инструментъ! Я хотѣлъ попросить брата, чтобъ онъ мнѣ тутъ-же показалъ самый инструментъ, но не рѣшился. Я посмотрѣлъ на него умоляюще. Онъ, какъ бы понявъ меня, сказалъ:

— Надо спѣшить домой. Канунъ Пасхи.

Онъ правъ. Надо спѣшить домой, канунъ Пасхи. Мы всѣ заторопились, усѣлись въ коляску. Лошади легкимъ и веселымъ шагомъ побѣжали той-же дорогой, вызванивая: «Шмуэль ѣдетъ! Шмуэль ѣдетъ!» Шмуэль тотчасъ вступилъ со Степой въ безконечный разговоръ о деревенскихъ дѣлахъ; онъ спрашиваетъ, а тотъ отвѣчаетъ. Я же думаю только о футлярѣ и о томъ, что находится въ немъ. Я уже отчаялся было увидать трубу въ дорогѣ: она заперта въ футлярѣ, какъ Пасха въ залѣ. Но, очевидно, Богъ не хотѣлъ лишить меня этого удовольствія, и на нѣкоторомъ разстояніи отъ дома у брата явилась прекрасная мысль издалека дать знать о своемъ прибытіи посредствомъ трубы. Сказано - сдѣлано. Онъ открылъ футляръ, въ его рукахъ сверкнула труба, вся изъ блестящей мѣди, со множествомъ трубочекъ. Я едва не ослѣпъ отъ блеска. Еще мгновеніе, и подъ пальцами брата начали плескаться, подымаясь и опускаясь, тонкіе и чистые звуки. Инструментъ заливался, какъ ребенокъ. Но вдругъ мѣдная глотка заревѣла изо всѣхъ силъ, и по простору полей въ чистомъ воздухѣ раздался красивый и мощный маршъ.

Степа взмахнулъ кнутомъ, и лошади помчались. Ихъ колокольчики сперва смутились было передъ мощнымъ маршемъ и смолкли, но тотчасъ пришли въ себя и снова зазвенѣли, радостно возвѣщая: «Шмуэль ѣдетъ!

Шмуэль ѣдетъ!» Деревья по краямъ дороги разступались передъ нами, давая дорогу; лужи сіяли передъ нами, какъ прежде. Все ликовало: Шмуэль ѣдетъ! Шмуэль ѣдетъ!

Коляска летитъ, и вдругъ навстрѣчу опять дрожки съ двумя чиновниками. Тѣ самыя дрожки и тѣ самые надзиратели-чиновники, которыхъ мы встрѣтили по дорогѣ на станцію. Эта двукратная встрѣча казалась мнѣ дурнымъ знакомъ, надъ которымъ можно призадуматься. Труба въ рукахъ Шмуэля вздрогнула и какъ будто внезапно потускнѣла. Шмуэль быстро опустилъ ее на дно коляски и прикрылъ ее шинелью. Коляска и дрожки быстро промчались одна мимо другой, и пассажиры ихъ какъ-бы по какому-то тайному знаку, всѣ какъ одинъ, обернулись назадъ и долго подозрительно смотрѣли другъ на друга.

Между тѣмъ наша коляска съ короткимъ и тяжелымъ громомъ, который тотчасъ оборвался, проѣхала по маленькому мостику, перекинутому черезъ ровъ, и въѣхала въ деревню. Здѣсь, какъ было условлено, насъ должны были встрѣчать, но, къ нашему удивленію, тамъ никого не оказалось. На сердцѣ стало тревожно. Братъ далъ еще одинъ слабый сигналъ трубой и спряталъ ее въ футляръ. Степа вдругъ привсталъ, ударилъ по лошадямъ изо всѣхъ силъ и погналъ ихъ вихремъ. Передъ нами быстро пробѣгали одинъ за другимъ одинокіе домики на краю деревни, заборы, босые и грязные ребятишки, которые топтались въ лужахъ и вскакивали при звукѣ бубенцовъ и кнута, при видѣ солдата, несущагося въ коляскѣ.

Вотъ показались и два бѣлыхъ домика на вершинѣ и у подножія холма. Передъ нашимъ дворомъ стояла группа мужчинъ и женщинъ. Это, очевидно, собрались въ честь гостя. Но почему никто не шелохнется навстрѣчу? Странная вещь.

Степа стоитъ еще на козлахъ, разставивъ ноги и высоко взмахивая кнутомъ. По временамъ въ воздухѣ раздается звукъ кнута, точно лопаются пузыри. Коляска шумно и стремительно приближается. Вотъ я уже различаю въ толпѣ отдѣльныя лица. Семья Зелига, взрослые и дѣти, Песахъ-Ици, жена его и т. д. Наряды перемѣшались какъ-то, праздничные и будничные. Вотъ новыя шапки, платки, ботинки. Вотъ и невѣста тутъ. Вся въ бѣломъ. Вотъ и деревенскій староста съ окладистой бородой и краснымъ поясомъ. Онъ стоитъ въ сторонѣ съ палкой въ рукахъ и съ мѣдной бляхой на груди. При чемъ онъ тутъ? И почему изъ нашихъ никого нѣтъ?

Какъ только коляска остановилась у воротъ, и ясно показались лица собравшихся, мы все поняли. Безъ словъ и объясненій стало понятно....

IV.

Гость понизилъ голосъ и продолжалъ:

Разгадка была очень жестокой, настолько жестокой, что ее не могъ перенести такой мальчикъ, какъ я. Это вѣдь случилось такъ неожиданно!

Кто могъ подумать, что когда я вернусь съ братомъ со станціи домой, мы не застанемъ тамъ ничего.

Кто ожидалъ, что въ теченіе четырехъ-пяти часовъ, что мы были въ дорогѣ, придутъ къ намъ въ домъ люди, погрузятъ и вещи и людей на возы и скажутъ имъ: ступайте, куда глаза глядятъ.

И когда? Именно въ такой день!

Сколько долгихъ мѣсяцевъ это постановленіе ползло, ползло тихо, подкрадываясь, какъ ехидна, чтобъ теперь въ моментъ, когда забыли о немъ, вдругъ выпрыгнуть и ужалить. И какъ сильно и ядовито это жало!

Собравшіеся въ новыхъ шляпахъ и платочкахъ, встрѣтили насъ молча; ихъ лица сказали намъ о томъ, что произошло. Мрачнымъ и убитымъ видомъ, заплаканными глазами они походили больше на провожающихъ покойника, чѣмъ на встрѣчающихъ гостя.

Когда Шмуэль, а за нимъ и я вылѣзли изъ коляски, неожиданно вырвался и какъ стрѣла поднялся вверхъ стонъ, крикъ одинокаго отчаянія, который тотчасъ оборвался, какъ бы обрѣзанный острымъ ножемъ, и оставилъ глубокій слѣдъ въ воздухѣ и въ сердцахъ. Это крикнула мать невѣсты. Въ этомъ оборвавшемся вскрикѣ былъ стонъ души, отлетающей отъ тѣла. Дѣти разревѣлись. Мужчины отвернулись въ сторону и начали усиленно моргать глазами.

У меня помутилось въ глазахъ, и то, что было дальше, я помню смутно, обрывками.

Я со Шмуэлемъ стоимъ во дворѣ, и я не понимаю, какъ мы попали туда. Новыя шляпы и ботинки безъ тѣлъ между ними ходятъ за нами безшумно, точно плаваютъ въ воздухѣ. Кто-то говоритъ вблизи, я разбираю каждое слово, но не вижу, кто это, и не понимаю, что и зачѣмъ онъ говоритъ. Изъ запертаго хлѣва — я вижу только его замокъ — доносится, пронизывая мозгъ, жалобный ревъ теленка. Почему теленокъ реветъ?

Отъ стѣны дома отдѣляется и доносится по воздуху еще одна новая шляпа. Подъ ней борода, еще ниже двѣ протянутыя руки въ рукавахъ. Руки плачутъ, какъ дѣти, и говорятъ: Смотри, Шмуэль, что сдѣлали съ нами. — Папа? Онъ еще здѣсь?

Вотъ и Явдуха. Она издали всматривается въ Шмуэля, покачиваетъ своей маленькой головой, и тихо стонетъ: «Родной ты мой, голубчикъ мой». Мы въ домѣ: все вверхъ дномъ.

Пасхальный столъ, стѣны, окна — все голо. Кровати пустыя. Нѣсколько стульевъ упало. Вверхъ дномъ.

Только маленькій кивотъ остался стоять въ своемъ уголку, какъ раньше, покрытый чистымъ, новымъ занавѣсомъ, чтобъ не видѣть творящагося въ домѣ безобразія.

Среди этихъ руинъ мечется старая Явдуха, всплескиваетъ руками и тихо стонетъ:

— Пришли, окаянные, пришли... посадили на возъ и отправили... мать и дѣтей.

Стоитъ ли разсказывать подробности выселенія? Это очень просто и коротко.

Два чиновника, спеціально посланные изъ губернскаго города (тѣ самые, которыхъ мы два раза встрѣтили по дорогѣ), вдругъ пріѣхали въ полдень, привезли изъ деревни три воза и велѣли безъ всякихъ разсужденій помѣстить на нихъ людей и вещи и отправить въ одно изъ ближайшихъ мѣстечекъ. Никакія просьбы, слезы и вопли не помогли. Мать и дѣти силой были посажены на возъ вмѣстѣ съ подушками, съ картинами, съ узломъ мацы и прочимъ скарбомъ. Даже кастрюля съ рыбой и горшокъ съ мясомъ были сняты съ плиты недоваренными и выселены съ хозяевами. Съ переселенцами отправилась и лучшая изъ нашихъ трехъ коровъ, мать оставленнаго теленка, потому что дѣти нуждались въ молокѣ. Отцу съ большимъ трудомъ удалось получить разрѣшеніе остаться на часъ, пока прибудутъ остальные сыновья, я и Шмуэль, и коляска, но съ условіемъ, чтобы немедленно затѣмъ всѣ покинули деревню. Въ тотъ же день, въ той же колясклѣ. Сельскому старостѣ было строго-настрого приказано не уходить оттуда, пока приказъ не будетъ выполненъ въ точности.

Приказъ былъ выполненъ въ точности.

Папа передалъ Тору съ ея маленькимъ кивотомъ Зелигу, вручилъ связку ключей старой Явдухѣ, которая

осталась сторожить домъ, и началъ самъ торопиться и торопить меня со Шмуэлемъ садиться въ коляску, чтобъ догнать мать и дѣтей.

Наступилъ послѣдній моментъ разлуки. Старая няня прижала мою голову къ своей груди и разрыдалась. Изъ толпы снова послышался плачъ женщинъ. Невѣста закрыла лицо руками, плечи ея дрожали. Ея мать упала въ обморокъ.

Коляска тронулась. Взрослые мужчины, Зелигъ и Песахъ-Ици, безмолвно проводили насъ до конца деревни, гдѣ начинался лѣсъ, и вернулись обратно. Изъ крестьянъ никто не вышелъ проводить насъ. Завидѣвши насъ издали, они спѣшили прятаться по домамъ. Черезъ минуту коляска очутилась въ лѣсу. Все осталось позади — два бѣлыхъ домика, холмъ, провожавшіе, староста съ палкой и съ мѣдной бляхой, Явдуха — нѣтъ уже деревни.

Справа отъ дороги, сквозь вѣтви тощихъ деревьевъ, показалась круглая полянка, посреди которой высилась неконченная постройка: это смоляной заводъ. Ряды кирпичей скорбно смотрѣли на насъ изъ-за стволовъ деревьевъ. Мнѣ казалось, что они проснулись отъ глубокаго сна, сна послѣ отчаянія, и тихо жалуются: «Іося, Іося, почему ты покинулъ насъ?».

Папа отвернулся, чтобы не видѣть ихъ. Вдругъ послышалось всхлипываніе и тихіе вздохи.

Папа плакалъ.

Степа сердито стегнулъ по лошадямъ, какъ бы желая заглушить ихъ топотомъ и бубенцами плачъ отца, но лошади были утомлены, дорога была скверная, и коляска подвигалась медленно.

Снова коляска бѣжитъ между лѣсовъ и полей. Снова тихо и мелодично позваниваютъ бубенцы, но какъ грустенъ этотъ звукъ теперь!

Подъ вечеръ показались, наконецъ, издали три воза съ людьми и узлами, тянувшіеся по грязи. За послѣднимъ

возомъ шла привязанная къ нему корова. Она все время оглядывалась назадъ и отчаянно ревѣла. Я снова вспомнилъ мычаніе теленка, запертаго въ хлѣвъ.

Черезъ нѣсколько минутъ мы догнали возы.

Говорить-ли о встрѣчѣ матери съ сыномъ въ пути? Это свыше моихъ силъ, и лучше я пройду мимо этого. Послѣ этой встрѣчи мать долгое время лежала, какъ мертвая, погрузившись въ узлы съ подушками и перинами. Рядомъ съ ней скорчившись лежала моя маленькая сестра, которая уснула среди плача со слезами на щекахъ. Вторая сестра и средній братъ сидѣли на остальныхъ возахъ, тоже съ заплаканными лицами.

На закатѣ обозъ достигъ лѣса, находящагося на разстояніи получаса отъ мѣстечка. Мать вдругъ встрепенулась, поправила платокъ на головѣ, вынула маленькую пачку изъ одного узла, велѣла остановить возъ и слѣзла.

— Куда? — спросилъ папа, видя, что она направляется въ лѣсъ, къ горкѣ, и тоже задержалъ коляску.

— Зажечь свѣчи, — отвѣчала мама.

Никто не удивился. Вѣдь сегодня и суббота и Пасха, а она ни разу еще не пропустила благословенія свѣчей. Но никто не воображалъ, что въ сумятицѣ выселенія она не забудетъ приготовить свѣчи, на тотъ случай, если придется застрять.

Шмуэль бросился за ней помочь ей. Крестьяне остановились и съ благоговѣніемъ ждали на мѣстѣ. На горкѣ загорѣлись два маленькіе огонька. Слѣпой лѣсъ вдругъ прозрѣлъ, въ немъ явились два живыхъ глаза. Лѣсныя деревья молча дивились на еврейку въ платочкѣ, которая въ этотъ мигъ стояла среди нихъ, прикрывала руками свѣчки и тихо плакала.

Странная вещь: какъ ни печальна и какъ ни необычайна была въ этотъ день вся обстановка, мнѣ все же показалось, что съ того момента, какъ въ лѣсу зажглись два маленькихъ огонька, лѣсъ наполнился какой-то свя-

тостью, въ одномъ изъ темныхъ уголковъ его гдѣ-то въ скромномъ храмѣ открылись маленькія ворота милосердія, и выглянулъ оттуда добрый ангелъ. Два огонька мнѣ казались двумя золотыми заключительными точками на краю горизонта: до сихъ поръ — будни, отсюда — суббота и праздникъ. Скорбь, охватившая насъ всѣхъ, какъ будто смягчилась и освятилась. Казалось, что даже крестьяне почувствовали это, и когда они вмѣстѣ съ лошадьми снова двинулись, ихъ шаги въ лѣсу среди сумерекъ казались мнѣ болѣе свѣтлыми и значительными, чѣмъ раньше, и ихъ покрикиванія на уставшихъ лошадей выходили мягкими и милосердными, какъ будто скорбь этого мгновенія пролилась на нихъ, смягчивъ и сердце ихъ и голосъ.

Помолившись на свѣчкахъ, мать уже не хотѣла сѣсть на возъ, а пошла пѣшкомъ съ краю дороги. Шмуэль и папа шли молча по обѣимъ сторонамъ. Дѣти, по совѣту отца, перешли съ возовъ въ нашу коляску, и Степѣ было приказано везти ихъ въ мѣстечко, не дожидаясь подводъ. Очень скоро позади насъ остались подводы,фигуры сбоку, лѣсъ. Я еще разъ взглянулъ на холмикъ въ лѣсу: два огонька мелькнули еще разъ на мигъ и тотчасъ скрылись. «Потухли» — подумалъ я съ испугомъ, и мнѣ стало жаль лѣса, который снова ослѣпъ и погрузился во мракъ. Врата милосердія, на мгновеніе распахнувшіяся, снова закрыты, добрый ангелъ спряталъ голову, все кругомъ замерло.

Коляска между тѣмъ выѣхала изъ лѣсу, и луна, которая вдругъ поднялась изъ земли, смотрѣла на насъ своимъ полнымъ лицомъ, изумленно спрашивая: кто это ѣдетъ здѣсь въ такой часъ?

Мы всѣ сжались въ колескѣ и сидѣли молча. На душѣ было у насъ пусто. Холодъ, темнота, обида, стыдъ. Какъ мы пріѣдемъ въ мѣстечко въ такое время?

А мѣстечко быстро бѣжитъ намъ навстрѣчу. Оно издали мигаетъ намъ въ вечернемъ сумракѣ множествомъ

огоньковъ, праздничныхъ огоньковъ, которые говорятъ о спокойныхъ домахъ, о чистыхъ и сіяющихъ комнатахъ, о столахъ съ бѣлыми скатертями, уставленныхъ всякимъ добромъ, о сіяющихъ подушкахъ, о винѣ, алѣющемъ въ бокалахъ изъ дорогого стекла, о сверкающихъ вилкахъ и ложкахъ, о новыхъ одеждахъ и нарядахъ, о праздничномъ умиленіи, о свѣтлыхъ лицахъ...

Изъ всѣхъ евреевъ всего міра, можетъ быть, только мы въ этотъ часъ находимся въ дорогѣ.

Я взглянулъ на небо. И оно въ эту ночь принарядилось и надѣло всѣ свои украшенія: большія звѣзды, малыя, совсѣмъ малюсенькія... То тутъ, то тамъ наползаютъ на нихъ серебряныя цѣпочки легкихъ облаковъ, едва замѣтныхъ, кажущихся въ своей легкости и чистотѣ вѣнцомъ прекрасной праздничной синевы. Вотъ они окружаютъ серебряное блюдо — мѣсяцъ, осторожно снимаютъ съ него нѣжное покрывало, облачную кисею, и обнажаютъ его во всемъ великолѣпіи.

Тихая скорбь вползаетъ съ луннымъ свѣтомъ и наполняетъ сердце отчаяніемъ. Что-то сдавливаетъ горло, слезы навертываются на глаза. И вдругъ намъ становится понятно все, что случилось съ нами — и слезы бѣгутъ. Сперва мы плачемъ тихо, каждый про себя, потомъ громко и все четверо вмѣстѣ.

Мы плачемъ, а коляска бѣжитъ, бѣжитъ.

Когда мы доѣхали до мѣстечка, луна уже была въ серединѣ неба. По предложенію брата Мойше, коляска ѣхала впереди, а мы слѣзли и шли пѣшкомъ сбоку во мракѣ, стараясь скрыться, какъ воры, въ тѣни заборовъ и домовъ, чтобы не быть замѣтными больше, чѣмъ надо. Предосторожность эта, правда, была излишней, потому что на улицахъ не было ни живой души: еще не вышли изъ синагоги. На всемъ пути до единственнаго постоялаго двора, куда мы шли по указанію отца, мы не встрѣтили ни одного человѣка.

Еще черезъ четверть часа прибыли на постоялый дворъ и подводы и пассажиры ихъ. Въ этотъ моментъ всѣ вышли изъ синагоги, и, проходя мимо, евреи въ праздничныхъ нарядахъ съ изумленіемъ смотрѣли на три подводы со всевозможными узлами, остановившіяся у корчмы Мойше-Аарона, на кусочки мацы, падавшіе съ одной изъ подводъ на землю при свѣтѣ луны.

Въ эту ночь — кончилъ разсказчикъ, — я въ первый разъ вмѣстѣ со всей семьей провелъ сейдеръ за чужимъ столомъ, за столомъ корчмаря Мойше-Аарона— добромъ будь помянутъ. Этотъ добрый человѣкъ оставилъ насъ всѣхъ у себя и не далъ разлучиться. Больше того, желая доставить удовольствіе моимъ родителямъ, онъ почтилъ меня «четырьмя вопросами»*).

— А труба? — раздался вдругъ голосъ маленькаго мальчика, присутствія котораго раньше никто не замѣчалъ. Всѣ присутствующіе оглянулись на мальчика, который покраснѣлъ. Гость улыбнулся и отвѣтилъ.

— Труба? Черезъ пару недѣль, когда кончился отпускъ, братъ вернулся съ ней на службу, и мнѣ не удалось больше услышать ее. Она все время валялась въ своемъ футлярѣ подъ кроватью въ корчмѣ, куда ее бросили вмѣстѣ съ остальными вещами. Она не смѣла вылѣзть оттуда и подать голосъ. Ей было стыдно.

---

*) Четыре вопроса, предлагаемыхъ родителямъ при трапезѣ въ первые два вечера Пасхи.

Оглавленіе

Стр.

Арье — «Баалъ-гуфъ», пер. *Выгодскаго* 7

Самосѣвка, пер. Его же 63

За оградой, пер. *Зеличенко* 91

Гдѣ тонко, тамъ и рвется, пер. *Михалевскаго* . . 147

Власть марша, пер. *Выгодскаго* 163

Непоправимое, пер. Его же 171

Какъ трубѣ стало стыдно, пер. Его же 179